

ДИКИ ЛЮБВИ

Очерки
истории
половой
морали

*В чем повинен перед людьми
половой акт — столь
существенный, столь
насущенный и столь
оправданный, — что все,
как один, не решаются
говорить о нем без краски
стыда на лице и
не позволяют себе
затрагивать эту тему
в серьезной и
благопристойной беседе.
Мы не боимся произносить:
убить, ограбить,
предать, — но это
запретное слово
застревает у нас
на зубах.*

Мишель Монтень,
«Опыты», кн. III, гл. V

АЛЕКСАНДР СОСНОВСКИЙ

ЛИКИ ЛЮБВИ

Очерки
истории
половой
морали

Москва
Издательство
«Знание»
1992

Оглавление

От животного к человеку

13

1

Идолы сладострастия

Из истории первых цивилизаций

32

2

47

Власть Эроса

Древняя Греция
и Римская империя

3

78

Чудовище
с двумя спинами

Раннее христианство и средние века

4

5

Ренессанс:
мастерская любви

101

6

Абсолютизм: приключения
добродетели

125

7

Электрошок
От паровой
машины
153 к декадансу

8

175

Русский синдром

ББК 87.7
С66

Автор: Александр Васильевич СОСНОВСКИЙ — журналист, кандидат философских наук.

Редактор *С. Н. ПОПОВА*

Сосновский А. В.
С 66 **Лики любви (Очерки истории половой морали). —**
М.: Знание, 1992. — 208 с. + 48 с. вкл.
ISBN 5-07-002282-2

"Лики любви" — книга, посвященная истории человеческой сексуальности. Любовь первобытных людей, культовая проституция, сладострастие, разврат римских императоров, вельмовство, гомосексуализм, лесбиянство и многое другое — все это показано на конкретных исторических примерах и образах. Книга иллюстрирована, снабжена словарем, помогающим ориентироваться в сложной пауке любви.

Для широкого круга читателей.

С $\frac{4108110100-005}{073(02)-92}$ 43—92

ББК 87.7

ISBN 5-07-002282-2

О Сосновский А. В.. 1992 г.

К ЧИТАТЕЛЮ

Еще в XIX в. Артур Шопенгауэр определил влечения человека как «незримый центр всех дел и стремлений». «Они — причина войны и цель мира»; половой инстинкт «как истинный и наследственный владыка мира, по собственному произволению и полномочию, восседает на своем родовом престоле и оттуда саркастически смотрит на те меры, которые принимают для того, чтобы его смирить, ввергнуть в темницу». Яркий образ, не правда ли? Так и представляешь себе самодовольного, плотоядного бога, неумолимо требующего все новых жертв. Реальные общественные отношения, конечно, не основываются лишь на сексуальных мотивациях. Но когда вы дочитаете книгу до конца, то, наверное, согласитесь, что пол может оказаться жестоким тираном, который удерживает под своей властью миллионы заложников.

О чем пойдет речь? Конечно, о самом заветном и насущном — о любви. Но ведь любовь может принимать различные формы, у нее бесконечное множество ликов. Древние эллины утверждали, что есть любовь «филия» — глубокая, нежная дружба, обусловленная личными симпатиями и взаимной склонностью. Есть любовь «сторгэ» — ровное и постоянное супружеское чувство, питающееся заботой о подрастающем поколении. Есть любовь «агапэ» — жертвенная, бескорыстная и требовательная, доходящая иногда до самоотречения. И есть, наконец, любовь «эрос» — необузданная, страстная чувственность, направленная на физическое обладание.

Мы будем говорить прежде всего о любви чувственной, плотской, никого не оставляющей равнодушной. Любой здоровый и нормальный человек имеет тот или иной опыт в этой области. Одни влюбляются на каждом шагу, другие до конца жизни ждут встречи с достойным избранником, третьи удовлетворяются теоретическими знаниями, а большинство спокойно живет в браке, рождает детей и не помышляет о чем-то ином. Но, несмотря на все различия, помыслы людей объединены стремлением к близости с

любимым или любимой. Так было всегда, недаром вопросы пола называют Вечными. Наша кровь воспламеняется не меньше, чем кровь далекого предка. Конечно, мы научились ограничивать свои инстинкты. Современный человек обладает моралью, традициями, воспитанием, знанием закона. Но стал ли он от этого счастливее?

Насколько узко самосознание современников, можно убедиться, проведя незатейливый эксперимент. Спросите у любых наугад выбранных знакомых: «Кто ты?» Ответы будут разные и самые неожиданные. Один смутится: «Я — инженер...», другой скажет гордо: «Болезньщик «Спартака», третий недоуменно усмехнется: «Студент из Африки!» Но почти наверняка никто не выразится по существу и не назовется носителем определенного пола: «Я — мужчина!» или «Я — прежде всего женщина». На такое способен разве что ребенок, который едва начал открывать для себя мир.

А ведь вне пола нет и человека!

Эту поразительно простую и глубокую мысль, казалось бы, нет необходимости доказывать. Продление человеческого рода, само собой, понимает определенные отношения между мужчиной и женщиной. Элементарная сексуальность, которую Платон обозначил как вечно живое, «животное в человеке», присуща всем: египетскому фараону и советскому рабочему, варвару-идолопоклоннику и почтенному христианину, европейцу и китайцу. Но, признавая это единство, мы не можем сводить всю человеческую жизнедеятельность лишь к проявлениям инстинкта, не учитывать реальные социальные факторы, которые формируют личность и ее поведение.

Классическим образцом сугубо классового подхода является труд Ф. Энгельса «Происхождение семьи, частной собственности и государства», написанный им после смерти К. Маркса в 1884 г. В нем, как известно, раскрыт процесс разложения родового строя и возникновения классовых отношений, исследована эволюция форм семьи, объяснено происхождение и вскрыта сущность государства как орудия классового господства. Ф. Энгельс использовал большой фактический материал исторического и этнографического характера, результаты совместных с К. Марксом работ, а также исследований Л. Моргана, М. М. Ковалевского и некоторых других. Не углубляясь в содержание и тем более не пересказывая его своими словами, отметим лишь, что энгельсовская идея о приоритете трудовой деятельности в процессе антропогенеза, формирования обществен-

ных отношений и, в частности, половой морали вдохновляла не одно поколение позднейших исследователей. Однако чувственное, напряженное содержание каждой конкретной эпохи важно и интересно не менее, а, может быть, и более, чем самый скрупулезный анализ в категориях истмата.

Эволюцию половой морали можно было бы выявить разными способами. Одним из самых убедительных, на наш взгляд, является приведение натурального ряда историко-культурных, этнографических и материальных доказательств за весь период развития человечества. Понятно, что такая постановка требует энциклопедических знаний, академической обобщенности и глубины. Она под силу лишь целому коллективу ученых, вооруженных мощными компьютерами. Мы не задавались такой целью, наша задача значительно скромнее: внести посильный вклад в переосмысление устоявшихся стереотипов, дать возможность осознать личную причастность каждого к историческому процессу. Сознвая все стоящие перед нами трудности и как следствие этого неизбежные потери в научном плане, мы сознательно избираем жанр исторического очерка. Свою задачу мы считали бы выполненной, если бы помогли современному читателю расширить представления о любви, богатстве, противоречивости и драматизме взаимоотношений мужчин и женщин на различных этапах общественного развития.

Свое повествование мы начинаем очень издавна, буквально из мглы веков. В анналах истории, разумеется, отсутствуют сведения о нормах и обычаях половой жизни первобытного общества. Данные археологии дают некоторое представление о материальной культуре дописьменного периода, но не могут прояснить существа взаимоотношений полов. В какой-то мере восполнить эти пробелы помогает сравнительная этнография — наука о быте и нравах различных современных народов, в том числе и продолжающих оставаться на стадии доклассового общества. У ряда племен Австралии, Океании, Азии и Африки распространена такая же материальная культура, как и у первобытных людей. Поскольку она предположительно соответствует образу жизни, нравам, обычаям и верованиям первобытного общества, мы можем в какой-то степени составить представление о моральных установках древних. Сочетая анализ данных истории, археологии, этнографии, искусствоведения, палеопсихологии и других дисциплин, исследователь по кру-

лицам воссоздает реалии канувшего в Лету времени, хотя полученную картину все же следует считать весьма условной.

Значительно шире источниковедческая база более близких к нам исторических эпох. Потребность фиксировать общепринятые этические нормы возникла в глубокой древности. Настоящие россыпи народной мудрости содержатся в фольклоре, собраниях эпоса о Гильгамеше, Махабхарате, книгах Ветхого завета. Известны записи, относящиеся к сфере половой морали, которые восходят ко временам Ассирии, Вавилона, Шумера и других государств Месопотамии и Малой Азии (IV—III тысячелетия до н. э.). Многие дошедшие до нас клинописные таблички содержат конкретные указания в отношении семейной жизни, установок сексуального поведения и т. п.

У «отца истории» Геродота (484 — 425 до н. э.) мы находим описания быта древних народов, узнаем об их брачных обычаях, культах священной проституции. Младший современник Геродота — Фукидид (ок. 460 — 400 до н. э.) зачастую не только констатирует те или иные особенности половой морали древних, но и пытается их анализировать, сравнивать с достигнутым уровнем общественных отношений. Значительный интерес представляет социально-философское наследие античности, анализ трудов Платона, Аристотеля, законодательств Солона и Ликурга. Расширение и углубление знаний о взаимоотношениях полов продолжают и во времена Римской империи: Цезарь (102/100 — 44 до н. э.) в «Записках о Галльской войне», Страбон (64/63 до н. э. — 23/24 н. э.) в «Географии», Тацит (ок. 58 — ок. 117) в «Анналах» и «Германии» приводят очень много ценной и разнообразной информации. Существенно обогащает наши представления анализ художественного творчества Лукреция, Еврипида, поэзии Сафо, Овидия, едких сатир Апулея, Петрония и др. Историк Светонию (ок. 70 — ок. 140) мы обязаны яркой картиной разложения нравов во времена римских цезарей.

Необычайно драматическая, мистически экзальтированная эпоха средневековья, которую можно охарактеризовать как своеобразную реакцию на языческую мораль эллинов и римлян, прошла под знаком иконоборчества, культа Христа и Девы Марии. Идея первородного греха породила в массовых масштабах такие чудовищные формы подавления сексуальности, как костры инквизиции, «ведьмоманию», преследования за связь с дьяволом, флагеллянтызм (самоистязание).

зание). Практическая разработка религиозно-этических установок содержится в трудах отцов церкви — Тертуллиана (ок. 160 — после 220), Августина (354—430), апологетов мизогинии (женоненавистничества) Г. Инститориса и Я. Шпренгера с их печально знаменитым «Молотом ведьм».

Революционное значение Ренессанса в сфере половой морали состояло в раскрепощении духа и плоти человека. После столетий жестокого террора чувственность наконец взяла убедительный реванш. Жизнеутверждающие, гуманистические начала не только пронизали все слои общества, но и превратились в мощную движущую силу культурного прогресса, стимул художественного творчества и социальных преобразований. Яркие образцы мироощущения Ренессанса мы находим в наследии Боккаччо, Маргариты Наваррской, Рабле, поэтов Плеяды, Аретино, Макиавелли и многих других. В художественных ценностях Возрождения отразился весь неистовый колорит эпохи, которую по праву можно назвать мастерской любви.

Галантный век абсолютизма — становления, расцвета и крушения монархий — преподнес особые, рафинированные образцы чувственности, которые становятся понятнее после знакомства с бытописаниями Брантома, Казановы, Ретиф де ла Бретонна, Тилли и других современников. Какое причудливое неповторимое время! Еще сохранились рецидивы инквизиции, но уже прозвучал голос реформатора М. Лютера. Безбожник Вольтер и французские просветители громят основы клерикальной морали. Нравственные устои общества потрясены: при дворах процветают всевластные фаворитки, погоня за удовольствиями превращается в самоцель, появляются зловещие фигуры маркиза де Сада и графа де Ретца... Документы эпохи, а также позднейшие исследования Э. Фукса, П. Дюфура, Э. Дюпуи, С. Шашкова и других позволяют воссоздать впечатляющую картину приключений добродетели.

Следующая глава посвящена половой морали буржуазного XIX в. — эпохи пара, электричества и художественного декаданса. Источниковедческая база этого периода весьма обширна: анализ содержания документов, материалы судебных отчетов, специальные монографии И. Блоха, А. Флекснера, А. Розенбаума, Р. Краффт-Эббинга и др. Завершает книгу очерк отечественной истории и переходного периода в России. Октябрьская революция нарушила эволюционный ход развития истории, подвергла сомнению, а затем и уничтожила многие общечеловеческие ценности.

Плоды этого социального катаклизма мы пожинаем до сих пор. Высказывания В. И. Ленина, его полемика со сторонниками «свободной любви» дают богатую пищу для размышлений.

Ни мудрец, ни ученый не объяснят нам тайну любви, ее нельзя рассчитать по формуле. Но к разгадке можно приблизиться, если взглядеться в историческую ретроспективу, определить свое место в сложном и драматическом процессе развития полового чувства, ощутить на собственных губах вкус поцелуев наших бабушек и дедушек. Это очень трудная задача! «Порвалась связь времен», и ныне многие искренне верят, что любовь исчерпывается элементарной формулой «он + она = любовь». Это, безусловно, не так. Жизнь значительно богаче наших представлений о ней.

* * *

Посвящаю эту книгу Гаянэ Шахламовой — долготерпеливой жене и первой читательнице. Пользуясь случаем, выражаю также глубокую благодарность Н. И. Краевской, внесшей целый ряд ценных замечаний.

А. Сосновский

Глава

1

От животного к человеку

Люди еще не умели с огнем
 обращаться, и шкуры,
Снятые с диких зверей,
не служили одеждой их телу;
В рощах, в лесах или горных
 они обитали пещерах
И укрывали в кустах свои
 заскорузлые члены,
Ежели их застигали дожди
 или ветра порывы.
Общего блага они не блюди,
 и в сношениях взаимных
Были обычаи им и законы
 совсем неизвестны.
Всякий, добыча кому
попадалась, ее произвольно
Брал себе сам, о себе лишь
одном постоянно заботясь.
И сочетала в лесах тела
 влюбленных Венера.
Женщин склоняла к любви
 либо страсть обоюдная,
либо
Грубая сила мужчин и ничем
 неуемная похоть,
Или же плата такая, как

 желуди, ягоды, груши.
Тит Лукреций Кар

Начало человека. Соотношение биологического и социального во взаимоотношениях полов. Исчезновение эструса. Орда. Промискуитет. Традиции промискуитета у современных первобытных народов. Половые табу: экзогамия и эндогамия. Появление права собственности. Матриархат. Конец женского абсолютизма. Эстетические идеалы первобытности. Ископаемые чувства: «гостеприимная любовь», соучастие, обмен женами и др. Полигиния. Целомудрие. Первобытная проституция. «Аморализм» дикарей. Отношение к наготы. Стыдливость. Угнетение женщин. Варварские обычаи.

Богословы утверждают, что с момента сотворения человек уже был готов к превратностям земной юдоли: сыновья Адама занимались земледелием и скотоводством, их ближайшие потомки построили корабль-ковчег, пытались возвести Вавилонскую башню и т. п. Доказательств, разумеется, нет. Впрочем, точно так же не хватает аргументов естествоиспытателям-дарвинистам, придерживающимся точки зрения, что человек произошел от обезьяны и всего человек добился в результате тысячелетней эволюции. Начало человека приходится датировать со степенью приближенности \pm миллион лет: если считать первыми людьми так называемых презинджантропов (*Homo habilis*), то отсчет начинается свыше 2 млн. лет назад; если же начинать с архантропов (питекантроп, неандерталец, синантроп, гейдельбергский человек), то около 1 млн. лет назад. Современный тип человека (*Homo sapiens*) сформировался около 40—35 тыс. лет тому назад, на рубеже раннего и позднего палеолита. В любом случае те существа, которых уже можно было бы назвать людьми, принадлежали ко времени, находящемуся за пределами нашего исторического знания.

Определенными следами его жизнедеятельности располагает палеонтология: это прежде всего ископаемые останки и различные примитивные орудия труда. Кости и черепа, датируемые полумиллионом и более лет тому назад, позволяют уточнить ряд антропологических особенностей их владельцев. Наши гипотетические предки отличались невысоким ростом, обладали вертикальной походкой, у них наблюдалось противостояние большого пальца руки всем остальным. Однако сами по себе эти критерии еще недостаточны, чтобы ответить на вопрос: «Когда кончилась обезьяна и начался человек?» Та же самая вертикальная походка присуща не только прямоходящему человеку, но и кенгуру, птицам и даже некоторым ящерицам. Другой важный показатель — абсолютный и относительный вес мозга. Абсолютный вес мозга человека велик, но у слона или кита еще больше. Относительный вес мозга человека $1/46$, но у игрунковых обезьян он равен $1/17$, у обезьян сапая — $1/18,5$, у паукообразных обезьян — $1/15$...

Сравнительно с животными лишь одна система органов достигла у человека значительного совершенства. Это репродуктивные органы и половая сфера. А. Немилев приводит слова профессора Г. Фриденделя о том, что «половой аппарат женщины превосходит аппарат всех приматов. Ни у

одного вида обезьяны не наблюдается такого богатства вторичных половых признаков, как у женщины», и было бы достаточно всего двух женщин, чтобы заселить целый Париж при условии оплодотворения всех яйцеклеток в их яичниках. Столь осязаемое физиологическое превосходство (в сочетании с развитием сознания) является исключительно человеческой прерогативой.

Процесс формирования человека был весьма продолжителен и на первых порах характеризовался прежде всего борьбой чисто животных инстинктов с возникающими социальными установками. Диалектика этих двух проявлений и составляет суть начального этапа истории человека. Вполне очевидно, что соотношение биологического и социального поначалу складывалось в пользу первого. Более того, биологические и социальные начала в человеке долгое время находились в состоянии антагонизма. Всеядный предчеловек отдавал предпочтение животной пище, все его существование было направлено на борьбу за выживание в условиях жестокой конкуренции, а поведение определялось в первую очередь инстинктами. Всего вероятнее, биологические инстинкты были на первых порах единственными стимулами жизнедеятельности архантропов, но они же составляли серьезную угрозу формированию социальных отношений в праобщинах древнейших людей.

Так же как и обезьяны, самки предчеловека могли спариваться только во время эструса — периода полового возбуждения, длящегося несколько дней* в течение каждого менструального цикла. Вне этого периода самки не допускали спаривания. Трудно представить, по какому пути пошло бы дальнейшее развитие антропогенеза, если бы на определенном этапе этот физиологический механизм человека перестал действовать: период эструса постепенно удлинялся, теряя свой обязательный характер. Наиболее вероятное объяснение этого феномена заключается в действии фактора естественного отбора, поскольку эструс ограничивал число возможных зачатий. Нельзя сказать точно, в какой именно момент произошел качественный сдвиг. Во всяком случае, по мнению ученых, у архантропов эструса уже не было. Знаменитый драматург и проникательный знаток человеческой природы Бомарше по этому поводу некогда заметил: «То, что отличает человека от живот-

* От трех-четырёх дней у некоторых горилл до девятнадцати у павианов.

ного, — это пить, когда нет жажды и любить во всякий сезон».

Изменение физиологического алгоритма повлекло принципиальную перестройку во взаимоотношениях полов в целом. И эта перестройка сыграла существенную роль в становлении социального уклада. Если при наличии эструса самка предчеловека практически не могла выбирать время, место и состав своих сексуальных партнеров, то теперь такая возможность появилась. Половая потребность удовлетворялась так же естественно, как еда и питье, причем у мужчин и женщин имелись равные права. Женщина была ничуть не менее полигамна, чем мужчина, и по собственной инициативе могла вступать в связь. Мужчина по-прежнему доминировал, однако женщина могла при известных условиях отвергать его домогательства или, наоборот, стимулировать их. Этому объективно способствовала и утрата эструса, и общая заинтересованность в увеличении потомства. По этой причине сами акты оплодотворения не только поощрялись, но даже производились демонстративно. Несмотря на то что в массе женщины оставались объектом удовлетворения полового инстинкта, мало-помалу складывалась иная, значительно более одухотворенная тенденция. В межполовом общении появился двухсторонний избирательно-оценочный аспект, предполагавший некоторую вариантность. Союз мужчины и женщины образовывался уже не только зовом природы, но и определенным, пусть на первых порах очень ограниченным, выбором.

Ареал расселения древних людей был сравнительно невелик и ограничивался районами с теплым и влажным климатом. Первичным укладом, по-видимому, являлось первобытное человеческое стадо или орда. Преимущественным видом деятельности была коллективная охота на ископаемых животных. Оружием служили деревянные копья, примитивные дубины и грубо сколотые камни. Немалую роль в добывании пищи играло собирательство растений, плодов и ягод, которым занимались в основном женщины. Так же, как это имеет место в стадах животных, орда имела свою иерархию, во главе стоял вождь. Вождем, естественно, становился наиболее сильный и умудренный опытом мужчина, достигший зрелых лет. Постепенно орда стала делиться на кланы в соответствии с занимаемым пространством, числом членов, характером жизнедеятельности и т. д. В свою очередь, внутри кланов возникали довольно устойчивые связи кровных родственников, объединявшихся

иод покровительством наиболее почитаемого ими животного или растения. Верования и обряды, связанные с представлениями о родстве (так называемый тотемизм*), определяли запрет на употребление в пищу мяса своего предполагаемого предка.

На этой ступени развития господствовал коллективный труд. Охота и рыбная ловля обычно совершались совместно, орудия, употребляемые при этом, а также добыча составляли общую собственность. Подобный первобытный коммунизм проявлялся и на позднейших стадиях: при наличии самых примитивных орудий труда только коллективное взаимодействие обеспечивало успех в борьбе за выживание. Другим гарантом было интенсивное увеличение потомства. Учиывая стадный образ жизни, можно предположить, что реализация полового инстинкта происходила в пределах каждого клана неограниченно и поначалу без учета родственных связей.

Вопрос о промискуитете (т. е. неупорядоченности половых отношений на ранней фазе первобытности) до сих пор является предметом острой дискуссии. Энгельс, Бахофен, Морган, Спенсер, Леббок, Липперт, Пост, Блох, Мюллер-Лиэр, Кунов, Каутский, Бушан и некоторые другие ученые — все в разной степени, но признают существование промискуитета. Им противостоят те исследователи, которые считают брак изначальной формой половых отношений. Это Старке, Вестермарк, Гроссе, Гребнер, Шмидт, Фелингер, Копперс и др. Все они ополчаются против еретической мысли о промискуитете и настойчиво стараются уберечь репутацию первобытного человека. Они предпринимают огромные усилия, чтобы опровергнуть теорию «свального греха», защитить человечество от Энгельса по тем же мотивам, которые заставляют их восставать против эволюционной теории Дарвина. Однако, как бы ни были благородны их побуждения, сомневаться в действительном существовании промискуитета вряд ли возможно. Другое дело, что промискуитет не сводился к одновременному и беспорядочному соитию, а лишь предполагал общность владения самкой в ожесточенной конкуренции с соплеменниками. Неупорядоченность вовсе не означала анархии. Неупорядоченность, как отмечал Ф. Энгельс: «Постольку, поскольку

* Слово «тотем», по-видимому, происходит от «от-отем» на языке североамериканских индейцев оджибве и означает «его род». Могли быть, например, тотемы Змеи, Кенгуру, Тигра и т. п.

еще не существовало ограничений, установленных впоследствии обычаем. Но отсюда еще не следует неизбежность полного беспорядка в повседневной практике этих отношений. Временное сожительство отдельными парами... отнюдь не исключается».

Науке вряд ли когда-либо удастся получить в свое распоряжение прямые доказательства существования промискуитета в столь далекую эпоху. Но косвенных подтверждений тому немало и в мифологии, и в истории, и в этнографии. Легенды и предания о временах, когда брак был еще неизвестен, существуют практически у всех народов мира. В индийском эпосе «Махабхарата» говорится, что некогда «женщины были свободны и блуждали повсюду, по своему желанию, в полной независимости. Если они в своем юном неведении покидали мужчин, им это не ставилось в вину: таков был закон в то время». В «Ригведе» неоднократно упоминается любовная связь брата с сестрой и отца с дочерью. Китайские летописи рассказывают, что «сначала люди ничем не отличались в своем образе жизни от остальных животных, жили в лесах; женщины принадлежали всем мужчинам, вследствие чего дети никогда не знали своих отцов, а только матерей». Временный промискуитет имел место у кавказских племен пшавов во время оргий в честь Лачи — сына легендарной царицы Тамары; у племени саков, чтивших богиню Анаитис; во время античных мистерий Изиды и др. Такие историки, как Геродот, Страбон, Плутарх, Плиний, сообщают о беспорядочности половых отношений у современных им и более древних племен. По Геродоту, агафирсы — соседи скифов — «со своими женами живут сообща и потому они все братья, у массагетов женщины — общее достояние, аусейцы в Ливии общаются со своими женщинами все вместе, подобно скоту, и не имеют собственных жен».

Обычаи целого ряда современных племен, оставшихся на уровне развития первобытнообщинного строя, сохранили промискуитетные признаки. Граничащая с отсутствием какой бы то ни было регламентации свобода сексуальных отношений постоянно фиксировалась исследователями. Леббок, Бастиан, Спенсер и другие приводят множество свидетельств такого рода. Так, у арунта — австралийских аборигенов — девушка перед вступлением в брак подвергается обрядовой дефлорации, а затем к ней получают доступ дед с материнской стороны, сын сестры отца и мужа сестер. У фиджийцев после обряда обрезания, совер-

шаемого над мальчиками, достигшими совершеннолетия, следует долгожданный праздник, полный неопишемого разгула. Все родственные связи перестают действовать, даже родные братья и сестры могут оказаться сексуальными партнерами. Мужчины и женщины одеваются в фантастические одежды, до изнеможения танцуют на деревенской площади и предаются беспорядочному разврату. Шумное празднество продолжается несколько дней, после чего вновь восстанавливаются все повседневные обычаи. В их числе, между прочим, есть запрещение братьям и сестрам даже разговаривать друг с другом.

По свидетельству Маргольда, у туземцев Маркизовых и Филиппинских островов, маори Новой Зеландии и некоторых других в сексуальную жизнь втянуты даже дети. С раннего возраста их приучают к своеобразным забавам и шрам. Родители поощряют маленьких девочек, видя в этом подготовку к выполнению в дальнейшем функции жены и матери. По Банкрофту, у нижнекалифорнийцев «нет ни брачных церемоний, ни какого бы то ни было слова в языке, которое обозначало бы брак; подобно птицам или вольному скоту, спариваются они по первому же влечению». Пуль сообщает, что у хайдаков женщины «сожительствуют почти без всякого разбора с мужчинами своего племени». По сообщению Сазерленда, у целого ряда диких народов современности девственность не пользуется никаким уважением, удовлетворение полового инстинкта считается совершенно естественным делом. Ковалевский, со слов американского этнографа Пуэрсера, сообщает, что у калифорнийского племени чероки половая воздержанность совершенно отсутствует: «Большинство молодых женщин считается общим достоянием». Брик, автор вышедшей в 1928 г. монографии «Негритянский эрос», на основании двухлетних наблюдений за жизнью аборигенов Экваториальной Африки пишет, что молодежь многих племен до вступления в брак живет в промискуитете.

Сохранившиеся до наших времен пережитки атавистических проявлений сами по себе ничего не доказывают. Сегодня они служат всего лишь поучительным напоминанием человечеству. Зоологический индивидуализм отбрасывал человека далеко назад, к рептилиям и обезьянам, ставил под угрозу само существование на земле. Людей как биологический вид спасли навыки коллективной трудовой деятельности, взаимодействие перед лицом враждебных сил природы. Ф. Энгельс писал П. Л. Лаврову: «Я не могу согла-

ситься с вами, что борьба всех против всех была первой фазой человеческого развития. По моему мнению, общественный инстинкт был одним из важнейших рычагов развития человека из обезьяны». Человек обязан труду разделением функций между руками и ногами, развитием мозга, совершенствованием органов чувств и речи. В процессе социогенеза трудовая деятельность человека стала приобретать сознательную направленность. В этой ситуации установление контроля над первобытным «зоологизмом» приобрело характер объективной необходимости. Контроль выражался в коллективной воле орды, которая и составляла *прамораль* (курсив автора) древнейших людей. Коллективная воля как прамораль определяла нормы взаимоотношений и сводилась к системе запретов, так называемых табу, нарушение которых каралось с неумолимой жестокостью. Наиболее категорические запреты касались именно сферы межполового общения, ибо проявления неконтролируемых инстинктов представляли наибольшую опасность.

Самым распространенным половым табу являлась экзогамия — запрет браков в пределах одной родственной группы. До сих пор наука в значительно большей степени располагает данными об отрицательных последствиях экзогамии для потомства, чем о причинах ее возникновения. Экзогамию пытались объяснить с точки зрения культурных соображений, неприемлемости инцеста и т. д. Как правило, эти объяснения носили недостаточный либо надуманный характер. В самом деле, вряд ли можно объяснить происхождение экзогамии традиционным разделением занятий мужчины и женщины: мужчины — бродяги и охотники — вступали в половые отношения с женщинами других тотемов, которые попадались им на пути, в тот момент, когда беззащитными женщинами их собственного рода владели пришлые чужаки. Более обоснована гипотеза биологической защиты здоровья потомства. Особенно убедительно она звучит в устах современных генетиков. Вот только неизвестно, были ли знакомы с этой теорией сами древние люди. Впрочем, нет доказательств и обратного. Более того, историческим фактом является существование эндогамии — полового табу противоположного свойства. Эндогамия предполагала брачные связи внутри определенных общественных групп, например племен, и сосуществовала с экзогамией входивших в него кланов или родов. Эндогамия в форме династических родственных браков встречалась и

значительно позднее, например, в древнем Египте или даже Европе времен абсолютизма*.

Половые табу выступали прежде всего регулятором инстинктивного поведения, действенным инструментом индивидуализации брачных отношений. Их значение особенно возросло с появлением избыточного продукта и права собственности. Пока существовал промискуитет и общность жен, продуктов питания добывалось столько, сколько требовалось для потребления. Все запасы пищи, независимо от того, когда и кем они добывались, составляли собственность всех членов орды, каждый из которых имел право на свою долю независимо от участия в производстве. Такая же ситуация наблюдалась и в сфере взаимоотношения полов. Союз мужчины и женщины не мог быть стабильным: регулярные отлучки кормильца, большая вероятность гибели исключали соблюдение верности. Хотя каждый взрослый мужчина имел относительно постоянную женщину, при определенных условиях она становилась женой всех других мужчин, ибо только в этом заключался шанс уцелеть, родить и вырастить потомство.

С появлением собственности эти принципы существенно изменились. Кроме насильственного похищения и присвоения, возникли и иные средства: выкуп или обмен женщины, в результате которых владелец приобрел на нее гарантированное право. Приобретение женщины за выкуп являлось компонентом экономического сотрудничества между локальными группами, а отношения купли-продажи определяли материальную зависимость женщины. Ее продавали имущему покупателю, нисколько не спрашивая согласия. Покупная цена выплачивалась скотом, зерном, плодами, орудиями производства и другими ценностями. Такая сделка была выгодна мужчине еще и в том отношении, что он имел право пустить свой «капитал» в оборот: по мере необходимости предоставлять жену во временное пользование за назначенное вознаграждение. Такая практика была распространена повсеместно и до сих пор бытует у аборигенов Центральной Африки, Океании и др. Индивидуализация брачных отношений, таким образом, напрямую была связана с появлением собственности.

Начальный этап первобытнообщинного строя, относящийся к эпохе древнего палеолита, целиком прошел под

* Известен брак царя Ирода со своей сестрой, царицы Клеопатры со своим братом, династийные союзы монарших домов Европы и др.

знаком сексуального угнетения и бесправия женщины. Однако переход к земледелию необыкновенно поднял авторитет женщины-матери и на значительный срок, вплоть до появления классов, определил ее ведущую роль. Произошло это по разным и, прежде всего экономическим, причинам. Традиционно собирая съедобные корни и плоды, женщина заметила, что из случайно оставленных в почве семян через некоторое время вырастают новые растения, подобные тем, которые используются в пищу. Это побудило женщину нарочно закапывать в землю семена, чтобы получать обильные всходы. Так пришло осознание необходимости культивировать зерновые злаки и постепенно первобытное земледелие превратилось в мощную продовольственную базу.

Женщины приобретали все большую самостоятельность, а мужчины все чаще прибегали к их материальной поддержке. В конце концов создалось такое положение, что женщина не только оказалась экономически независимой, но и мало-помалу вытеснила мужчину из руководящих сфер. Могучий, звероподобный мужчина оказался весьма недалководивен и прямолинеен. Вооруженный тяжеловесной дубинкой, он с риском для жизни махал ею на охотничьих тропах, а возвратившись домой, уже не чувствовал себя хозяином положения. Это был ответственный момент истории, но мужчина, безусловно, его упустил. Репутация мужчины заметно поблекла, а сам он превратился в жалкий придаток примитивной мотыги. Влияние женщины возросло настолько, что кровнородственные отношения стали определяться матрилинейно, т. е. по линии матери. Ее тотемное имя становилось главным для всех членов рода. Она обрела право жить обособленно и самостоятельно: мужчины были отселены в отдельные дома. Не исключено, что мужчины в этот беспрецедентный для себя период истории испытали на собственной шкуре все тяготы экономической зависимости. Наступил золотой век матриархата: женщины пользовались безграничной властью и оказывали решающее влияние на жизнь соплеменников.

Никогда прежде и никогда впоследствии власть женщин в обществе не была столь абсолютной. Женский абсолютизм достиг апогея, после которого мог последовать только спад. И неизбежное свершилось, ибо расцвет и закат матриархата, кроме всего прочего, были предопределены самой природой женщины, ее ничуть не изменившимся за тысячелетия естеством. Тяжкое бремя власти, принятия

решений, ответственности за судьбы близких — вряд ли в этом заключалось историческое предназначение женщины. Женщины сами отказались от своих привилегий ради материнства и утверждения индивидуальной любви. Поистине прекрасный и очень характерный для женщины поступок!

Тем не менее приписывать переход к патриархату только сдвигу в массовом сознании было бы в корне неверно. Экономические условия жизни неуклонно усложнялись, становились непосильными для женщины. Уже недостаточно было бросить горсть семян в весеннюю грязь, нужно было иметь соответствующую технику, нужно было оберегать посевы, нужно было корчевать для них лесные заросли и копать колодцы. В первобытном земледелии стали использовать рабочий скот, соху, другие орудия труда, которые требовали значительных физических усилий. Чем больше втягивались мужчины в производственный процесс, тем большее влияние приобретали они в доме своей матери или жены. Постепенно из простых исполнителей они превратились в хозяев и уже не могли находиться в прежнем зависимом положении. Ф. Энгельс писал: «Ниспровержение материнского права было всемирно-историческим поражением женского пола. Муж захватил бразды правления в доме, а жена была лишена своего почетного положения, закабалена, превращена в рабу его желаний, в простое орудие деторождения».

Мужчина опять стал вводить женщину в свой дом, приобретал ее за выкуп у родителей и становился ее полновластным господином. Эволюция половых отношений выразилась на этом этапе в укреплении устойчивых связей между мужьями и женами, родителями и детьми. Половое чувство все более индивидуализировалось. Складывалась патриархальная семья, в рамках которой формировалась иная половая мораль, пусть отдаленно, но все же сопоставимая с современной.

Разумеется, мы говорим лишь об общем характере, но не о конкретных особенностях полового общения первобытных людей. Утверждать что-либо наверняка не придется, ибо прямые доказательства отсутствуют, а сохранившихся образцов материальной культуры, относящихся к предмету исследования, крайне мало. Правда, наряду с каменными инструментами и оружием наши предки оставили свидетельства своих эстетических вкусов, благодаря которым мы можем отчасти проникнуть в их внутренний мир. Одним из уникальных и особо примечательных созда-

ний древнего человека являются так называемые «Венеры», относящиеся к ориньякской культуре позднего палеолита. В конце XIX в. на юге Франции, в гротах Брасемпуи, Лонжери-Басс и Ментоны, были найдены женские статуэтки, вырезанные из кости мамонта и рогов оленя. «Венера из Брасемпуи» сохранилась в виде обломка кости высотой 8 см. Большой, отвислый живот, мощные бедра и ягодицы испещрены частыми полосками, по-видимому, изображающими волосяной покров. Интересна также рукоятка кинжала, передающая торс женщины с громадной грудью, большим животом и значительными отложениями жира на бедрах. К тому же времени относятся находки в мергелевых отложениях в Вахау (Нижняя Австрия), среди которых так называемая «Венера из Виллендорфа». На месте древнего поселения в Предместье (у города Пршеров, в Чехословакии) найдена «Геометрическая Венера» — стилизованное изображение женской фигурки на куске бивня мамонта и т. д. Единство художественного метода подтверждается и аналогичными находками неолитической эпохи в восточной Европе, Италии, Египте*.

Сравнение различных дошедших до нас произведений первобытного искусства позволяет сделать вывод, что натурой для них служили те реалии, которые больше всего волновали мужчину-охотника: женщины и животные. Образно говоря, половой инстинкт и потребность в пище вдохновляли самых первых художников прежде всего. Сказать о них что-либо более определенное не представляется возможным: мы не знаем их имен и даже не знаем, были ли они мужчинами или женщинами. Зато сами работы весьма выразительны и говорят о многом. Соблазнительные первобытные красавицы отличались значительной полнотой и были сплошь покрыты волосами. Присущая им стеатопигия (жировые отложения на бедрах и ягодицах) и выраженная гипергенитальность сближают их с современными бушменками. Для людей, живших десятки, а то и сотни тысяч лет назад, такой тип женской красоты связывался с главным назначением женщины — материнством. Мужчина каменного века прежде всего видел в женщине существо противоположного пола. Он был наивным реалистом, сосредоточенным на волнующих его воображение деталях. Присталь-

* Венера из села Долни Вестонице в Моравии (11,5х4,5 см); Венера из села Гагарина на Украине (10х4 см); Венера из Парабито в Италии (11х3 см) и др.

ное внимание к наружным половым признакам возникло естественным путем, поскольку они вызывали особо чувственную реакцию партнера. В скобках заметим, что предпочтение крупным, подчеркнуто женственным формам наблюдается в мужской психологии и сегодня.

Нет сомнений, что первобытный человек переживал половую любовь совершенно иначе, чем мы с вами. Одно из главных различий состоит в том, что нашим предкам, по видимому, было неизвестно чувство ревности. Во всяком случае оно подавлялось и ставилось ниже законов гостеприимства. Доказательством служит обычай предоставлять своих жен гостям, который был распространен в древности на всех континентах и сохранился отчасти до сих пор. Один из путешественников пишет о жителях Сандвичевых островов: «В прежние времена к знакомым, посетившим друг друга, применялось формальное требование воспользоваться гостеприимством в полном смысле этого слова и практиковался обмен женами. Считалось большим оскорблением, если кто-нибудь отклонял такое предложение. Если островитянин являлся в гости без жены, то ему предоставлялось право выбирать или жену своего друга, или одну из взрослых дочерей его».

Случалось, что миссионеры попадали в своеобразную моральную западню: «У брюле-сиу одна из обязанностей гостеприимства состояла в том, что гостю, которого хотели особенно почтить, хозяин предлагал свою жену. Один врач, имевший очень милую жену, но отличавшийся распушенностью, воспользовался этим проявлением гостеприимства при посещении «Замаранного Хвоста», как прозывался глава племени: однако врач этот пришел в немалый ужас, когда однажды вечером «Замаранный Хвост» в свою очередь потребовал от него той же любезности».

Следы этого своеобразного обычая, который А. Шамиссо относил к числу «чистых неиспорченных нравов», можно встретить у европейских народов. У древних германцев посетителю предлагалось разделить ложе с женой или дочерью, хозяин сам посылал кого-нибудь из них проводить гостя до постели и проверить, все ли как следует приготовлено. В эпосе «Ригстула» повествуется о боге Геймдале, который, бродя однажды по земле, посетил поочередно раба, свободного крестьянина и господина. У каждого он по три ночи спал с хозяйками и через девять месяцев они родили трех сыновей, явившихся родоначальниками всех рабов, простолюдинов и благородных. Из гомеровской

«Одиссеи» известно, что у греков не только служанки, но и царские дочери обмывали гостей и натирали их маслом. Еще в начале XVI столетия в Нидерландах хозяин укладывал рядом с женой дорогого гостя, доверяя его чести

Не раз в истории отмечались также обычаи соучастия в пользовании женой, обмен женами, отдача жены «внаймы». Соучастие состояло в том, что муж при известных обстоятельствах допускает других мужчин к своему супружескому ложу. Так, например, у аборигенов Австралии часто практикуется, «что старшие братья предоставляют своих жен для сожительства младшим, еще не женатым, но взамен этого получают в свою очередь право впоследствии, когда младшие братья женятся, иметь половые сношения с их женами». И это не считается изменой, которая во всех других случаях карается даже смертью.

Нередко в Тибете и на Цейлоне несколько братьев состоят в браке с одной и той же женщиной. «Они живут в полном согласии; дети обращаются к различным мужьям своей матери, называя их старшим или младшим отцом, и если один из супругов увидит обувь своего брата перед брачным покоем, он уже знает, что не должен вступать туда». Цезарь писал о подобных групповых браках у британцев, когда несколько родственников были общими мужьями одной женщины. У ряда примитивных народов мужа время от времени обмениваются женами, а потом возвращают их себе. Например, туземцы австралийского штата Виктория «меняются своими женами на определенный срок, который может продолжаться месяцами». Эскимосы часто устанавливают дружбу путем обмена жен на несколько дней.

Примечательно, что, несмотря на принудительный характер, сами женщины относились к этим обычаям довольно спокойно. Мы знаем из Библии, что Лия привела к своему мужу служанку Зельфу без всякой ревности, точно так же поступила и Рахиль. О женщинах племени зулусов рассказывают, что они работают в поте лица, копия имущество на приобретение второй жены для собственного мужа. Таким образом зулуска стремится облегчить непосильный труд, повысить престиж семьи, переложить часть забот на плечи молодой жены-служанки. Д. Ливингстон рассказывает о макалоло: «Когда женщины услышали, что в Англии мужчина может жениться только на одной женщине, они воскликнули, что не хотели бы жить в такой стране; они не могли понять, какое удовольствие находят английские дамы в этом обычае, ибо по их воззрениям каждый уважаемый

мужчина должен обладать несколькими женами, как доказательством своего благосостояния».

Мусульманки также искренне страдают европейским женщинам, которые вынуждены в одиночку улаживать капризы мужей. «Огромное большинство восточных женщин выражают почти восторженное отношение к своим гаремам и высказываются в пользу полигинии — явления, наблюдаемого почти везде в тех странах, где существует многоженство как обычай». С другой стороны, имеются примеры ожесточенного соперничества женщин в гаремах. Так, супруга одного миссионера видела на островах Фиджи несчастных женщин, у которых по этой причине были откушены или отрезаны носы.

Поразительное явление, с нашей точки зрения, обнаруживается в обрядах дефлорации первобытных народов. Невинность девушки отнюдь не считается достоинством, более того, ее рассматривают как доказательство того, что девушка не способна привлечь к себе внимание. Если дефлорации не удастся достичь естественным путем, девушка-подросток обращается за помощью к матери или специально промышляющей этим старой женщине, которые и производят операцию. Наличие любовных связей до брака поощряется, причем преимущественным правом на лишение девственности обладают вожди и жрецы. У отдельных африканских племен невеста перед браком вообще рассматривается как вобщее достояние, которым пользуются родственники мужа или даже все свадебные гости.

Пренебрежение целомудрием заходило весьма далеко: отцы посылали дочерей наживать себе приданое торговлей телом, а мужья отдавали жен внаем, заставляли проституировать за материальное вознаграждение. Геродот рассказывал, что у лидийцев девушки занимаются проституцией до тех пор, пока не соберут всего необходимого для вступления в брак. То же самое наблюдалось у древних мексиканцев. Даже благонравные японцы (правда, принадлежавшие к низшему сословию) отдавали дочерей в иошивара — «веселый дом», что отнюдь не оставляло пятна на добром имени девушки. Эккар утверждает, что африканцы м'понго всегда готовы предоставить своих жен первому встречному и даже сами выступают с такого рода предложениями. Женщины предлагаются за самое ничтожное вознаграждение, а Дети, родившиеся от этих связей, признаются наравне с собственными. По Лихтенштейну, жена бушмена отдается

каждому, если муж дает свое согласие. Компьень отмечает, что габонцы в тех случаях, когда их жены не хотят отдаться заплотившему клиенту, выколачивают повинование бичами из гиппопотамовой кожи.

К этому нужно добавить, что у стоящих на уровне первобытности народов отмечены пороки, традиционно приписываемые более высоким ступеням цивилизации: гомосексуализм, лесбиянство, половой фетишизм и др. О жителях Таити миссионер Эллис сообщает, что «несмотря на очевидную мягкость их характера и любезную приятность обращения ни одно племя человеческой расы не опускалось так низко, не достигало такой животной распущенности и такого нравственного падения, как этот изолированный народец». Половые сношения совершались на острове публично. «Среди стоявших вокруг были женщины с положением, и они не только с удовольствием смотрели на происходящее, но даже давали девушке (ей было одиннадцать-двенадцать лет) указания, что ей надо делать; впрочем, несмотря на свою юность, последняя, по-видимому, несколько не нуждалась в этих добрых советах». Дюмон-Дюрвиль рассказывает, что молодые полинезийки в большом количестве посещали его корабль, танцевали, шутили и веселились, а также без малейшего колебания отдавались матросам. По его словам, туземки расточали свою благосклонность с превеликим усердием, а их танцы были откровенно направлены на возбуждение страсти.

Разительно отличается от нашего отношение дикарей к наготы. Практически у всех первобытных народов мужчины и женщины ходят голые, не испытывая при этом ни малейшего смущения. Фон ден Штейн рассказывает о бакайри: «Наши туземцы не знают сокровенных частей тела, они шутят по поводу них словом и жестом с таким наивным простодушием, что было бы нелепо обвинять их за это в неприличии. Мужчина, который хочет сообщить чужому человеку, что он отец другого, женщина, которая хочет представиться как мать своей дочери, совершенно серьезно и с полным достоинством свидетельствуют о себе как о родителях, указывая самым естественным и произвольным жестом на органы, дающие жизнь». Однако «через четверть часа вы уже перестаете замечать эту наготу и если намеренно вспомните о ней и зададите себе вопрос, следует ли осуждать или презирать за бесстыдство этих голых людей, отцов, матерей и детей, которые так простодушно стоят и ходят вокруг вас, то в ответ вы можете только рассмеяться

над этой мыслью, как величайшей нелепостью или устыдиться ее, как жалкой пошлости. С эстетической точки зрения отсутствие одежд, как и всякая истина, имеет кое-что за и против себя: юность и сила производят часто чарующее впечатление в своих ничем не стесняемых движениях; старость и болезнь в своем упадке вызывают нередко содрогание. Наши платья поражают этих добрых людей не меньше, чем нас их нагота... Моя рубаша получила у них пышное название «дом для спины», у меня оказался также особый «дом для головы» и «дом для ног».

В то время как многие австралийские аборигены ходят совершенно нагими, уроженцы долины реки Святого Иосифа скрывают свои половые органы в особого рода кошельках, сплетенных в виде густой сети. На восточном побережье существует обычай, требующий, чтобы взрослые мужчины подвязывали свои половые органы тонкой веревкой, пропущенной между ногами и прикрепленной с обеих сторон к поясу. Эта странная деталь туалета только приподнимает половые органы, но не закрывает их, и тем не менее без нее считается неприличным показываться перед женщинами. Малолетние мальчики ходят совершенно голыми. Женщины и девушки, начиная с восьмидесятилетнего возраста, носят рубашки из волокон травы или кокосового ореха, немного не доходящие им до колен.

Запреты на обнажение тех или иных частей тела поражают своей избирательностью. Мусульманкам запрещается открывать лицо, готтентоткам — голову и никакими силами нельзя убедить их снять с волос повязку. На Самоа верхом неприличия считается обнажение пупка, у китайцев — обнажение ступней, причем считается неприличным даже говорить на эту тему. В Уганде жестоко наказываются всякий, кто приоткроет в присутствии короля свою ногу, между тем прислуживающие женщины ходят совершенно голыми. У ряда племен Центральной Африки женщины носят подвязанную к поясу ветку, которая прикрывает их лишь сзади: величайшим конфузом является потерять ее в присутствии посторонних. Индеец-воин, оставаясь обнаженным, никогда не покажется на людях, не покрыв себя татуировкой. Примеры такого рода можно множить до бесконечности.

Нагота была изначальным состоянием человека. Чувство стыда перед обнаженностью возникло гораздо позже и именно по той причине, что в процессе созидательной деятельности общественные отношения все более усложня-

лись и дифференцировались. Новое сознание требовало новых форм выражения. Люди укрывались шкурами от холода, обвешивались орудиями труда, атрибутами культовой символики, примитивными украшениями и т. д. Все это делало недоступным для обозрения отдельные части тела, формировало табу на их обнажение. Отсюда становится понятным, что, как ни парадоксально, отнюдь не чувство стыда явилось причиной сокрытия, а, наоборот, сокрытие тела привело к возникновению стыда. По мере социализации человек все более попадал в зависимость от моральных установок, регулировавших его поведение. Современные первобытные народы и сегодня считают одежду неприличной: когда миссионеры пытаются заставить их одеться, они испытывают такой же стыд, какой пришлось бы пережить цивилизованному человеку, оказавшемуся в обществе голым. Возникшие в глубокой древности запреты обладают необыкновенной силой и устойчивостью. Японские синтоисты искренне возмущаются обтягивающими туалетами европейских женщин, а правочерные мусульмане изумляются долготерпению Аллаха, до сих пор не излившего огонь и серу на бесстыдный христианский мир.

Вероятнее всего, союз мужчины и женщины в первобытную эпоху был лишен тонких душевных переживаний. Он возникал и поддерживался не эмоциональными привязанностями, а суровой необходимостью. Постоянная борьба за выживание, забота о потомстве и ведении хозяйства диктовали особый алгоритм взаимоотношений, почти не оставивший места для выражения симпатий. Косвенные подтверждения тому мы находим в наблюдениях за жизнью современных дикарей. Морган рассказывает об индианке Этабе, которая три года была замужем за индейцем другого племени и за все это время не перемолвилась с ним ни одной фразой. «Так как ни один из них не старался изучить язык другого, то они общались между собой только при помощи знаков... Индейцы относятся к своим женам как к чужим; иные говорят совершенно открыто: моя жена — не друг мне, т. е. она не родственна мне и мне нет до нее никакого дела». В Австралии, по словам Эйра, молодые туземцы «оценивают достоинство жены в зависимости от качества тех услуг, которые она может оказывать, как рабыня. Если вы спросите их, почему они так жадно высматривают себе жен, то они отвечают обыкновенно, что жены им нужны для того, чтобы таскать воду и дрова и для переноски всего их имущества». Обращение с женами отличается грубо-

стью: «По самому ничтожному поводу им приходится испытывать далеко не мягкое прикосновение копья рассерженного мужа». Эйр утверждает, «что редко можно встретить женщину, тело которой не носило бы следов побоев».

Время было проникнуто духом варварства. Так, у индейцев Южной Америки существовал искупительный обычай: прежде чем посадить пленников на кол, их принуждали вступить в связь с местными женщинами. Перед умерщвлением «жена» несчастного прощалась с ним, чтילה его память горестными воплями и потоками слез. Но ее печаль носила ритуальный характер и быстро проходила. Сразу после жертвоприношения «жена» вместе с другими соплеменниками принимала живейшее участие в поедании трупа бывшего «мужа». В разной форме остатки этих обычаев сохранились и позднее. В древнегерманских сагах повествуется, что вдовы погибших получали моральную сатисфакцию, вступая в брак с убийцами, причем свадебное и похоронное пиршество нередко совмещалось.

Конечно, по отдельным, к тому же косвенным, свидетельствам такого рода мы не вправе выносить обвинительный приговор всей эпохе. Тем не менее можно высказать некоторые осторожные заключения. В далекие доисторические времена взаимоотношения полов руководил прежде всего инстинкт. Перед лицом враждебных и таинственных сил природы люди соединялись, чтобы выстоять, родить и воспитать потомство. «Ископаемые чувства» отличались прямолинейностью, они были лишены представлений о целомудрии, стыдливости, ревности. Гуманизация инстинктивных проявлений происходила очень долго и трудно в процессе социогенеза и становления общественных отношений. Союз мужчины и женщины с самого начала был неравноправным, основанным на угнетении и экономической зависимости. Мужчина постепенно узурпировал моральные права и свободу женщины. Но смирилась ли она? Недаром говорят, что сила женщины — в ее слабости. Как мы увидим, в дальнейшем женщина неоднократно брала реванш в делах любви.

Ведь все еще только начиналось...

Глава

2

*Откуда нудный шум,
неистовые клики?
Кого, куда зовут и бубны
и тимпан?
Что значат радостные
лики
И песни поселян?
В их круге светлая свобода
Приняла праздничный
венки.
Но двинулись толпы
народа...
Он приближается... Вот
он, вот сильный бог!*
А. С. Пушкин

Идолы сладострастия

Из истории первых
цивилизации

Мужчина и женщина в древнем эпосе. Языческие боги: Иштар, Кибела, Молох, Ваал и др. Лингам, Фаллос, Приап. Священная проституция. Масштабы и последствия поклонения идолам. Вавилон — «великая блудница». Положение женщины. Алмеи. Баядеры. Египетские куртизанки. Библейский блуд. Кедеши: мужская проституция. Языческий аморализм. Заповеди Иеговы. Печальный итог.

Из глубокой древности дошла до нас легенда о природе взаимоотношений мужчины и женщины. «В начале времен Тваштри (древнеиндийское божество. — *Авт.*) сотворил мир. Но когда он создал человека, то оказалось, что им были израсходованы все бывшие в его распоряжении строительные вещества и не осталось у него ни одного прочного элемента, из которого он мог бы сотворить женщину. Тогда смущенный Тваштри впал в глубокое раздумье. И после того как он долго думал, он наконец поступил следующим образом: он взял округлость луны и волнообразную линию змеи, путанность ползучих растений, дрожание травы, стройность тростника, беспечное веселье солнечного луча и слезы туч, непостоянство ветра, пугливость зайца, шегольство павлина, неподатливость алмаза и мягкость пуха, покрывающего шейку воробья, сладость меда и жестоко-сердие тигрицы, жар огня и холод снега, болтовню сойки и воркованье горлицы, смешал все это вместе — и сотворил женщину. И когда сотворил он ее, то позвал к себе человека и отдал ему в подарок. Человек взял женщину и ушел с ней, но спустя восемь дней он пришел к Тваштри и сказал: «Государь, что за существо ты мне подарил! Оно положительно отравляет мне жизнь: то оно рыдает из-за каждого пустяка, то оно бесконечно болтает, отнимает у меня время и не дает мне работать и вечно хворает. Я пришел просить тебя, Государь, чтобы ты забрал его обратно, ибо я не могу с ним жить». И Тваштри взял у человека женщину обратно. Но через восемь дней человек пришел снова к Тваштри и сказал: «Государь, не знаю, как это случилось, но жизнь моя стала одинокой с тех пор, как ты забрал у меня это существо. Я вспоминаю, как оно танцевало и пело передо мною, как оно странно глядело на меня, отдай мне его обратно». И Тваштри отдал мужчине женщину обратно. Но ровно через три дня мужчина опять пришел к Тваштри и сказал: «Нет, Государь, теперь я окончательно убедился, что существо, которое ты мне подарил, причиняет мне гораздо больше горя, чем радостей. Я умоляю тебя, возьми его назад!» Но тут рассердился Тваштри и воскликнул: «Ступай прочь, человек, и устраивайся сам как можешь...» — «Но не могу же я жить с женщиной», — сказал человек. «Но не можешь ведь жить и без нее», — возразил Тваштри. Тогда человек удалился и сказал: «О, я несчастный! И с женщиной не могу жить и без нее не могу...»

Противоречивая, часто трагическая история человеческой любви — это история женщины. Великая Мать, родона-

чальница всего сущего издревле занимала постоянное и почетное место в верованиях египтян, индусов, вавилонян, ассирийцев, народов Малой Азии. Но на ее святом ореоле почти всегда лежал отсвет греховности. Прародительница Ева, образ которой корнями уходит в шумерскую мифологию, вкусила от плода запретного дерева познания. Она пробудила желание Адама: «И открылись глаза у них обоих, и узнали они, что наги». Наказание, наложенное за это на людей Богом, тяжким бременем легло на судьбу женщины. С незапамятных времен дочери Евы обречены были платить по вексям прародительницы. Начав с искушения, она на веки вечные обрекла женщину на униженное положение грешницы, вынужденной оправдываться и приносить искупительные жертвы. С особенной силой это проявилось за 2—3 тысячелетия до нашей эры...

Яркая, страстная и во многом непостижимая эпоха! Она ударяет в голову, как молодое вино, очаровывает неповторимым колоритом, завораживает магией диковинных имен и поступков. Нельзя не поразиться великим замыслом и неслыханным злодеяниям тиранов, не ощутить привкус горячей крови, не изумиться неистовому темпераменту легендарных героев. История первых человеческих цивилизаций охватывает несколько тысячелетий, и любая попытка объяснить ее от начала до конца была бы просто нелепой. О беспощадных и всемогущих ассирийцах, о сооружении Вавилонской башни, расцвете Ниневии и Шумера, пленении евреев царем Навуходоносором, божьем суде над Содомом и Гоморрой и о чашах гнева, которые семь ангелов излили на плодородные земли Двуречья, написано еще в Библии. Но и на нашу долю остается немало — рассказать о диктатуре священных идолов, которым поклонялись истою и беспрекословно.

Иштар — главное женское божество вавилонян... В день празднования Нового года ее славили как богиню любви, несли щедрые дары к монументальным воротам, украшенным изображениями 575 быков и драконов (реконструкция ворот Иштар находится в Берлинском музее). Отсюда процессия направлялась к величественному и незавершенному небоскребу древности — Вавилонской башне. Видимо, на самом верхнем ярусе зиккурата и совершался «священный брак»: царь или его представитель, олицетворявший бога Мардука, производил здесь половой акт со жрицей Иштар. «Божью невесту» назначал оракул, она принадлежала к самому высшему обществу. Народ в это время пел гимны, а

завершался праздник всеобщей оргией. Почитая таким образом Иштар, люди верили, что обеспечивают земле плодородие, а себе — приплод и процветание. Астральные культы, связанные с планетой Венера, были широко распространены повсюду, лишь слегка видоизменяясь в зависимости от местных обычаев. В Сирии и Финикии Иштар была известна как Астарта или Ассера, в Армении — Анаитис. Ассирийский пантеон возглавляла Милитта, или Милитата. По свидетельству Геродота, персы называли ее Митра, а арабы — Алитта. У халдеев она звалась Делефат, у аравийцев — Кабар, у вавилонян — Саламбо, у других народов — Дерцетто...

Фригийская богиня Кибела заняла прочное место в культах древних эллинов. С ее именем связана романтическая легенда о юноше-пастушке Аттисе, который сделался бессмертным благодаря искупительной жертве. Аттис дал обет целомудрия и верности Кибеле, но соблазнился чарами лесной нимфы. Придя в ужас от содеянного, он оскопил себя, а затем покончил жизнь самоубийством. Отмечая это событие, все новые и новые фанатики каждый год, в конце марта, надевали женские одежды и подвергали себя оскотлению. Жертвоприношение сопровождалось оргией, во время которой жрецы Кибелы наносили друг другу жестокие раны и увечья.

Необыкновенной пышностью и кровавым сладострастием отличались культы Таммуза у шумеров и Молоха у моавитян, сирийцев и аммонитян. Бронзовая статуя Молоха изображала человека с головой быка. Вытянутые руки идола как бы требовали жертвоприношений, которые и опускались в семь разверстых ртов, выдолбленных во чреве. Основание статуи покоилось на жаровне, разжигавшейся под звуки гимнов. Когда бронза раскалялась, несчастные жертвы начинали истошно вопить, и их крики, резонируемые пустой полостью, выдавали за голос бога. Постепенно идолопоклонники приводили себя в экстаз, и кружение вокруг заживо сжигаемых переходило в разнузданный разврат.

Жертвенному заклинанию подвергались не только военнопленные или чужеземцы, но и иногда и собственные дети. Такая жертва считалась самой богоугодной, однако ограничивалась и применялась только в экстренных случаях: когда, например, возводили стены города, то в их основание закапывали сына царя. В Библии упоминается такого рода жертва: царь Меша, предвидя неминуемый захват города,

вывел на крепостную стену своего первородного сына и перед лицом врагов зарезал его во славу бога Кемоша. Войско неприятеля немедленно отступило, испугавшись, что гнев небес падает теперь на них. Из древнегреческих и римских источников мы знаем также, что и в Карфагене приносились в жертву дети правителей. Предание гласит, что полководец Ганнибал тоже был предназначен в юности для этой цели, но в последний момент заменен рабом. Вообще человеческие жертвы приносились далеко не всегда, а лишь по особо важным поводам. Значительно чаще богам воздавали животных или всего лишь растения.

Семитский бог Ваал носил различные эпитеты и покровительствовал отдельным местностям: так, например, Ваал-Берит в Сихеме, Ваал-Гад, Ваал-Фегор, у которого был внушительный храм на одноименной горе. У Ваала имелся женский аналог — Ваалат, а иногда божество изображалось с признаками обоих полов. На всем Ближнем Востоке почиталась также его воинственная подруга Анат — богиня любви и наслаждений. Ее отождествляли с Астартой (Ашерой) и справляли в ее честь такие же таинства «священного брака», как и для Иштар. Ваал и Анат слыли могущественными богами, и жертвенная кровь на их празднествах лилась рекой.

Поклонение сласлолюбивым идолам предполагало особую символику и обрядность. В Индии девственницы отдавались Лингаму — божеству в виде мужского полового органа. Родители приводили дочерей в храм и оставляли там на ночь, чтобы бог пришел сочетаться с ними браком. Такие обычаи сохранились до самого последнего времени. Один из путешественников наблюдал обряд в конце XIX в. в окрестностях Пондишери. Юную девушку заставили сесть на деревянное изображение Лингама, а других лишили девственности жрецы, отняв у бога эту деликатную привилегию.

Древние евреи не только чтили, но и клялись детородными органами: «И положил раб руку свою под стегно Авраама, господина своего, и клялся ему в сем» (Бытие, XXIV, 9). В одном из текстов Ветхого завета говорится: «Ты взяла мои дорогие перстни, мое золото, мое серебро, которое я тебе дал; потом ты сделала себе искусственный член и блудодействовала с ним*». Этот «искусственный

* В русском переводе Библии этот текст отредактирован и изложен значительно более сдержанно (см.: Книга пророка Иезекииля, XVI, 17).

член» (tzelem-zakar) то же самое, что и индийский Лингам из смолистой камеди, который превратился впоследствии в «золотую шпору» греков. Поклонение мужскому половому органу в виде культа Фаллоса процветало во всей Греции: в Гиерополе, например, существовал колоссальный храм, над портиком которого высились два Фаллоса размером в 170 футов. Иногда объектами поклонения служили символы женских половых органов: таковы камни круглой формы, на которые возливали жертвенную кровь аборигены Камчатки, Америки и Британских островов (высказывались предположения, что мусульманская святыня — «черный камень» Каабы — первоначально имел то же назначение).

В Египте идолопоклонство воплотилось в древних таинствах Изиды и Озириса. Эмблемой Озириса в Мемфисе был бык Апис, а эмблемой Изиды, олицетворения земного плодородия, — корова. Существует мнение, что имя Апис, получившее приставку «пре» (древний, священный) превратилось позднее в Приапис (Приап) и послужило названием могущественному культу, схожему с Фаллосом. Фигурка с преувеличенно подчеркнута половыми признаками или сам орган почитались за символы бессмертия и изобилия. Люди верили, что идол даст им щедрый урожай. На празднествах Озириса жрецы носили его, поднимая высоко над головами и приводя в движение пружинами. Плутарх сообщает: «Во время весеннего равноденствия праздновали рождение бога солнца Озириса. Над торжественным шествием высилась фигура божества, фаллос которого был в три раза больше его тела, ибо этот Бог есть первоисточник деторождения, а всякий первоисточник, благодаря своей производительной силе, увеличивается и увеличивает все, что исходит от него». Приапы служили украшениями и амулетами на всем Древнем Востоке. Они имели самую различную форму, делались из камня, дерева, фарфора, терракоты всевозможных оттенков. Дамы носили искусно выполненные фигурки на шее, устанавливали их в жилищах. Приапической живописью украшен храм Карнак в Фивах, чудодейственные амулеты не раз находили в захоронениях: выставленный в Лувре саркофаг времен Псамметиха I имеет изображение Озириса с приапом, стоящим перпендикулярно телу.

Непременным атрибутом большинства культов являлась священная или храмовая проституция. Она традиционно существовала в двух видах: однократная и постоянная. В первом случае речь шла о принесении в жертву божеству целомудрия. Девушка отдавалась фаллосу-символу или

жрецу, который считался как бы заместителем бога. Такое действие рассматривалось как искупление за дальнейшую свободу выбора. Подобное мироощущение было очень характерно для того времени: стремясь умилизовать небожителей, люди преподносили им первый сбор от плодов своих и стад. Воплощением этих представлений были мистерии и церемонии, в которых дефлорация рассматривается как священная обязанность. Постоянная проституция есть дальнейший шаг в этом направлении. Храмовые проститутки отдавались без любви всякому желающему и обретали ореол святости. Получаемое ими вознаграждение передавалось в собственность храма.

Геродот подробно описал приемы культовой проституции: «Каждая вавилонянка однажды в жизни должна садиться в святилище Афродиты и отдаваться (за деньги) чужестранцу. Многие женщины, гордясь своим богатством, считают недостойным смешиваться с толпой остальных женщин. Они приезжают в закрытых повозках в сопровождении множества слуг и останавливаются около святилища. Большинство же женщин поступает вот так: в священном участке Афродиты сидит множество женщин с повязками из веревочных жгутов на голове. Одни из них приходят, другие уходят. Прямые проходы разделяют по всем направлениям толпу ожидающих женщин. По этим-то проходам ходят чужеземцы и выбирают себе женщин. Сидящая здесь женщина не может возвратиться домой, пока какой-нибудь чужестранец не бросит ей в подол деньги и не соединится с ней за пределами священного участка. Бросив женщине деньги, он должен сказать: «Призываю тебя на служение богине Милитте!» Милиттой же ассирийцы называют Афродиту. Плата может быть сколь угодно малой. Отказываться брать деньги женщине не дозволено, так как деньги эти священные. Девушка должна идти без отказа за первым человеком, кто бросил ей деньги. После соития, исполнив священный долг богине, она уходит домой, и затем уже ни за какие деньги не овладеешь ею вторично. Красавицы и статные девушки скоро уходят домой, а безобразным приходится долго ждать, пока они смогут выполнить обычай. И действительно, иные должны оставаться в святилище даже по три-четыре года. Подобный этому обычай существует также в некоторых местах на Кипре».

Храмовая проституция все больше коммерциализировалась, в нее вовлекалось огромное количество людей. Святилища не справлялись с потоком посетителей, женщины

отдавались купцам и чужестранцам на прилегающих улочках и площадях, аллеях тенистых парков. Они приходили сюда не только вознести жертву богине, но и заработать на жизнь. Страбон свидетельствует, что иногда жрецы даже подбирали партнеров по возрасту, фигуре, общественному положению. В некоторых регионах пошли еще дальше и попросту торговали девственностью. Геродот сообщает: «У назмонов, маленького народа Лидии, новобрачная принадлежит всем гостям и получает от каждого подарок, который тот приносит из дому». Таким образом постепенно составлялось приданое. Девушки из обеспеченных семей были освобождены от повинности и посылали в храмы рабынь, которые должны были отдаваться вместо них. Посетителей армянских храмов Анаитис ожидали ласки юных служительниц, пылкость которых зависела от вознаграждения. По побережью и на островах, например на знаменитой Кифере, храмы строили на возвышениях, чтобы их легко можно было увидеть с моря. Молельни и часовенки, украшенные фаллосами и изображениями двуполых богов, встречались повсюду.

Геродот рассказывает, что на празднества Изиды ежегодно собиралось до семисот тысяч паломников. Повальное поклонение идолам плоти стало источником значительных доходов, но нанесло непоправимый ущерб нравственности и привело к тяжким заболеваниям: в гробницах, относящихся к середине I тысячелетия до н. э., исследователи находили останки с явными признаками сифилиса (экзостомы черепных, бедренных и других костей)*. Но вряд ли угроза болезни останавливала тогда большинство людей. Из различных источников мы знаем, что жители Древнего Египта занимались кровосмесительством, отдавали дочерей в приюты, устраивали культовые оргии.

Особую славу снискал себе в истории Вавилон, который Библия называет «великой блудницей» и сокрушается по поводу того, что «начало блуда есть обращение к идолам». Колоссальный город с более чем миллионным населением весь погряз в пороках. Квинт Курций Руф в «Истории Александра Македонского» дает следующую картину: «Нельзя представить себе ничего более распутного, чем этот народ; не может быть большей утонченности в искусстве утех и

* Одним из первых очагов сифилиса была, по-видимому, Восточная Индия. Во всяком случае в Аюр-Веде — своеобразном своде рецептов, содержатся сведения о существовании болезни за 3000 лет до н. э., приводятся способы лечения ртутью, киноварью, сулемой и каломелью.

сладогостия. Отцы и матери мирились с тем, что их дочери за деньги продавали гостям свои ласки, мужа спокойно относились к проституированию своих жен. Вавилоняне были погружены в пьянство и во все бесчинства, связанные с этим. Женщины на пирах снимали свои верхние одежды, потом остальное платье, одно за другим, мало-помалу обнажали все тело и наконец оставались совершенно нагими. И так распущенно вели себя не публичные женщины, а самые знатные дамы и их дочери».

Свидетельство летописцев, а также современные археологические открытия дают довольно объективное представление о положении женщины-вавилонянки в семье. Шестой царь вавилонской династии Хаммурапи (2067—2025 до н. э.) составил знаменитый кодекс, включающий 282 параграфа. Ныне диоритовая стела высотой 2,25 м, на которой аккадской клинописью высечен текст кодекса, хранится в Лувре. Одна из таблиц называется «Зеркало женщины», и 59 ее параграфов содержат бездну информации об обрядах свадьбы, выплаты приданого, развода, усыновления, наказаниях за неверность и т. п.

Замужество в те времена было принудительным: хотя теоретически женщина и могла отказаться от брака по выбору родителей или опекунов, на практике это означало смерть через утопление. Мужчина являлся богом семьи, собственником жены и детей. Состоятельный человек обычно имел одну «главную жену» и еще несколько наложниц. Авторитет главной жены — хозяйки дома и матери семейства — был несравненно выше всех остальных. Тем не менее муж мог отдать и дочь, и любую жену в залог, даже убить за измену. Тем более не возникало никаких трудностей, если брак был бездетным: требовалось лишь уплатить пени и вернуть приданое.

Разводы могли быть только по инициативе мужа. Известен сенсационный бракоразводный процесс 1250 г. до н. э., когда правитель финикийского города-государства Угарит Аммистамру II отделался от жены единственно по причине головных болей, которые она якобы у него вызывала.

Измена каралась смертью обоих любовников. Правда, суровый закон сам нередко оказывался предметом торга и предоставлял многочисленные лазейки: тот, кто не хотел, чтобы у него отрезали уши, мог заплатить деньгами или скотом.

Жена должна была следовать за мужем и в загробное царство. Раскопки в Уре, относящиеся к раннему династи-

ческому периоду (середина III тысячелетия до я. э.), обнаружили захоронения целых стад рогатого скота, членов семьи и свиты, погребенных вместе с монархом. Жен в таких случаях отравляли наркотическими веществами и вместе с музыкальными инструментами, драгоценностями и утварью отправляли в распоряжение усопшего главы семьи.

Однако вне дома вавилонянки могли пользоваться значительно большей свободой. Во многих документах упоминается участие женщин в общественной и религиозной жизни. Как и теперь, женщины нередко оказывались более умными и деловыми, чем их мужья. Имеются сведения, что женщины содержали цирюльни, прядильни, кабаки, участвовали в сельскохозяйственных работах. Они обучались профессиям писцов и акушеров, специализировались в химии и фармацевтике. Законом предусматривалось право женщины получать лицензии на владение собственностью и рабами, правда, с согласия мужа или отца. Среди них было немало прорицательниц и жриц, которые участвовали в написании законов. Но главной заботой женщины оставалось искусство оболъщения...

На Древнем Востоке существовали профессиональные исполнительницы, которые пением, танцами и музыкой услаждали собравшихся гостей. В Египте их называли алмеями (от арабского *alimah* — ученица). Ни один праздник не обходился без их участия, они сопровождали армию во время военных походов. На свадьбах алмеи славил новобрачных, импровизировали стихи. Алмей готовили с детства: отбирали самых привлекательных, соответственно воспитывали, обучали стихосложению и пластике. Один из авторов пишет: «Гибкость их тел была удивительна. Поразительно подвижны были черты их лиц, которым они умели по произволу придавать то выражение, которое подходило исполняемой роли. Непристойность поз иногда переходила всякие границы, их взгляды, их жесты были так выразительны, что невозможно ошибиться. Едва начинался танец, они сбрасывали вместе с плащом и стыдливость. Длинное платье из очень легкого шелка спадает к их ногам. Роскошный пояс мягко охватывает талию; длинные черные волосы, надушенные ароматными благовониями, струятся по плечам; прозрачная, точно газовая, сорочка едва прикрывает грудь...» Алмеи не стеснялись принимать подарки и легко вступали в более близкие отношения. Из их числа вышло немало куртизанок, любовниц богатых и влиятельных сановников. Впрочем, жениться на них тоже не счита-

лось зазорным, против этого не возражали ни мораль, ни религия.

Подобные корпорации танцовщиц и музыкантш существовали в древности повсеместно, сохранились они и впоследствии. Романтические индийские баядеры (от португальского *bailadeira* — танцовщица) вступали на эту стезю совсем юными, обособленно жили при храмах, прислуживали браминам, участвовали в культовых церемониях. Танцы баядер — настоящая пантомима любви. Звуки музыки, ароматы эссенций и цветов быстро разжигали исполнительниц и зрителей. Успеху способствовала пикантная откровенность нарядов, подчеркивавших женственные формы. На грудь одевался тонкий деревянный футляр из двух половинок, застегивавшийся на спине. Футляр инкрустировался золотыми пластинками, украшался алмазами. Матовый цвет лица подчеркивался распущенными волосами и подведенными сурьмяным карандашом глазами. Жесты, экспрессивные позы, взоры, полные огня и неги, как правило, действовали безотказно.

История сохранила имена некоторых «жриц любви», например Родопсис, которая столь разбогатела, что финансировала строительство одной из пирамид. Геродот рассказывает: «Родопсис была рабыня, родом из Фракии. Самосец Ксанф привез ее в Египет, чтобы подождать продать. Ее выкупил за большую сумму один человек из Митилены, Харакс, сын Скамандронима, брат поэтессы Сафо. Таким образом Родопсис стала свободной. Она осталась в Египте и, так как была очень хороша, стала зарабатывать много денег. Она была так знаменита своей красотой, что все в Элладе знали имя Родопсис».

Другая куртизанка, Архидика, оценивала свои ласки столь высоко, что воспользоваться ими могли лишь очень состоятельные люди. Молва гласит, что один небогатый молодой человек предложил Архидике все свои сбережения всего за одну ночь. Взбалмошной красавице этого показалось недостаточно, и она отвергла предложение. Расстроенный поклонник бросился в храм и стал умолять богов, чтобы они хоть во сне показали ему недоступные наслаждения. Молитва была услышана, и боги ниспослали юноше желанный сон. Узнав об этом, Архидика обратилась в суд, требуя компенсации. Однако судьи отклонили иск и посоветовали Архидике попросить у богов видение того золота, которое она могла бы заработать.

На закате династии Птолемеев куртизанки прочно обо-

сновались при дворе, а родовитые аристократки и даже царицы не брезговали пользоваться своим очарованием в корыстных целях. Такова была и дочь Лага, последняя египетская царица Клеопатра. Умная, образованная и властолюбивая женщина совершенно не стеснялась в средствах. Она была лавовницей Юлия Цезаря, который сохранил за ней трон, затем обворожила и женила на себе перешедшего на ее сторону полководца Марка Антония и даже подумывала обольстить Октавиана, разбившего флот Антония у мыса Акций. Но к этому времени Клеопатре уже исполнилось 39 лет, красота ее увядала, и, трезво взвесив все шансы, она подставила грудь ядовитой змее, признав тем самым свое поражение.

Нравы иудеев вполне соответствовали духу эпохи. В их образе жизни заветы и обычаи предков причудливо перемешались с разлагающими влияниями «египетского пленения». Книга Бытия полна упоминаний о кровосмесительных обрядах левирата*, насилиях и супружеских изменах. Агарь стала наложницей Авраама, уже женатого на своей сестре по отцу Сарре. Сарра приглянулась фараону, но «и Аврааму хорошо было ради нее: и был у него мелкий и крупный скот, и ослы, и рабы, и рабыни, и лошаки, и верблюды» (XII, 16). Дочери Лота напоили отца пьяным и по очереди разделили с ним ложе. Лия и Рахиль отправили своих служанок в постель к собственному мужу Иакову. Сихем, сын Еммора, изнасиловал Дину; Рувим переспал с наложницей отца Валлой, Фамарь — со своим тестем Иудой и т. д. На дне рождения царя Ирода красавица Саломея исполнила перед гостями сладострастный танец. Очарованный царь пообещал выполнить все, что бы она ни пожелала. По наущению своей матери Иродиады, которая одновременно являлась сестрой и женой Ирода, Саломея потребовала голову Иоанна Крестителя... Сам Господь, возмущенный распространением разврата, гневно обличал дочерей иерусалимских: «Ты построила себе блудилища и наделала себе возвышений на всякой площади; При начале всякой дороги устроила себе возвышения, позорила красоту твою и раскидывала ноги твои для всякого мимоходящего, и умножала блудодеяния твои» (Книга пророка Иезекииля, XVI, 24, 25).

Однако, когда Моисей вывел народ из Египта и сорок

* Обычай, распространенный в эпоху родового строя, по которому вдова обязана или имеет право выйти замуж за брата своего умершего мужа.

лет странствовал с ним по пустыне, половая мораль евреев подверглась новым, еще более суровым испытаниям. Их пути пересеклись с поклонниками культов Милитты, Молоха, Ваала и др. Символом ханаанского культа Ваала была женщина с бородой и мужским половым органом, а одним из главных элементов являлась мужская проституция. Женоподобные юноши, которые для удаления волос натирались специальными мазями, продавались за деньги почитателям своего бога и оставляли храму все заработанное. Евреи называли их «кедеши», т. е. «святые», или «посвященные». Под покровом ночи кедешы устраивали самобичевания и, изможденные истязаниями и развратом, падали в лужи собственной крови. В оргиях принимали участие и женщины, обитавшие в окрестностях, и даже специально дрессированные собаки.

Древнегреческий писатель Лукиан (ок. 120 — ок. 190) позднее сокрушался: «Когда мораль древних еще пользовалась авторитетом, когда существовало еще уважение к дочери богов — добродетели, люди согласовывали свою жизнь с законами природы, и те, кто вовремя вступал в брак, рождали крепких детей. Мало-помалу люди все ниже спускались с высот морали и падали в пропасть разврата; чувственные радости стали удовлетворяться постыдным и грубым путем. Порча нравов разлилась повсюду, и законы природы были затоптаны в грязь. Нашелся человек, который первым принял подобного себе за женщину и, путем ли насилия или хитрости, воспользовался им для удовлетворения своей изменной страсти. И два индивидуума одного и того же пола вступили в общение и не стыдились того, что они делали и что позволяли над собой делать. Они сеют, так сказать, на бесплодном камне и в награду за каплю удовольствия пожинают целое море стыда и несчастий. Некоторые из них доходят до крайней степени озверения, посредством огня удаляют те части, которые делают их мужчинами и видят в этом высшее торжество сладострастия. Но эти несчастные, желая как можно дольше оставаться юными, истощались очень быстро и в конце концов не знали даже, к какому полу они принадлежат».

Пучина языческого аморализма, в которую погружалась чаша Иеговы, была необыкновенно глубока. Доказательства тому в изобилии содержатся в Библии. В городе Содом два ангела остановились в доме Лота, но «Еще не легли они спать, как городские жители, содомляне, от молодого до старого, весь народ со всех концов города, окружили дом. И

вызвали Лота, и говорили ему: где люди, пришедшие к тебе на ночь? выведи их к нам; мы познаем их. Лот вышел к ним ко входу и запер за собой дверь. И сказал: братья мои, не делайте зла. Вот, у меня две дочери, которые не познали мужа; лучше я выведу их к вам, делайте с ними, что вам угодно; только людям сим не делайте ничего, так как они пришли под кров дома моего» (Бытие, XIX, 4—8). К счастью, гости Лота сумели за себя постоять: они сначала ослепили похотливых горожан, а затем и вовсе сожгли нечестивый город.

Значительно хуже пришлось гостю библейского Эфраима. В аналогичной ситуации он вынужден был выдать насильникам свою жену. «Они узнали ее и были с ней до утра. Потом же, когда взошла заря, они отослали ее. Эта женщина возвратилась и легла у порога дома, где был ее муж. Он же, вставши утром, отодвинул задвижку двери, чтобы продолжать путь. И вот, его наложница лежит распростертой у двери, с руками, протянутыми к порогу. Он сказал ей: встань и пойдем. Она хранила молчание. Тогда муж взвалил ее на спину осла и отправился в путь».

Святой Павел с негодованием обрушивался на отвратительные пороки Рима и Коринфа: «Они заменили истину Божью ложью и поклонялись и служили твари вместо творца, который благословен во веки, аминь. Поэтому предал их Бог постыдным страстям: женщины их заменили естественное употребление противоестественным. Подобно и мужчины, оставивши естественное употребление женского пола, разжигались похотью друг на друга, мужчины на мужчинах делая срам и получая в самих себе должное возмездие за свое заблуждение» (Послание к римлянам, I, 25—27).

Глас Господень: «По делам земли Египетской, в которой вы жили, не поступайте, и по делам земли Ханаанской, в которую я веду вас, не поступайте, и по установлениям их не ходите» (Левит, XVIII, 3), — остался гласом вопиющего в пустыне. Потребовалось сформулировать для народа прямые указания — чего можно было делать, а чего нет. «Не ложись с мужчиною, как с женщиною, это мерзость», «И ни с каким скотом не ложись, чтоб излить семя и оскверниться от него; и женщина не должна становиться пред скотом для сокоупления с ним. Это гнусно», «Ибо все эти мерзости делали люди сей земли, что пред вам, и осквернилась земля» (Левит, XVIII, 22, 23, 27). Отступников ждет страшная кара: «Кто ляжет с женой отца своего, тот открыл наготу отца своего: оба они да будут преданы смерти, кровь их на

них ляжет», «Если кто ляжет с женщиною, как с женщиною, то оба сделали мерзость; да будут преданы смерти, кровь их на них», «Если кто возьмет себе жену и мать ее: это беззаконие; на огне должно сжечь его и их, чтобы не было беззакония между ними», «Кто смесится со скотиною, того предать смерти, и скотину убейте» (Левит, XX, И, 13, 14). Устами Моисея Господь запретил также сношения во время месячных, рекомендовал совершать омовения и очищать запятнанные одежды. Несмотря на предостережения, во время странствий среди евреев так распространились венерические болезни, что патриарх был вынужден устроить своеобразную чистку и прогнать из лагеря всех заболевших (Числа, V).

Борьба за спасение душ носила кровопролитный характер. Моисей сказал: «Кто из сынов Израиля дает семя Молоху, да будет предан смерти, и народ забросает его камнями». И это не было пустой угрозой: «... в один день погибло их двадцать три тысячи» (Послание к коринфянам, X, 8). Жестокий пример должен был послужить предупреждением всем остальным: «Глаза ваши видели все, что сделал Господь с Ваал-Фегором: всякого человека, последовавшего Ваал-Фегору, истребил Господь, Бог твой, из среды тебя» (Второзаконие, IV, 3). Духовные пастыри решились призвать народ к войне во имя защиты заветов Иеговы. Военные действия против мидийцев сложились удачно, но мало было победить врага на поле битвы. Моисей приказал умертвить всех детей мужского пола и всех женщин, уже познавших плотскую любовь. В живых оставили лишь девочек-девственниц. Кроме того, был объявлен семидневный карантин: золото, серебро, медь очищались огнем, а все остальное — водой.

Однако принятых мер оказалось совершенно недостаточно. В другом месте Ветхого завета говорится, что спустя семнадцать лет после исполнения воли господа культа древних идолов возродились вновь. Яд сладострастия проник слишком глубоко и навеки отравил любовь.

Глава

З

Власть Эроса

Древняя Греция и Римская империя

Мироощущение эллинов. Эротическая литература. Культы Афродиты и Деметры. Элевсинские мистерии. Фаллические культы. Положение женщины. Мизогиния. Законодательство Солона о проституции. Диктерионы. Вовлечение в проституцию. Обитательницы публичных домов. Свободные диктериады. Авлетриды. Гетеры: Аспазия, Фрина, Лаиса и др. Гомосексуализм. Законы и нра-

*Люблю тот век нагой,
когда теплом богатый,
Луч Феба золотил
холодный мрамор статуй,
Мужнины, женщины,
проворны и легки,
Ни лжи не ведали в те годы,
ни тоски.
Лаская наготу, горячий
луч небесный
Облагораживал их механизм
телесный,
И в тягость не были земле
ее сыны,
Средь изобилия Кибелой
вращены —
Волчицей ласковой, равно,
без разделенья,
Из бронзовых сосцов
повишей все творенья.
Мужчина, крепок, смел и
опытен во всем,
Гордился женщиной и был
ее царем,
Любя в ней свежий плод без
пятен и без гнили,
Который жаждет сам,
чтоб мы его вкусили.*
Ш. Бодлер

вы. Осквернение тела. Лесбийская любовь. Сафо. Языческие ритуалы на Апеннингах. Вакханалии, Флоралии и другие праздники. Характер и масштабы проституции. Римские куртизанки. Средства возбуждения чувственности. Семья. Эфебы. Разврат римских цезарей: Юлий, Август, Тиберий, Калигула, Нерон, Гальба, Оттон, Вителлий, Коммод, Гелиогабал. Закат империи.

О, Эллада, колыбель человечества! Под ослепительным солнцем покачивалась она в волнах Эгейского моря, увитая яркой зеленью... Именно здесь, на протяжении более трех тысячелетий вызрели основы современной культуры, всех наук и искусств. Именно здесь возник миф о пеннорожденной прекрасной Афродите. «В золотом поясе, на влажных крыльях Зефира мчится Афродита по снежной пене волн многошумного моря и является на Олимп. Боги, пораженные ее красотой, простирают к ней руки и каждый желает приобрести ее любовь. Внушив сладкое вождление богам, она смиряет племена людские, и летающих по воздуху птиц, и всех животных, питаемых морем и обширною землею. Волки, свирепые львы, быстрые леопарды мирно следуют за ней. Она успевает обольстить и самого Зевса, заставляя его проникнуться земной страстью».

Немудрено, что все мироощущение эллинов было проникнуто откровенной чувственностью, утверждением плотских начал человека. Гомеровские старцы оправдывают легендарную Елену, из-за которой разразилась Троянская война: «Не обвиняйте изящнообутых троянцев и ахейн, что они за подобную женщину претерпели столько несчастий! Женщина похожа на бессмертных богинь». Представления о нравственности отличались непринужденностью и детской наивностью. Неистовые, темпераментные люди не ведали стыда и запретов. Физическое наслаждение, половая жизнь были для них также естественны, как еда и питье. Гармоническое слияние с природой служило источником непреходящей радости. Самые бурные вспышки элементарной чувственности античный человек считал гораздо более понятными и близкими, чем сложные душевные переживания. У греков еще не было романтического отношения к любви. Поэтому-то эпическая поэзия эллинов никогда не делала любовь объектом творчества. Ни у Гомера, ни у Гесиода, ни у Эсхила мы не найдем воспевания чувства как такового. Все это появится позднее. Во времена же классической древности любовь прежде всего была деятельной, конкретно осязаемой, неумолимо требовательной. Мимнерм, живший более 600 лет до н. э., сокрушается: «Без золотой Афродиты какая нам жизнь или радость? Я бы хотел умереть, раз перестанут манить тайные встречи меня, и объятья, и страстное ложе».

Оптимистическое, радостное мироощущение проявлялось во всех сферах жизни. Быт древних греков не обходился без так называемых симпозиев — специфической

формы общения, соединявшей ученую беседу и обильные возлияния. Достоинства симпозиа ценились тем выше, чем более обильно и изысканно сервировался стол. Гастрономия приобрела в эпоху эллинизма высокую степень искусства, способствовавшего восстановлению сил и стимулированию сексуальности. Недаром стоик Хризипп называл «Опсологию» («Гастрономию») Архестратоса книгой эротической. Участники симпозиев временно освобождались от сдерживающих моральных факторов. Они одинаково находили истинное наслаждение и в философских рассуждениях, и в алкогольном опьянении, и в чревоугодии. Не было более удобного случая, чтобы повеселиться в кругу друзей, здесь же, не сходя с пиршественного ложа, насладиться любовью. Беседы сопровождались половыми эксцессами, хореографическими выступлениями, песнями, декламированием эротических стихов.

В соответствии со своими непосредственными взглядами на взаимоотношения полов древние относились к эротике совершенно иначе, чем теперь, хотя и тогда не было недостатка в голосах, которые протестовали против ее распространения среди молодежи. Практически греков можно считать зачинателями особого рода литературы, которую в наше время принято называть эротической или даже порнографической. Хотя произведения такого жанра очень древнего происхождения, но периодом их расцвета была эллинская эпоха. Одним из центров распространения эротики была греческая колония Сибарис, жители которой впоследствии приобрели репутацию праздных, избалованных роскошью людей. Именно сибариты были хорошо известны своим современникам как авторы своеобразных шуток, по мнению Марциала, носивших откровенно физиологический характер. Еще большую славу снискал город Милет в Ионии — родина фривольно натуралистических «Милезийских рассказов» Аристида, переведенных затем на латинский язык и пользовавшихся огромной популярностью у римлян. Подобные сочинения стали именоваться «милезиями» или «ионикологами» (по названию региона).

Одним из ведущих представителей греческой эротической литературы, имя которого также стало нарицательным, был Сотадес из Маронеи, живший при дворе Птолемея II Филадельфа и сочинявший стихи и прозу. Искусственный в едкой сатире Марциал впоследствии обратил внимание, что строфы Сотадеса приобретают неприличный смысл, если их читать в обратном порядке. Один из совре-

менников прибавил, что сотадические стихи могут читать только люди крепкого здоровья и цветущего возраста. Примечательно, что Сотадес в конце концов, что называется, «дошутился»: из-за двусмысленной остроты по поводу свадьбы Птолемея с его сестрой Арсиной, он был заключен в тюрьму, где и закончил свои дни. Нельзя не упомянуть также и о легендарной писательнице-гетере Элефантис (Элефантиде). О ее судьбе определено ничего не известно, предполагается, что ее творчество относится к александрийской школе (III—I вв. до н. э.). Гален приписывает ей авторство сочинений по косметике. По преданию, эротические книги Элефантис, богато иллюстрированные соответствующими рисунками, весьма высоко ценились в древности, а в эпоху Римской империи уже являлись величайшим богатством.

Жители Пелопоннеса, островов архипелага и Южной Италии легко восприняли и адаптировали большинство малоазиатских культов. Полагают, что самый древний из них — богини любви Афродиты — даже предшествовал культу Зевса. Богиня имела различные ипостаси и прозвища, подчеркивающие ту или иную особенность культа. Афродита-Урания была покровительницей девственниц и платонической любви, олицетворением духовного начала. Афродита-Пандемос (т. е. «низменная», «принадлежащая плембсу») покровительствовала возбуждению желаний и удовлетворению страсти. По месту распространения культа богиня могла называться Кипридой, Киферой и т. д. Многие ее прозвища говорили сами за себя: Генителида — покровительница половых органов, Перибазия — «с раздвинутыми ногами», Мелайна — «темных ночей», Микейя — «потаенных уголков» и др. В Спарте почиталась Афродита-Воительница в каске и с копьем в руках. Она напоминала лакедемонянам о войне с Мессеной, когда женщины защитили свой город, пока мужа находились в походе. К тому времени, когда они подросли на помощь, женщинам уже удалось отбить атаку и пир победителей превратился в любовную оргию.

Наиболее старинные и знаменитые храмы богини находились в Пафосе, Самосе, Гермione. На острове Хиос в храме Асклепия находилось изображение Афродиты-Анадиомены («выходящей из воды»), в роще возле Эпидавра имелась молельня в ее честь. Храм Коринфа, обращенный одновременно и к Азии, и к Европе, был славен и богат благодаря тысячам женщин, посвятивших себя служению

Афродите. Окрестности его кишели храмовыми проститутками — хьеродулами, моряками, торговыми людьми, иностранцами, на чьи деньги торжественно и пышно производились древние ритуалы. И здесь, и в Афинах всем участникам праздника Афродисий предоставлялась полная сексуальная свобода. Ни один человек в Древней Греции не видел в этом ничего предосудительного и присоединял свой голос к хору языческих песнопений.

Другой могучий культ уходил корнями в крито-микенскую культуру и был связан с именем Деметры — богини плодородия. В конце XIX в. археологи раскопали близ Афин сооруженный в 600 г. до н. э. квадратный колонный зал с местами для сидения. Он мог вместить не менее трех тысяч посетителей. Именно здесь, в Элевсине находился центр культа Деметры, многократно упоминавшийся в старинных источниках. Осенью по дороге из Афин в Элевсин тянулись нескончаемые процессии, состоящие из посвященных и просто любопытствующих, которым не разрешалось участвовать в главном акте мистерии. Он заключался в том, что статую богини одевали в свадебный наряд, несли через весь город к святилищу, где уже было приготовлено брачное ложе. При потушенных факелах верховный жрец Зевса вступал в супружеские права и с помощью особого напитка вызывал извержение семени. После окончания обряда служанки выносили к молящимся в благоговейном молчании людям хлебные колосья, якобы мгновенно зачатые и рожденные богиней. При этом верховный жрец восклицал: «Вот благословенный сын бога, которого родила мать хлебов!» Священный брак в Элевсине олицетворял божественное плодородие и затем многократно воспроизводился верующими в храмах.

Пантеон мужских «богов плоти» был весьма обширен. Одним из первых нужно назвать Гермеса, покровителя тучных стад, торговли и мужской силы. В его честь устанавливали каменные столбы, так называемые гермы, представлявшие изваяние головы и половых органов бога. Знаменитым и почитаемым был «пришлый», занесенный из Фракии бог Дионис. Он покровительствовал виноделию и плодородию, в его честь в Афинах устраивали великие дионисии (впоследствии — вакханалии, поскольку у римлян он звался Вакхом). Это название навеки вошло в историю как синоним разнузданной половой оргии. Прекрасной Афродите помогал ее посланник Эрот, шаловливый, очаровательный, но подчас жестокий мальчишка: его золотые стрелы причи-

няли нестерпимые муки, а иногда и смерть. Юный Гименей покровительствовал бракам, не забыт и прекрасно прижившийся под солнцем Эллады Приап.

Всем правит Эрос, названный Платоном и его последователями побудительной силой духовного восхождения, эстетического восторга и экстатической устремленности к созерцанию идей добра и красоты. В массовом сознании идея воплотилась в культе Фаллоса, который вначале ограничивался лишь почитанием мужской оплодотворяющей силы.

На Делосе, где находилось одно из самых больших святилищ, в III в. до н. э. был воздвигнут гигантский каменный Фаллос, посвященный Дионису. Подобных изображений было много. Лукиан пишет, что возле храма сирийского Гиерополя стояли два высоких фаллических столба. Иногда размеры этих сооружений просто поражали воображение: сохранившиеся до наших дней остатки изваяния на могиле царя Лидии Алиатта имеют в диаметре четыре метра. Мужским половым органам приписывались необыкновенные свойства и небесное происхождение. Подчеркивая это, греки, а затем и римляне нередко снабжали изображения фаллоса крылышками. Считалось, что порошок из мужских гениталий способствует плодородию земли, предохраняет от болезней, многократно увеличивает потенцию. Проникнутые сверхъестественным трепетом, люди не только поклонялись фаллосу, но и делали его объектом жертвоприношений. Римский историк Тит Ливий (59 до н. э. — 17 н. э.) сообщает, что окровавленные мужские гениталии вешали на статую Дианы Итальянской. Во время гиларий* юноши в экстазе отрезали себе половые органы, принося их в жертву богине. Большинство из них истекало кровью и погребало, а фаллос бальзамировали, клали в сосуд и погребали вместе с ними. Он сулил воскресение или возрождение к новой жизни. Изображения фаллоса в виде амулетов и украшений носились на теле, их использовали при дефлорации девушек в храмах. Девственность ценилась в Древней Греции весьма высоко, но далеко не всегда она доставалась в награду супругу. Широкое распространение получили обряды жертвоприношения невинности богам. Рассказывают, что в Трое невеста должна была искупаться в реке Скамандр и символически отдаться речному богу. Иногда наивностью

* Гиларии — ежегодные празднества в честь Гилла — любимца (или сына) Геракла, исчезнувшего при таинственных обстоятельствах.

молодой девушки злоупотребляли ее сверстники, подстерегавшие жертву в воде.

Глубоко убежденные, что жизнь и судьба человека решаются на небесах, древние греки на многое смотрели фаталистически. А эпоха отнюдь не была идиллической, лишённой социальных конфликтов и несправедливостей. Рабовладение, опустошительные войны, тирания, бесправие одних и вызывающая роскошь других составляли ее суть. В государствах классической древности центральной являлась идея о том, что человек, живущий собственным трудом, неизмеримо низок. Презрение к труду как таковому делало понятным существование различного рода прихлебал и паразитов, которые зачастую пользовались большим уважением, чем мастеровые, земледельцы или врачи. Сапожник, например, по мнению древних, занимал в социальной иерархии место не на много выше удачливой проститутки.

Положение женщины было подчиненным, а ее права — ограниченными. Главные женские добродетели навеки запечатлены на каменных надгробиях: «Благочестива, скромна, целомудренна. Пряла шерсть». Большинство гречанок к моменту вступления в брак (нередко 13—15 лет) были неграмотными, их воспитывали в духе беспрекословного подчинения отцу и будущему мужу, обучали лишь ведению домашнего хозяйства. Сами браки рассматривались как «необходимое зло», заключались они преимущественно по материальным соображениям и в целях получения потомства.

Весьма красноречиво выразился философ Платон: «Имя честной женщины должно быть заперто в стенах дома». Так оно и было. Замужняя женщина вела замкнутый образ жизни в гинекее (женской половине), сосредоточиваясь на хозяйственных и материнских заботах. Поведение супруга вне дома не должно было ее интересовать. Попытки уравниваться в правах сурово пресекались и могли повлечь тяжкие последствия. Муж мог сколько угодно бражничать и заводить связи на стороне, а для жены афинский закон предусматривал: «Если мужчина застаёт жену свою прелюбодействующей, то должен расстаться с ней под страхом бесчестия. Женщина, застигнутая на месте, лишается права войти в храм, если же она нарушает этот запрет, то к ней можно применять любое наказание». Законодательство Солона впоследствии развило эти положения: «Женщина, которая презирает святость брака, думает только об удовлетворении своей страсти, не может требовать для себя

никаких прав. Ее дети считаются незаконнорожденными, не могут носить звание гражданина, произносить речи публично и выступать в суде». Впрочем, из общего правила случались и исключения. По преданию, афинский архонт и стратег, герой Марафона и Саламина Фемистокл (ок. 525 — ок. 460 до н. э.) был сыном продажной женщины Абротонум.

Широко распространенный взгляд на женщину как на неполноценного члена общества выразился в мизогинии (женоненавистничестве), открыто разделявшейся даже культурными и образованными современниками. Наиболее известным в древности памятником женоненавистничества являются 118 ямбов Симонида (VII до н. э.), в которых он сравнивает женщин с различными животными и приписывает им всевозможные слабости и пороки. Позднее Еврипид в трагедии «Ипполит» скажет:

*Зачем, о Зевс, на горе смертным, женщинам
Ты дал место под солнцем? Если род людской
Взрастить хотел ты, разве без этого
Коварного сословия обойтись не мог?*

*Что жены — зло, тому примеров множество.
Отец, чтоб дочь родную поскорее сбыть
И бед не знать, дает за ней приданое
Супругу...*

Однако дискриминация женщин отлично уживалась с жадным стремлением к наслаждениям. Драматург Софокл (ок. 496—406 до н. э.), оправдывая собрата по перу Еврипида*, воскликнул: «Но он мизогин только в своих творениях, в постели же он филогин» (т. е. любитель женщин. — А. С.).

Репутация женщин, рискнувших бросить вызов и переступить сложившиеся традиции, сразу оказывалась запятанной. Молва записывала их в число отверженных, если только они не вставали на путь служения культам. В любом случае их судьба оказывалась связанной с необходимостью торговать собственным телом, так как иного способа заработать на жизнь большей частью просто не существовало. Армия проституток неуклонно росла. Смирившись с неизбежностью и желая по крайней мере взять ситуацию под контроль, афинский архонт Солон (между 640 и 635 — ок. 559 до н. э.) законодательно дозволил проституцию в государстве. Он выписал за общественный счет азиатских

* По преданию, жизнь Еврипида оборвала толпа разъяренных женщин, отомстивших ему за нападки на прекрасный пол.

рабынь и поместил их в диктерионы — древнегреческий прообраз публичных домов. Поэт Филемон, проникнутый гражданской благодарностью, восклицал: «О, Солон, ты был истинным благодетелем рода человеческого, так как первый подумал о том, что важно для спасения народа. Да, я говорю это с полным убеждением, когда вижу многочисленную молодежь нашего города, которая под влиянием своего неистового темперамента стала бы предаваться непоправимым излишествами. Вот для чего ты купил женщин и поместил их в такие места, где они имеют все необходимое и доступны всем, кто в них нуждается».

Популярность этого начинания была столь велика, что вызвала появление частных диктерионов, которые успешно конкурировали с государственными. Проституция считалась торговлей или промыслом, поэтому частные диктерионы облагались налогом, который устанавливали эдилы. Налог был весьма умеренным, а промысел — настолько прибыльным, что все больше кабачков и гостиниц в портовых кварталах вывешивали изображение красного приапа — символ частного диктериона, или, как его еще называли, капайлеи. Режим наибольшего благоприятствования объяснялся тем, что диктерионы считались общественно полезными учреждениями, оберегающими нравственность, средством социальной защиты семьи. Диктерионы охранялись государством и считались неприкосновенными: под их крышей муж не мог быть обвинен в измене, отец не смел искать сыновей, а кредитор — преследовать должника. Один из современников утверждал: «Избавьте общество от публичных женщин и вы увидите, что разврат будет врываться повсюду. Проститутки в государстве то же, что клоака в доме: уничтожьте клоаку и весь ваш дом загрязнится и станет смрадным. Когда зло неискоренимо, надо стараться ограничить его и уменьшить дурные последствия». Ему вторит знаменитый оратор Демосфен (ок. 384—322 до н. э.): «Благодаря Солону у нас есть куртизанки для наслаждений, наложницы, которые заботятся о нас, супруги, которые рожают детей и верно хранят строй наших домов».

В отличие от демократических Афин тоталитарная Спарта шла своим путем. Здесь все женщины признавались общественным достоянием и индивидуальные ценности отрицались. Легендарный Ликург (IX—VIII вв. до н. э.) прежде всего заботился об атлетической и военной подготовке граждан, воспитании мужественных, самоотверженных солдат. Женщины Спарты, безразлично, добродетель-

ные или не очень, имели в государстве весьма малое влияние: закаленные воины не поддавались их чарам и искали славы лишь на поле битвы. В этой связи в Спарте появился особый вид отношений, которые можно было бы назвать «патриотической проституцией»: если отечество оказывалось в опасности, жены допускались к супружескому ложу оставшихся в наличии мужчин, чтобы восполнить потери.

Немалую конкуренцию профессиональным диктериадам составляли замужние женщины, втайне подрабатывающие своими ласками. Несмотря на то что афинский правитель Драконт в 621 г. до н. э. ужесточил ответственность за прелюбодеяния, число любительниц легкой наживы все увеличивалось. Особенно много их было в Коринфе. В этом городе, расположенном на пересечении торговых путей, почти каждый так или иначе имел отношение к доходному промыслу. Искусство, с которым бесстыдные коринфянки обирали купцов и мореплавателей, стало просто легендарным, а само название города приобрело нарицательный смысл чувственного обольщения. Несмотря на запреты, немалая часть клиентуры предпочитала диктериадам почтенных матрон. Однако риск был велик. Пойманнные на месте любовники подлежали смерти или телесному наказанию (по желанию обманутого мужа). Иногда наказание было весьма оригинальным: похотливому клиенту загоняли в задний проход черную редьку. В других случаях пылкий любовник выплачивал компенсацию, избегая огласки и скандала. Пользуясь этим, предприимчивые и лишенные предрассудков супруги устраивали неосторожным чужестранцам настоящие провокации и сознательно заманивали их в ловушку.

Вся огромная проституированная среда Древней Греции имела четкую иерархию, значительно различалась по формам деятельности, своему материальному положению, степени включенности в общественную жизнь. Обитательницы диктерионов, пожалуй, не были еще самыми угнетенными и униженными. Все-таки они имели крышу над головой, не заботились о пропитании, получали подарки от посетителей. По дошедшим отрывкам сочинений древних авторов можно составить некоторое представление о быте диктерионов. Они были открыты и днем, и ночью, за окнами мелькали тени полуобнаженных женщин, у дверей сидела старая карга, которая продавала благовония и получала деньги. Расценки вывешивались для всеобщего обозрения снаружи, они зависели от качества «товара» и услуг.

Плата могла достигать одного статера* золотом — суммы довольно крупной.

Значительно хуже приходилось так называемым свободным диктериадам, которые не хотели или не могли жить в публичных домах. Большинство из них также были приезжими из Азии и Египта, но встречались и вольноотпущенницы, и даже греческие гражданки из неимущих слоев. Каждая устраивалась на свой страх и риск, и почти все влачили жалкое существование. Если позволяли обстоятельства, они снимали комнату в гостинице или кабачке, расположенном за чертой города. До захода солнца им запрещалось появляться на городских улицах, поэтому те, кто не имел постоянного пристанища, прятались днем на задворках и кладбищах между могил. Свободные диктериады обязаны были носить особый костюм: пеструю тунику и белокурый парик. Свою привлекательность они поддерживали тем, что густо румянились, обесцвечивали волосы шафраном, старались замаскировать морщинки рыбным клеем. В таком виде, взяв в руку миртовую ветку, диктериады с наступлением темноты заполняли улицы и площади. Особенной популярностью у проституток пользовался живописный афинский квартал Керамика, где, между прочим, находилась знаменитая философская школа Платона «Академия». Здесь они старались подцепить случайного прохожего, привлечь его внимание вызывающей позой. Здесь же, не стесняясь, обсуждали цену и устраивались с клиентами под сенью античных портиков. Девицам приходилось иметь дело с отъявленными подонками, их нещадно эксплуатировали сводники и сутенеры. Растратив молодость и здоровье, несчастные опускались все ниже, среди них было немало готовых отдаться за кусок рыбы или стакан вина. Истасканные, потерявшие человеческий облик диктериады превратились в настоящую язву афинского государства.

Несравненно более высокую ступень занимали авлетриды — танцовщицы и музыкантши, выступавшие на праздниках и симпозиях. Благодаря умению играть на флейте или лютне многие из них устраивались вполне прилично. Работы авлетридам хватало, поскольку пиры у греков были в большой чести. В конце каждого застолья участники по традиции выражали свой восторг тем, что бросали к ногам авлетрид колыца, украшения, монеты. Иногда в качестве награды давалась вся золотая или серебряная посуда со сто-

* Статер (или дарик) — первая монета из золота весом 8,4 г.

ла. Искусная флейтистка не оставалась глуха и к другим, более деликатным просьбам гостей, за что с ней рассчитывались особо. Нередко пользующейся успехом авлетриде удавалось составить немалый капиталец и обеспечить свое будущее. Но авлетриды не всегда любили только за деньги, им были присущи и возвышенные чувства. Они охотно дарили свою благосклонность богатым покровителям, переходили к ним на содержание, т. е. становились куртизанками. История знает немало случаев, когда со временем покровители сами попадали в зависимость от своих любовниц-куртизанок.

«Лучшие семьи Александрии, — говорит Полибий (ок. 200 — ок. 120 до н. э.) в своей «Истории», — носили имена Миртионы, Мнезис и Потинии, хотя Мнезис и Потиния были флейтистками, а Миртион начинала с диктериона». Все эти три дамы были некогда любовницами Птолемея Филадельфа, а на склоне лет добились всеобщего признания. Известны были имена и некоторых других авлетрид: Боа — мать евнуха Филетера, правителя Пергама; Партениза, которая судилась с сильными мира сего; Пиралис, за свои танцы получившая прозвище «птичка»; Сигея, против которой не могла устоять ни одна добродетель; Формезия, прославившаяся тем, что умерла в объятиях своей подружки... Но самой знаменитой была, несомненно, Ламия. Неотразимо прелестная флейтистка долгое время принадлежала Птолемею, а после перешла на содержание к его победителю — македонскому царю Дмитрию. Военная победа Дмитрия обернулась его личным поражением: Ламия полностью подчинила его своей власти. Плутарх (ок. 45 — ок. 127) в «Сравнительных жизнеописаниях» подробно описывает их отношения. Мужественный герой и венценосец доходил до галлюцинаций, мечтая о близости с Ламией. Нечистые испарения ее тела были для него во много раз притягательней, чем самые благовонные ароматы.

Самыми привилегированными и преуспевающими служительницами любви были, конечно, гетеры. По существу, их нельзя даже отнести просто к продажным женщинам, ибо занятия любовью являлись для них только средством, но не целью. Диапазон деятельности гетер был неизмеримо шире: они претендовали на участие в государственной и общественной жизни, влияли на принятие политических решений, блистали среди философов, поэтов, художников. Им предоставлялось право участвовать в симпозиях ученых мужей, на равных вести беседы с тиранами и архонтами,

богачами, аристократами и героями. Множество гетер вышло из Коринфа, где они учились приемам любви, музыке, философии, стихосложению, ораторскому искусству. Их славе способствовала не только обольстительная внешность, но и гибкий ум, интеллект, художественный талант. Имена знаменитых гетер заслуженно вошли в историю, некогда они были известны всем...

Аспазия родилась в Милете. Обладая исключительным обаянием, она с детства производила среди окружающих настоящий фурор и была окружена толпой поклонников и подруг. Перебравшись в Афины, Аспазия превратила свой дом в сосредоточение культурной жизни. Здесь можно было встретить философов Сократа и Анаксагора, законодателя Перикла, военачальника Алкивиада, скульптора Фидия и многих других. Даже почтенные матроны с дочерью принимали приглашения Аспазии, пренебрегая приличиями. Плутарх утверждал, что «туда шли, чтобы слушать ее речи». Аспазия держала в своих руках тысячи нитей, решала судьбы войны и мира, занималась искусством, создавала моду. В ее лице гетеризм нашел высшее выражение, недаром век прославленного Перикла иногда называли и ее именем. Их отношения зашли столь далеко, что Перикл развелся с женой и сочетался с Аспазией браком. Аспазия во многом ответственна за кровопролития Пелопоннесской войны, в которой она участвовала лично, используя для координации военных действий летучий отряд своих сподвижниц. Утверждают, что война явилась для Аспазии источником личного обогащения и укрепления влияния. Но ее деспотический характер привел к созданию сильной оппозиции, образ жизни Аспазии был признан безнравственным, а она сама предстала перед ареопагом по обвинению в оскорблении богов. По тем временам это было равносильно смерти, но Перикл лично прибыл в суд и вымолил прощение.

Фрина была родом из беотийского города Фесписа. Если Аспазия стремилась к шумным триумфам, то Фрина держалась вдали от света и жила уединенно. Излюбленным занятием для нее было искусство. Она посещала студии Апеллеса и Праксителя, гордилась тем, что позировала великим художникам и давала им вдохновение. Действительно, если судить по сохранившимся копиям таких скульптур, как Афродита Книдская, тело Фрины было совершенным образцом женских форм. На Элевсинских мистериях Фрина поразала многочисленных зрителей своим появлением, а

затем таинственно исчезала и укрывалась в романтической недоступной обители. Огромная популярность породила злых завистников и недоброжелателей. Кто-то из отвергнутых обожателей обвинил Фрину в профанации культа и развращении граждан. Но доводы защиты перевесили: трибун Гиперид сорвал с Фрины одежды и призвал оправдать красоту. Перед этим аргументом суровые судьи не устояли. В дальнейшем Фрина стала осторожнее и более не отказывала во внимании представителям власти. Она занялась благотворительностью, воздвигла несколько храмов и общественных зданий в Коринфе. Фрина предложила даже восстановить свой родной город, правда, с одним условием: написать на стене «Александр разрушил Феспис, а Фрина выстроила его вновь». Взвесив все обстоятельства, в том числе сомнительные источники финансирования, отцы города отказались. После ее смерти Пракситель отлил статую Фрины из чистого золота, которая хранилась в храме Дианы в Эфесе.

Лаиса ребенком была захвачена в плен, привезена из Сицилии в Афины и продана в рабство художнику Апеллесу, который и просветил ее в тайнах любви. Став свободной через несколько лет, Лаиса отправилась в Коринф и поселилась в этом городе навсегда. Поклонники платили за ее ласки целые состояния. Со знаменитого оратора Демосфена Лаиса затребовала десять тысяч драхм, и тому пришлось удалиться. Но тщеславие Лаисы было еще выше. Рассказывают, что она пыталась обольстить сурового Ксенократа, ученика Платона, а также атлета Евбата, одного из победителей Олимпийских игр. Лаиса нередко шокировала современников: она одновременно состояла в связи с утонченным гедонистом Аристиппом и грубым циником Диогеном, которому отдавалась чуть ли не публично. Кончина ее была драматической. Плутарх сообщает, что Лаиса последовала за возлюбленным в Фессалию, где ее убила из ревности одна из соперниц. Безутешные коринфяне воздвигли в ее честь памятник: львица, разрывающая на части барашка. По преданию, на ее гробнице была высечена эпитафия «Славная и непобедимая Греция была покорена божественной красотой Лаисы. Дитя любви, воспитанная Коринфом, отдыхает на цветущих полях Фессалии».

Список знаменитых гетер весьма обширен. Можно назвать еще Герпилис — любовницу Аристотеля, которая родила ему сына. Великий философ и воспитатель Александра Македонского еще при жизни сделал ее своей един-

ственной наследницей. Лагиска — любовница Исократы, учителя красноречия и соперника Демосфена. Мегало-страта — достойная муза эротической поэзии и философии Алкмана. Леонция — афинская гетера, любовница Эпикура, прославившаяся красноречием. Таис Афинская — наложница императора Александра, участница грандиозной оргии, после которой был сожжен Персеполис. Великий полководец признавал ее законной женой, от которой имел трех детей. Вакхис — верная, бескорыстная и нежная подруга оратора Гиперида. Теодетта — неутешная возлюбленная стратега Алкивиада, воздававшая после его смерти благоговейные почести. Гликерия — ни за что не желавшая расстаться с автором комедий Менандром ради владетельного правителя азиатской провинции Тарс. Агафоклея — безраздельно пленившая Птолемя Филопатра и перевернувшая вверх дном все его государство...

Если гетеры в определенном смысле приумножали славу отечества, то широко распространившиеся гомосексуальные отношения бросали на нее тень. Иудейско-эллинический философ Филон (ок. 25 до н. э. — ок. 50 н. э.) писал: «Другое большое зло грозит разным государствам. Это зло — педерастия. Когда-то считалось чуть ли не постыдным одно произнесение этого слова, теперь же это предмет гордости пораженных пороком. Все они подражают женщине, для довершения сходства заплетают и причесывают волосы, расписывают и красят лицо белилами, румянами и тому подобными снадобьями, натирают себя благовонными маслами. Мы должны строго поступать с этими людьми, если хотим следовать естественным законам природы, их нельзя более оставлять существовать ни одного дня, ни одного часу, потому что они не только позорят самих себя, но всю свою семью, отечество и весь человеческий род. Педераст должен быть подвергнут каре, потому что он стремится к противоестественным наслаждениям и не принимает никакого участия в увеличении народонаселения».

Подобные обвинения из уст моралистов звучали постоянно. Однако их примитивная прямолинейность вряд ли кого-нибудь убеждала. Значительно сильнее действовали аргументы в защиту детей. Обличая некоего Тимарха, афинский оратор Эсхин (ок. 390—314 до н. э.) обращается к судьям: «Мы обязаны верить своих детей только таким учителям, которые отличаются чистотой нравов и мудростью. Но законодатель не удовлетворяется этим и точно называет час, когда свободнорожденное дитя отправляется

в школу и возвращается оттуда. Закон, оберегая детей от хождения по улицам в потемках, запрещает учителям и начальникам училищ открывать школу до восхода солнца и закрывать после заката. Для участия детей в празднествах Диониса закон устанавливает возраст не менее 14 лет, т. е. возраст наступления зрелости. По мысли законодателя, ребенок должен получить хорошее воспитание и стать полезным обществу гражданином. Но если природные свойства с самого начала испорчены порочным воспитанием, то, вырастая, дети превращаются в испорченных граждан, подобных Тимарху. Законодатель установил еще одну меру, имеющую целью защиту детей — я разумею закон о проституции. Установлены самые суровые наказания за проституирование свободнорожденного ребенка или женщины. Что еще существует у нас в этом отношении? Существует еще закон об изнасиловании, объединяющий всевозможные преступления этого рода: всякий, кто оскорбит (растлит, купит для своего удовольствия) ребенка, мужчину, женщину, свободнорожденного или раба, кто воспользуется другим человеком для преступных наслаждений, подлежит телесному наказанию».

В Спарте гомосексуальные отношения преследовались по закону, но в Эолии и Беотии они допускались свободно. Однако законам не всегда следовали даже там, где они существовали. Гомосексуализм проник во все слои общества. Величайшие люди Греции находились во власти противоестественной страсти. Солдаты Александра краснели и отворачивались, когда царь принародно забавлялся с внухом Багоасом. Историки рассказывают, что вблизи гимназий и палестр нередко располагались сомнительные заведения цирюльников, парфюмеров, банщиков и массажистов, шныряли проституированные кинеды. Рассадники разврата отнюдь не прятались в глухих трущобах, они во множестве сосредоточивались прямо перед Акрополем. Гетера Нико со смехом рассказывает, как «мальчик Софокла» Демифон попросил ее раздеться, чтобы удостовериться в достоинствах телосложения: «А, ты хочешь высмотреть, что можно использовать для Софокла?» Герой одной из комедий сокрушается: «Прежде мальчикам разрешалось приходить в театр только в длинном, доходящем до колен платье, которое не открывало бы посторонним ничего нескромного; вставая, они не забывали позаботиться о том, чтобы не обнажить какой-нибудь части тела и не вызвать этим похотливых желаний. Теперь все в прошлом». У современников

встречаются весьма саркастические описания носителей порока. Некий Полемон говорит о своем знакомом: «Взгляд у него утомленный, сластолюбивый; он вращает глазами, необыкновенно беспокоен; у него нервные подергивания лба и щек, судорожные сокращения век; шея наклонена набок, ляжки ходят ходуном, колени и руки согнуты... Он говорит резким и дрожащим голосом». Аристотель язвит не менее едко: «У педераста угрюмый взгляд, движения рук вялые, во время ходьбы ноги заплетаются, глаза бегают. Таков, например, софист Дионисий».

Уже упоминавшийся Тимарх заклеямен в истории как осквернитель своего рта: «Народ говорит еще, что ты феллатор* и куннилингус**, т. е. называет тебя словами, которые ты, по-видимому, не понимаешь и принимаешь их за выражение почта. Тебе никогда не удастся избежать презрения сограждан и убедить их, что ты не позор всего города. Клянусь Гермесом, вся Антиохия знает случай с молодым человеком, пришедшим из Тарса, которого ты опозорил; впрочем, мне, пожалуй, не подобает разглашать подобные вещи. Во всяком случае, все присутствовавшие при этом хорошо помнят, как ты стоял на коленях и делал то, что сам хорошо знаешь, если не забыл. А о чем думал ты, когда тебя вдруг увидели на коленях перед распростертым сыном богача Ойнопциона? Неужели же ты думаешь, что и после подобных сцен о тебе не составилось определенное мнение? Клянусь Зевсом, я недоумеваю, как ты, после таких деяний, смеешь целовать нас? Уж лучше поцеловать ядовитую змею, потому что в этом случае можно позвать врача, который сумеет, по крайней мере, устранить опасность от ее укуса, а получив поцелуй от тебя, носителя столь ужасного яда, никто не посмел бы приблизиться, когда бы то ни было, к храму или алтарю. Какой бог согласится внимать мольбам такого человека? Сколько кропильниц и треножников нужно было бы ему поставить?»

Пресыщенной Элладе человечество обязано также распространению интимных отношений между женщинами. Древние называли этот порок по-разному: антерос, трибадия, лесбийская любовь, или сафизм. Конечно, добродетельные жены и дочери граждан, запертые в гинекее, более или менее были ограждены от искушения. Зато ему вовсю предавались гетеры, авлетриды, музыкантши, артистки,

*** См. «Минет» в разделе «Приложение».

* См. в разделе «Приложение».

т. е. тот круг, как бы теперь выразились, художественно-интеллигентской богемы, который отвергал общепринятую мораль.

Древнегреческий писатель-сатирик Лукиан (ок. 120 — ок. 190) в форме диалога между многоопытной Кленариум и юной Леэной описывает свидание трибад. В минуты затишья бурных взаимных ласк Леэна вспоминает, как ее невинностью воспользовалась коринфская гетера Мегилла: «Мегилла долго упрашивала меня, подарила дорогое ожерелье и прозрачное платье... Я поддалась ее страстным порывам, она начала целовать меня, как мужчину; воображение уносило ее, она возбуждалась и изнемогала от сладостного томления». — «А каковы были твои собственные ощущения?» — «Не спрашивай меня о подробностях этого ужасного позора, клянусь Уранией, я больше ничего не скажу». Психология служительниц любви, вся жизнь которых проходила в обстановке экзальтированной чувственности, всегда отличалась болезненной извращенностью. В их восприятии сложно переплетались самые противоречивые мотивы: неприязнь к сопернице, искреннее восхищение перед более молодой и привлекательной, презрение к грубому и вульгарному мужчине, стремление заместить его, комплекс собственной неполноценности... Вид своей наготы и сравнение ее с прелестями подруг действовали возбуждающе, вызывали странный и жгучий интерес, который требовал удовлетворения. Гетеры и авлетриды устраивали пиры, на которые мужчины не допускались вовсе. На них, под покровительством Афродиты Перибазийской, трибеды соперничали в красоте и сладострастии.

Наиболее яркой представительницей антероса считается поэтесса Сафо, чье имя сделалось нарицательным. Достоверных сведений о ее жизни сохранилось мало. Сафо родилась во второй половине VII в. до н. э. в приморском городке Эрес на острове Лесбос. Она происходила из богатой и уважаемой семьи, которая тем не менее вынуждена была бежать в 595 г. до н. э. на Сицилию вследствие политических интриг. Едва выйдя из детского возраста, Сафо стала зачитываться эротическими поэмами своего современника Алкея. На Лесбосе имелось несколько музыкально-поэтических школ, одну из них и возглавила со временем Сафо. Молва о ней прокатилась по всему тогдашнему культурному миру. Из Греции, Малой Азии, с других островов архипелага к ней стекались ученицы и поклонницы.

«Она была прекрасна», — утверждает Платон. А мадам Дасье, написавшая в XVIII в. беллетризованную биографию Сафо, создает такой образ: «Лицо Сафо, каким его изображают древние медали, говорит о ее в высшей степени эротическом темпераменте. Сафо была брюнетка, небольшого роста; ее черные глаза горели огнем». Ее речи и поэтические обращения к ученицам были красноречивы и полны страсти. Популярность Сафо среди юных девушек, которых, как она сама признается, «я любила не без греха», была необыкновенно велика. В поэтическом переложении Гимерия Сафо «входит в брачный покой и украшает его венками и ветвями, стелет страстное ложе, собирает в спальню девушек...» Она изображает Афродиту, перед ней развигия хор харит и эротов, волосы увенчаны гиацинтами и свободно развеваются по ветру... Невесту Сафо сравнивает с яблоком, которое не поддается тем, кто спешит сорвать его раньше времени, но доставляет великую радость имеющим терпение... Современники называли Сафо десятой музой, ее же собственной музой всегда оставалась женщина. Если бы это было не так, Сафо, возможно, никогда не достигла бы вершин поэтического мастерства. Пряный привкус порока придал ее таланту неповторимое очарование.

В личной жизни Сафо была несчастлива. Еще молодой выйдя замуж, она рано овдовела. От брака осталась дочь Клея, воспитанию которой она уделяла много внимания. Но образ жизни Сафо не способствовал выполнению традиционных обязанностей матери, заставлял постоянно раздваиваться, служил источником терзаний и недовольства собой. Словно в насмешку над судьбой, Сафо погибла из-за любви к мужчине. В расцвете своей славы, уже будучи зрелой женщиной, она встретила молодого корабельщика Фаона. Фаон пренебрег ее чувствами, и отвергнутая Сафо в отчаянии бросилась с Левкадской скалы в море... Недоброжелатели злословия на этот счет, что такова месть Афродиты.

Параллельно греческой в первом тысячелетии до н. э. на северо-западе и юге Апеннинского полуострова складывались новые развитые цивилизации. Задолго до основания Рима здесь существовали финикийские, египетские и греческие колонии, где исповедовали языческие культы. Уже у Атеня имеются указания на поклонение фаллосу и религиозную проституцию, имевшие место у этрусков, мессалийцев, самнитов и других народов. Позднейшие раскопки и

исследования дали много тому подтверждений. На Сицилии, в храме Венеры Эрицейской, приносили жертвы девической невинности. Сохранились изображения различных этапов древнего обряда: девушка, ожидающая в храме; чужестранец, приобретающий право обладания ею; возложение полученных денег на алтарь и т. д. Множество изображений выдержано в характерном стиле: похотливые, похожие на козлов, мужчины с бородами и пучками волос на копчике; половые органы преувеличенных размеров и причудливых форм; сцены совокуплений, изобилующие натуралистическими подробностями.

Этрусский пантеон возглавляло божество, известное по сочинениям Арнобия и святого Августина. Его звали Мутун (имелась еще и Мутуна — аналог женского рода), по существу, это был тот же индийский Лингам или Фаллос, завезенный из Фригии жрецами Кибелы корибантами (кабирами). Бога представляли в виде человека с козлиными копытами и рогами, обладающего внушительным членом. Мутун, так же как и Приап, покровительствовал плодovitости женщины и силе мужчины, отвращал «сглаз» при беременности, вызывал ответную страсть у любимого человека. Вокруг украшенной гирляндами статуи разжигали праздничные огни, танцевали под звуки флейты, производили обрядовые церемонии.

Большинство культов и их церемониал были заимствованы и перенесены на местную почву из Египта, Греции, Малой Азии и других регионов. Так, Изиады, описанные Апулеем в «Золотом осле», были известны и на берегах Нила. Великие дионисии, отмечавшиеся в Древней Греции еще во II тысячелетии до н. э., превратились на Апеннингах в вакханалии — празднества в честь сына Юпитера Вакха. Расписанное киноварью изваяние Вакха несли во главе процессии. За ним следовали молодые женщины, украшенные цветами, мужчины, нагруженные корзинами с плодами и сосудами с вином. Шествие сопровождалось музыкой, ряженные сатирами и нимфами люди славили Вакха криками «Эвойе!», распевали непристойные песни «фаллика», потрясали шестами с изображением половых органов. Поглубже укрывшись в роще, участники раскрывали складной алтарь, приносили в жертву домашних животных. Под воздействием обильных возлияний и звуков музыки толпа все больше распалась, стыд позабывался, начиналась оргия, длившаяся до утра. На заре жрецы складывали алтарь и обессиленные люди разбрелись по домам.

Не менее разнузданно проходили и другие праздники: Патер Либер (одно из прозвищ Вакха), Либералии, Луперкалии (в честь Пана Ликейского — Волчьего), Флоралии... По преданию, богиня цветов Флора была патронессой римских проституток, и именно ей посвящался весенний праздник, известный с незапамятных времен. По другой версии, Флорой звали реально существовавшую проститутку, которая вышла замуж за патриция-богача Тарунция, а перед смертью завещала огромное состояние Риму. Приняв золото распутницы, город в знак благодарности почитал ее имя. С 28 апреля до 1 мая проститутки приносили Венере жертвы, курили фимиам, возлагали на алтарь мирт и венки роз, надеясь заслужить милость богини и получить хороший заработок. Программа Флоралии отличалась необыкновенной пышностью, сопровождалась театрализованными представлениями и развлечениями. По словам Варрона (116—27 до н. э.), участницы бегали, танцевали, боролись, прыгали, точно атлеты или шуты, каждая новая пара вызывала крики и аплодисменты неистовавших зрителей. Подобные празднества, следовавшие один за другим и длившиеся месяцами, служили серьезным испытанием для всеобщей нравственности. Все они так или иначе были связаны с почитанием Эроса, носили оргастический характер, включали в себя специфические обряды. По собственной воле или воле родителей девы и юноши посвящали себя богам. Имеется свидетельство, что некая Пакула Миния привела в храм двух своих сыновей: обряд, по существу, свелся к групповому изнасилованию детей жрецами. Сенат неоднократно пытался бороться с языческими ритуалами, однако безуспешно, и они просуществовали вплоть до IV в., когда их окончательно запретил император Диоклетиан.

Как это уже случалось в истории прежде, культовые формы проституции постепенно вырождались в заурядную торговлю телом. К моменту основания Рима (ок. 754/753 до н. э.) проститутки, которых называли «Лира» — «волчицы», в огромных количествах распространились по берегам Тибра. Некоторые из них жили в домах терпимости (лупанариях), другие занимались этим ремеслом в виде отхожего промысла. К услугам простонародья были целые кварталы удовольствий на улице Субура, у Делийского моста рядом с казармами, вокруг цирков, где проводились бои гладиаторов. Дешевые лупанарии обычно представляли собой темные клетушки с выходами на разные улицы. Скучная мебелька ограничивалась тростниковой циновкой или видав-

шей виды кроватью, подслеповой лампой и кучей тряпья. Оповестительный знак в виде фаллоса или красный фонарь и днем и ночью привлекал внимание прохожих. На дверях вывешивался список имеющихся в наличии девиц и прейскурант цен. Более дорогие публичные дома располагались в центре, недалеко от храма Мира. В них имелись внутренние дворики, бассейны, мозаичные панно с изображением эротических сцен. Кроме того, существовало множество кабачков, гостиниц, бань, кладбищенских сторожек, где повсюду торговали живым товаром. Знаменитые римские бани (термы) одновременно могли вместить до тысячи человек. Вход в те из них, которые предназначались для плебса, стоил очень дешево. Купались в этих термах все вместе: мужчины, женщины, дети...

Проституткам полагалось носить пеструю короткую тунуку с разрезом спереди и сандалии, тогда как матроны обувались в полусапожки. Проституткам также запрещалось носить белые ленты, которыми поддерживали прическу добропорядочные женщины. Впрочем, грань, отделяющая профессионалок от любительниц, часто была весьма условной. Состав проституток постоянно обновлялся и увеличивался за счет соблазненных выгодой свободных гражданок. Среди них было немало даже замужних женщин, которые прибегали в этих случаях к уловкам профессионалок: надевали белокурый парик, яркие одежды, вызывающе раскрашивали лицо и т. д. Подражая восточным танцовщицам, они облекались в прозрачные шелка и принимали тот позорный вид, который так возмущал Сенеку: «За большие деньги мы выписываем эту материю из отдаленных стран, и все это лишь для того, чтобы нашим женам нечего было скрывать от своих любовников».

Случалось, что матери продавали в лупанарии собственных дочерей, поскольку невинность всегда и везде котировалась высоко. Если старая, потрепанная «волчица» шла за небольшое медных ассов, то девственницу продавали за большой выкуп, как невесту, обставляя сделку пышной, почти свадебной церемонией. Нередко опытные сводни обманывали при этом простаков, подсовывая им мнимых или сфабрикованных девственниц.

Продажные женщины были непременно участницами военных походов. Валерий Максим сообщает, что молодой Сципион, командовавший африканской армией во время третьей Пунической войны (149—146 до н. э.), изгнал из лагеря две тысячи проституток.

Распутницы более высокого ранга (боне меретрис) были законодательницами мод, привлекали к себе всеобщее внимание, разоряли стариков и сбивали с пути истинного молодых. Некоторые находились на содержании, другие стремились к этому, добиваясь успеха любой ценой. По вечерам их можно было встретить в центре города в вызывающих нарядах, развалившихся в носилках, которые несли экзотического вида негры*. Куртизанки играли веерами и смотрелись в металлические зеркала, поправляя золотые диадемы на париках. Они отлично умели передавать свои намерения мужчинам жестами и мимикой, не прибегая к помощи слов. Надо отметить, что среди римских куртизанок никогда не было равных греческим гетерам, блестяще сочетавшим красоту и интеллект. Старательно и без особого успеха Рим стремился подражать более высоким образцам. Здесь также имелись певички и танцовщицы, наподобие авлетрид, которые услаждали богачей на пирах. Среди таких артисток предпочтение отдавалось иностранкам, в частности испанкам из Кадикса. Марциал и Ювенал свидетельствуют, что их искусство встречало горячее одобрение. На долю некоторых исполнительниц выпала честь быть любимыми великими поэтами и художниками, у их ложа частыми гостями бывали трибуны, полководцы и другие выдающиеся мужи.

Вокруг доходного любовного промысла кормилось множество темных личностей: сводники, сутенеры, знахари, цирюльники, банщики, продавцы различных снадобий и втираний для возбуждения чувственности. Петроний в «Сатириконе» описывает процедуру, восстанавливающую утраченные силы: «Выносит Инофея кожаный фалл и, намазав его маслом, с мелким перцем и протертым крапивным семенем, потихоньку вводит его мне сзади... Этой жидкостью жесточайшая из старух вспрыскивала исподволь мои чресла... Сок кресса перемешивает она с польнью и, опрыскав мое лоно, берет пук свежей крапивы и неспешной рукой принимается стегать меня ниже пупка». Римляне употребляли огромное количество духов, поэтому ремесло цирюльников не выходило из моды. Перед застольем или любовным свиданием римляне омывались ароматной водой, натирали тела благовониями, окуривали помещения фимиамом,

* По постановлению Домициана гуляние на носилках было категорически запрещено, ибо они очень скоро превратились в передвижные публичные дома.

пол усыпали лепестками нарда и роз. Одежда и волосы умащивались эссенциями, постели пересыпались кристаллическими порошками, в пищу щедро добавлялись пряные приправы. Вследствие этого нервная система постоянно находилась в состоянии искусственного возбуждения.

Экзальтированная чувственность патрициев, рабовладельцев, деклассированного плебса катастрофическим образом влияла на общественную нравственность. Коррупция парализовала закон, погоня за легкой наживой и удовольствиями подрывала моральные устои общества. Положение женщины в Риме вообще было более свободным, чем у греков. В предисловии к «Биографиям» Корнелий Непот обращает внимание на такое различие: «Какой римлянин стыдится повести свою жену на званый обед, или какая хозяйка не живет в передней части дома и держится вдали от общения с людьми?» Хотя главной целью брака по-прежнему остается рождение детей, явно выраженный патриархат греков уступил место значительно большей терпимости. Распространенной формой семейно-брачных отношений стал конкубинат, т. е. фактическое сожительство мужчины и женщины, не связанных узами брака. Божественный Август законодательно признал внебрачные связи, что объективно означало разрыв с античной половой моралью. Но на практике это создало предпосылки еще более глубокого морального разложения. Рамки условностей постепенно стирались, непреодолимого барьера между добропорядочной и проституированной средой уже не существовало. Проституция разрушала семью. Куртизанки привлекали к себе отцов семейств, и законным женам приходилось вступать с ними в соперничество. Матроны мечтали о том, чтобы иметь такие же носилки, таких же красавцев-рабов и пользоваться таким же вниманием, как и проститутки. Они следовали их модам, подражали экстравагантным выходкам, обзаводились любовниками из среды шутов и гладиаторов. Вся римская сатира, от Квинта Энния до Апулея, полна обличений нравов эпохи, превыше всего поклонявшейся собственной плоти.

Но женщина в Римской империи отнюдь не была исключительно объектом вождлений и посягательств. От греков римляне восприняли и упрочили традиции мизогинии — презрения к женщине, отношения к ней как к существу низшему. Утверждалось, что женское лоно предназначено только рожать детей, сама она нечиста и неспособна на глубокое чувство. Такие взгляды вместе с пресыщенностью,

стремлением к более изощренным формам удовольствий создали благоприятную почву для широкого распространения гомосексуализма. Тем более что законом он не запрещался: единственное ограничение касалось насильственных покушений на достоинство свободнорожденных граждан, в отношении же рабов и илотов предоставлялась полная свобода. Во многих аристократических семьях сыновья еще в подростковом возрасте получали в личное владение маленького раба, с которым могли удовлетворить пробуждающуюся чувственность. В латинском языке существовал термин «пуэри меритории», обозначавший детей-наложников мужского пола. Достигшие более старшего возраста назывались «пафиками», «эфебами», «гемеллами», одни из них жили в лупанариях, другие занимались проституцией на улицах и при дворах своих покровителей. Один из героев Петрония заявляет: «Четырнадцать годков у хозяина за жену ходил — а что худого, коли господин желает?» Эфебы завивали волосы, уничтожали растительность на теле, опрыскивались духами, украшали пальцы перстнями, подрисовывали на лице черные мушки. Некоторые из них даже подвергались кастрации, чтобы бесповоротно избавиться от мужской природы. Фигура мужчины-проститутки была неременной и характерной деталью жизни в Риме и провинциях. Услугами эфэбов пользовались и плебеи, и уважаемые, богатейшие мужи, включая самих императоров.

Разврат римских цезарей вошел в историю, и о нем следует сказать особо. Представим читателю судить самому на основании извлечений из свидетельств современников.

Цезарь, Гай Юлий (102 или 100—44 до н. э.), римский диктатор и полководец. Был, по общему мнению, весьма падок и расточителен на любовные утехы. Он обольстил Постумию, жену Сервия Сульпиция, Лоллию, жену Авла Габиния, Тертуллу, жену Марка Красса, Муцию, жену Гнея Помпея и многих других римских матрон. Были у него любовницы и более высокого ранга — мавританская царица Эвнэя и египетская Клеопатра. Еще в юности Цезарь запятнал себя сожителем с царем Вифинии Никомедом. Факт этот подтвержден многократно. Лициний Кальв пустил ядовитый стишок, распевавшийся в народе: «... и все остальное, чем у вифинцев владел Цезарев задний дружок». Долабелла открыто порицал Цезаря и называл его «царевой подстилкой», Курион-старший выражался еще сильнее:

«Злачное место Никомеда» и «вифинское блудилище». Когда Цезарь неосторожно заступился за Нису, дочь своего любовника, и перечислил его заслуги, Цицерон с пренебрежением прервал его: «Оставим это, прошу тебя: всем отлично известно, что дал тебе он и что дал ему ты!» Таков был Цезарь, и по заслугам Курион-старший в одной из речей назвал его мужем всех жен и женою всех мужей. Но и в любовных делах Цезарь оставался великим политиком: когда его жену уличили в неверности и хотели судить ее молодого поклонника Клодия, он предпочел стерпеть обиду, но не допустить огласки. Расследование было прекращено одной фразой: «Жена Цезаря выше всяких подозрений».

Август Октавиан (63 до н. э. — 14 н. э.), римский император внучатый племянник Цезаря, усыновленный им по завещанию. «В ранней юности он стяжал дурную славу многими позорными поступками», — говорит о нем Светоний. Марк Антоний прямо обвинил императора в том, что он добился усыновления ценой собственного бесчестья. Брат Марка, Люций, добавляет, что Август «свою невинность, початую Цезарем; предлагал потом в Испании и Авлу Гирцию за триста тысяч сестерциев, и будто икры он себе прижигал скорлупою ореха, чтобы мягче был волос». Пользуясь своей властью, Август принудил к сожительству многих замужних женщин. Марк Антоний вспоминает, как «жену одного консуляра он на глазах мужа увел с пир к себе в спальню, а потом привел обратно, растрепанную и красную до ушей, как друзья подыскивали ему любовниц, раздевая и оглядывая взрослых девушек и матерей семейств, словно рабынь у работорговца». При этом Август самым ханжеским образом витийствовал перед народом, ужесточил законы о прелюбодеянии и разврате, сократил срок помолвки, ограничил разводы.

Тиберий (42 до н. э. — 37 н. э.), римский император, пасынок Августа. Светоний с безжалостной откровенностью описал образ его жизни. Тиберий установил должность распорядителя наслаждений и назначил на нее римского всадника Тита Цезония Приска. В своей резиденции на Капри император имел особые комнаты для занятий развратом. Толпы молодых девушек и парней изображали перед ним так называемые спинтрии: они образовывали тройную цепь и совокуплялись таким образом, возбуждая угасающую похоть господина. Спальню он

украсил картинами* и статуями самого непристойного свойства, разложил повсюду книги Элефантиды, чтобы обстановка соответствовала его намерениям. Светоний пишет, что «он пылал еще более гнусными и постыдными пороками: об этом грешно даже слушать и говорить, но еще труднее этому поверить». Тиберий приучил совсем маленьких детей, которых называл своими рыбками, играть между ног, когда он купался в ванне, кусать и сосать его половые органы. «При жертвоприношении он однажды так распалился на прелесть мальчика, несшего кадьлицу, что не мог устоять, и после обряда чуть ли не тут же отвел его в сторону и растлил, а заодно и брата его, флейтиста; но когда они после этого стали попрекать друг друга бесчестьем, он велел перебить им голени». Юная Маллония, изнасилованная Тиберием, во весь голос назвала его в суде волосатым и вонючим стариком с похабной пастью. После этого в народе передавали встречаемый рукоплесканиями стишок «Старик-козел облизывает козочек!».

Калигула (12—41) жил, по словам Светония, в преступной связи со всеми своими сестрами. Одну из них, Друзиллу, он лишил девственности еще будучи подростком. Потом ее выдали замуж за сенатора, но император отнял ее у мужа и открыто содержал при себе. Калигула не мог равнодушно пропустить ни одну женщину, попадавшую в поле его зрения. Обычно он приглашал ко двору мужей вместе с женами и, когда они проходили мимо его ложа, внимательно разглядывал каждую женщину, приподнимая голову за подбородок. Ту, которая ему нравилась, уводил в соседнюю комнату, а возвратясь, громко расхваливал или порицал перед мужем ее прелести. Калигула не скрывал своих связей с Марком Лепидом, мимом Мнестром и другими мужчинами. Валерий Катулл, юноша из консульской семьи, заявлял во всеуслышание, что от забав с императором у него болит поясница. Ел и спал венценосец на конюшне вместе с молодыми конюхами, одному из которых, Евтиху, он подарил за полученное удовольствие два миллиона сестерциев. Правда, Калигула не только транжирил, но и собирал в житницы: именно ему Рим обязан введением налога на проституцию.

* По Плинию, висевшая в спальне Тиберия картина изображала жреца Кибелы и была куплена за 6 миллионов сестерциев.

Нерон (37—68) уже при рождении внушил ужас своим горожанином. В ответ на поздравления его отец Домиций воскликнул: «От меня и Агриппины может родиться лишь ужас и горе для человечества!» Эти слова оказались пророческими. Вот что рассказывает о Нероне Светоний: «Мало того что жил он и со свободными мальчиками и с замужними женщинами: он изнасиловал даже весталку Рубрию*. С вольноотпущенницей Актой он чуть было не вступил в законный брак, подкупив нескольких сенаторов консульского звания поклясться, будто она из царского рода. Мальчика Спора он сделал евнухом и даже пытался сделать женщиной: он справил с ним свадьбу со всеми обрядами, с приданым и с факелом, с великой пышностью ввел его в свой дом и жил с ним, как с женой. Еще памятна чья-то удачная шутка: счастливы были бы люди, будь у Неронова отца такая жена! Этого Спора он одел, как императрицу, и в носилках возил его с собою и в Греции по собраниям и торжествам, и потом в Риме по Сигиллариям, то и дело его целуя. Он искал любовной связи даже с матерью, и удержали его только ее враги, опасаясь, что властная и безудержная женщина приобретет этим слишком много влияния. В этом не сомневался никто, особенно после того как он взял в наложницы блудницу, которая славилась сходством с Агриппиной; уверяют даже, будто, разъезжая в носилках вместе с матерью, он предавался с нею кровосмесительной похоти, о чем свидетельствовали пятна на одежде. А собственное тело он столько раз отдавал на разврат, что едва ли хоть один его член остался неоскверненным, В довершение он придумал новую потеху: в звериной шкуре он выскакивал из клетки, набрасывался на привязанных к столбам голых мужчин и женщин и, насытив дикую похоть, отдавался вольноотпущеннику Дорифору: за этого Дорифора он вышел замуж**, как за него — Спор, крича и вопя, как насилуемая девушка. От некоторых я слышал, будто он твердо был убежден, что нет на свете человека целомудренного и хоть в чем-нибудь чистого и что люди лишь та-

* В Риме существовала коллегия из шести весталок — священных девиц, поддерживающих огонь в храме Весты. Их избирали из девочек знатных семей, и они служили богине 30 лет, соблюдая обет безбрачия. В случае нарушения обета весталок живыми закапывали в землю. Такая практика сохранялась вплоть до первых веков нашей эры.

** Эту свадьбу описывает также Тацит (Анналы, XIV, 65), правда, называя «мужа» не Дорифором, а Пифагором.

ят и ловко скрывают свои пороки: поэтому тем, кто признавался ему в разврате, он прощал и все остальные грехи».

Гальба (5 до н. э. — 69 н. э.) — его слабостью были взрослые и крепкие мужчины.

Отгон (32—69) — публично совершал мистерии Изиды во время своего недолгого царствования.

Вителлий (15—69) — детство и раннюю юность провел на Капри, служа прихотям Тиберия, за что на всю жизнь сохранил позорное прозвище Спинтрия. При нем процветали шуты и конюхи, особенно один вольноотпущенник Азиатик. Светоний сообщает, что «этого юношу он опозорил взаимным развратом», а затем пожаловал ему золотые перстни — знак всаднического достоинства.

Коммод (161—192) был «бесстыден, зол, жесток, сластолюбив и осквернял даже свой рот», как пишет историк Ламприд. Коммод устроил из своего дворца дом разврата, жил с шутами и публичными женщинами, в костюме евнуха разносил прохладительные напитки в лупанарии. При своем первом появлении в Риме он сидел на колеснице рядом со своим любовником Антером, которого осыпал ласками. Коммод изнасиловал своих сестер и сожалел, что он не сделал того же с матерью. Он обожал оргии и зрелища: ежедневно приглашал к столу множество гостей и приказывал наложницам заниматься лесбийской любовью у всех на глазах. В результате излишеств он нажил тяжелую болезнь, выражавшуюся в паховых опухолях и красных пятнах на теле.

Гелиогабал (204—222) — достойный сын куртизанки Семиамиды и императора Каракаллы. До восшествия на престол он под именем Элагабала был верховным жрецом бога солнца в Сирии, затем недолго правил в Риме, погиб в результате заговора и оставил о себе самую дурную славу. Рассказывали, что, облаченный в женские одежды, он отдавался каждому приходившему во дворец. Гелиогабал посылал гонимых по всей Империи в поисках мужчин с выдающимися физическими качествами. Так он нашел раба-гиганта, за которого вышел замуж. Историк Кассий свидетельствует: «Гелиогабал заставлял своего мужа дурно с ним обращаться, ругать и бить с такой силой, что на его лице оставались следы полученных побоев. Любовь Гелиогабала к этому рабу не была временным увлечением, он питал к нему такую сильную и постоянную страсть, что вместо того, чтобы сердиться за грубость, он еще нежнее ласкал

его. Он хотел провозгласить его цезарем, но мать и дед воспротивились сумасшедшему намерению». Этот раб не был единственным любимчиком, он имел соперника в лице повара Аврелия Зотика. «Когда Аврелий впервые появился во дворце, — пишет Кассий, — Гелиогабал бросился к нему навстречу с покрасневшим от волнения лицом; Аврелий, приветствуя, по обычаю назвал его императором и господином, тогда Гелиогабал повернул к нему голову, бросил сладострастный взгляд и с нежностью, свойственной женщинам, сказал: «Не называй меня господином, я хочу, чтобы мы подружились!» Затем он увлек Аврелия за собой в баню и там убедился, что рассказы о его достоинствах не преувеличены. Вечером Гелиогабал уже ужинал в объятиях своего нового любовника.

Нравы государей оказывали сильное воздействие на мораль подданных. Французский писатель Ф. Шатобриан в «Исторических этюдах» писал: «Были целые города, всецело посвященные проституции. Надписи, сделанные на дверях и множество непристойных изображений и фигурок, найденных в Помпее, заставляют думать, что Помпея была именно таким городом. В этом Содоме были, конечно, и философы, размышлявшие о природе божества и о человеке. Но их сочинения больше пострадали от пепла Везувия, нежели медные гравюры Портичи. Цензор Катон восхвалял юношей, предававшихся порокам, воспетым поэтами. Во время пиршества в залах всегда стояли убранные ложа, на которых несчастные дети ожидали окончания трапезы и следовавшего за ней бесчестия».

Историк IV в. Аммиан-Марцеллин, говоря о потомках наиболее знаменитых и прославленных родов, заключает: «Вот вам люди, предки которых объявляли порицание сенатору, поцеловавшему свою жену в присутствии дочери! Отправляясь в летнюю резиденцию или на охоту, они обставляют свои путешествия так же, как некогда обставляли их Цезарь и Александр. Муха, севшая на бахрому их позолоченного опахала, или луч солнца, проникший сквозь отверстие в зонтике, способны привести их в отчаяние. Весь народ не лучше сенаторов: он не носит сандалий на ногах, но любит носить громкие имена. Народ пьянствует, играет в карты и погружается в разврат. Цирк — это его дом, его храм и форум. Старики клянутся своими морщинами и сединами, что республика погибнет, если такой-то наездник не придет первым, ловко взяв препятствия. Привлеченные запахом яств, они бросаются в столовую своих хозяев,

подталкивая вперед женщин, кричащих как голодные павлины».

Роскошь и разврат сгубили Рим. Благодаря победам в Азии и Македонии Империя получила громадные контрибуции. Сенат освободил все население от уплаты налогов на двадцать четыре года. Это необычайно вдохновило богачей и спекулянтов, которые бросились зарабатывать и тратить деньги. Пресыщенная аристократия устраивала неслыханные пиры и развлечения. Разучившийся трудиться народ требовал «хлеба и зрелищ». По меткому замечанию цензора Порция Катона, который сам участвовал в этом разгуле: «Государству, в котором рыба стоит дороже упряжного вола, помочь уже ничем нельзя». Слова оказались пророческими. Некогда огромная и могущественная Империя разваливалась на куски, человечество вступало в новую фазу своего развития.

Мир завоевывало учение Христа...

Глава

4

Сладострастие: острый шип и позорный столб для всех, кто носит власяницу и презирает тело; обреченное проклятью как «мирское» у всех, мечтающих о мире ином, ибо презирает оно и одурачивает всех учителей лжи.

Ф. Ницше

Чудовище с двумя спинами

Раннее христианство
и средние века

Новая идеология. Проповеди Христа. Половая этика ислама. Женщина — «врата дьявола». «Хорошо человеку не касаться женщины». Аскетизм. Духовные браки. Испытания первохристиан. Сектантский разврат. Обличив аморализма. Семейная мораль. Наказания за неверность. Мезальянсы. Произвол мужей. Бесправие крестьян. Jus primaе noctis. Вера в демонов и связь женщин с дьяволом. «Молот ведьм». Наказания еретиков. Масштабы инквизиции. Флагеллянтизм. Рыцарская любовь. Деяния рыцарей. Суды любви. Чудовище побеждает.

Новая эра началась событием всемирного значения, важность которого трудно переоценить. Идеология малочисленной и гонимой палестинской секты, возникшей в восточной провинции Римской Империи, к IV в. н. э. превратилась в господствующую мировую религию — христианство. Несколько позднее, начиная с VII в. *, громадное влияние на весь культурный мир приобрела другая монотеистическая религия — ислам. С этого времени именно они оказывали решающее воздействие на половую мораль значительной части человечества.

Становление христианства происходило в бескомпромиссной, зачастую кровопролитной схватке с могущественными языческими культами. Вместе с тем своим происхождением и корнями христианство было тесно связано с Древним Востоком и античностью. Академик Ф. Зелинский писал: «Действительно, отделять христианство от античности нельзя; во-первых, хотя и не главным образом потому, что греческий язык есть в то же время язык древнейшей письменности... но главное потому, что оно связано с античностью общностью развития и настроения». Примеров тому немало. Учение стоиков и циников задолго до Христа провозглашало идеи искупления, покаяния и бессмертия. Пророчества библейского Апокалипсиса содержались в священных книгах орфиков. Непорочное зачатие, Пречистая Дева, звезда, указывающая на рождение божественного младенца, упоминались и ранее, а поклонение волхвов и тайная вечеря присутствуют в персидском культе Митры. В борьбе с язычеством христианство не отрицало существования древних богов, но вслед за святым Августином объявляло их «суть действительными бесами». Так, в немецком средневековье богиня Венера обернулась дьяволицей, совращающей рыцаря Тангейзера, Диана предводительствовала ночными духами — стригами, которые слетались на шабаш. Соответственно жрецы этих богов объявлялись слугами дьявола, творящими чудеса с помощью нечистой силы.

Новая религия требовала новых подходов во всем, в том числе и в сфере половой морали. Первохристиане были одинаково далеки как от воинствующего сектантского аскетизма, так и от разнузданности язычников. Заповедь Иеговы

* Точнее, со дня хиджры (14 сентября 622 г.), когда пророк Мухаммед переселился из Мекки в Медину.

«Плодитесь и размножайтесь» (Бытие; 1, 28) наиболее всего соответствовала их мироощущению. В Новом завете благие намерения упорядоченной семейной жизни поддерживаются и развиваются. Более того, исполнение супружеских обязанностей рассматривается как залог Царствия Небесного: «... впрочем, спасется через чадородие» (Послание к Тимофею, I, 2,15). На женщину Иисус смотрит доброжелательно, нередко признает за ней равные права с мужчиной. Сын божий никогда не осуждал женщину-жену как нечто греховное и нечистое. Впрочем, он не был новатором в этом отношении. Философ Филон (ок. 30 до н. э. — ок. 40 н. э.) сообщает в сочинении «О созерцательности жизни» о еврейской секте терапевтов, которые не разделяли женоненавистнических взглядов. Секта имела приверженцев не только в Египте, где она обосновалась, но и в других странах. Женщины секты ессеев также принимали участие в общественной жизни. Так как у древних евреев бытовал выраженный патриархат, то не могло быть и речи, разумеется, о полном равноправии. Тем не менее женщина пользовалась относительной свободной, а не содержалась взаперти, как у греков или впоследствии у мусульман.

Строго придерживаясь принципов единобрачия, Иисус все же допускает совершение развода в определенной ситуации: «И приступили к нему фарисеи, и, искушая его, говорили ему: по всякой ли причине позволительно разводиться с женой своей? Он сказал им в ответ: не читали ли вы, что Сотворивший вначале мужчину и женщину сотворил их? И сказал: посему оставит человек отца и мать и прилепится к жене своей, и будут два одной плотью, так что они уже не двое, но одна плоть. Итак, что Бог сочетал, того человек не разлучает. Они говорят ему: как же Моисей заповедал давать разводное письмо и разводиться с ней? Он говорит им: Моисей, по жестокосердию своему, позволил вам разводиться с женами вашими, а сначала не было так; но Я говорю вам: кто разведется с женой своею не за прелюбодеяние и женится на другой, тот прелюбодействует, и женившись на разведенной прелюбодействует» (Матфей, 19, 3—9; см. также Матфей, 5, 31—32; Марк, 10, 2—12; Лука, 16,18). Еще определеннее сказано во Второзаконии (24,1): «Если кто возьмет жену и сделается ее мужем и она не найдет благоволения в глазах его, потому что он находит в ней что-нибудь противное, и напишет ей разводное письмо, и даст ей в руки, и отпустит ее из дома своего».

Учение Христа подчеркивает значение морального фак-

тора, ответственности за свои поступки и даже помыслы: «А Я говорю вам, что всякий, кто смотрит на женщину с вожделением, уже прелюбодействовал с ней в сердце своем» (Матфей, 5, 27—28). Требования воздержания, соблюдения моральной чистоты касаются не только состоящих в браке, но и холостых. Нетвердым в вере ученикам Иисуса это кажется слишком суровым. Между ними завязывается следующий диалог: «Говорят Ему ученики его: если такова обязанность человека к жене, то лучше не жениться. Он же сказал им: не все вмещают слово сие, но кому дано; ибо есть скопцы, которые оскоплены от людей, и есть скопцы, которые сделали сами себя скопцами для Царства Небесного. Кто может вместить, да вместит» (Матфей, 19, 10—12). Учитель прекрасно понимает, что идеал труднодостижим и дает слабым духом наставление: может быть, было бы лучше вовсе не жениться, но это доступно лишь тем, «кому дано вместить»- скопцам и тем, кто добровольно наложил на себя обет воздержания.

Последователи Мухаммеда придерживались во многом иных взглядов. Половая этика ислама отражала необузданный, чувственный нрав своего пророка, плотские вожделения которого отнюдь не угасали с возрастом. Коран так высоко ставит половые наслаждения, что не запрещает их даже во время поста: «Приближаться к женам вашим разрешается вам и в ночь поста. Они ваше утешение, а вы — их...» Многоженство провозглашается нормой: если мусульманину недостаточно одной жены, он может взять себе и другую или искать удовлетворения у рабынь. «Если вы уверены, что не поступаете несправедливо по отношению к сиротам, берите себе, смотря по желанию вашему, две, три или четыре жены, но если вы уверены, что таким множественным браком поступаете неправильно, то возьмите в жены только одну женщину или живите с рабынями, составляющими вашу собственность». Даже после смерти мужчины и женщины сохраняют свой пол и наслаждаются в раю высшим блаженством. Райские девы, гурии, служат для вечной радости благочестивых мужчин, никогда не теряя девственности. «И будут они отдыхать на высоких ложах — мы создали красавиц рая, сохранив их девственность, и они всегда равно привлекательны» (сура 56). «Люди благочестивые будут в месте безопасном, в садах и у источников улады. Одетые в атлас и шелк, они разместятся друг против друга. Мы женим их на красивых девушках с глазами лани, и они будут пользоваться всякого рода превосходными пло-

дами» (сура 44). Женщины ценились прежде всего за свою молодость, привлекательность, то наслаждение, которое они могли дать. Подобный потребительский подход неизбежно вел к ее закабалению в земной жизни. Женщина была заключена в гарем, обособлена от общения с внешним миром. Полная покорность мужу или отцу являлась главной добродетелью мусульманки. Нарушение супружеской верности каралось смертью, а таковым могло считаться даже случайное обнажение лица. Но репрессии, так же как и запрещение проституции (сура 24), принесли мало пользы. Арабские мужчины охотно искали развлечения на стороне. Не случайно VIII в., период от конца господства Омейядов до Гарун-аль-Рашида из династии Аббасидов, ознаменовался широким распространением гетеризма.

Примечательно, что по мере становления Новых религий, превращения их в официальные доктрины они утрачивали свои революционные, - преобразующие начала. Социальные условия быстро менялись: Европа распалась на множество мелких владений, находившихся во власти феодалов. В неприступных замках восседали всемогущие сеньоры, воспринявшие христианскую идеологию. Угнетенный по-прежнему народ гнул спину и строил у городских ворот виселицы на тот случай, если господину придется бы в голову повесить кого-нибудь из подданных. Захватив рычаги власти, феодалы и церковники не преминули воспользоваться ситуацией. При этом они столкнулись с необходимостью защищать свои завоевания путем подавления инакомыслия и повторения самых реакционных заповедей истории. Резко обострились противоречия между бесправием одних и произволом других, мораль снова превратилась в разменную монету, «распределяемую» в соответствии с классовою принадлежностью. Позволяя себе все, вплоть до преступлений, власть имущие ханжески объявляли половую жизнь нечистой и греховной. Возродились настроения мизогинии, характерные для эллинского общества. Впрочем, полностью они не исчезали никогда.

Уже апостол Павел обнаруживает своеобразное понимание проповедей Христа и решительно объявляет женщину гораздо ниже мужчины (Первое послание к Тимофею, 2, 11—14). В другом месте (Первое послание к коринфянам) он прямо переключается мыслью с Аристотелем о сущности женского начала, как «изуродованного мужского». Еще большей яростью и непримиримостью отличаются некоторые столпы церкви. Среди них особенно выделялся теолог и

писатель Квинт Септимий Тертуллиан (ок. 160 — после 220). Проповеди Тертуллиана, производившие глубокое впечатление своей страстностью, имели огромное влияние на общественную жизнь. Тертуллиан клеймил чувственность и красоту тела, воспевал отречение от пола. В состоянии, близком к исступлению, он видел Христа «едушим верхом на прирученном звере», т. е. чувственности, призывал бороться с любыми проявлениями плотских начал. Женщина, как их воплощение, кажется Тертуллиану «вратами дьявола». «Это ты, — восклицает он, — создала вход для дьявола, ты сломала печать с того дерева и ты же обманула того, к кому не смог приблизиться дьявол! Так легко ты низвергнула мужчину, образ и подобие Бога. Ради твоей вины, должен был умереть также Сын Божий».

С нележкой руки проповедника обличение плотской любви и женщин превратилось в традицию. Образ «чудовища с двумя спинами» вызывал у церковников неописуемую ярость. Святой Антоний с пеной у рта доказывал, что женщина «глава преступления, рука дьявола. Когда ты видишь женщину, то знай, что перед тобой не человек, не дикий зверь, а дьявол самолично. Голос ее — шипенье змеи». «Женщина, — вторит святой Иероним, — путь нечестия, укушение скорпионово», она «виновница зла, причина падения, гнездилище греха, она соблазнила мужчину в раю, она соблазняет его на земле, она увлечет его в бездну ада». Средневековый демонолог Вильгельм Овернский убеждал, что черти всегда являются под видом женщин, между тем как добрые ангелы принимают образ мужчин. По его мнению, женщина должна «покрываться краской стыда при одном только сознании, что она женщина». А на Маконском соборе 585 г. со всей серьезностью дискутировался вопрос, является ли женщина человеком, впрочем, решенный положительно большинством в один голос.

Женоненавистническая идеология сказывалась и на оценке брака. Апостолу Павлу явно не хватает душевной тонкости своего учителя, и он довольно прямолинейно объявляет брак необходимым злом. Ибо «хорошо человеку не касаться женщины» (Послание к римлянам), но «во избежание блуда, каждый имей свою жену и каждая имей своего мужа. Муж оказывай жене должное благорасположение, подобно и жена мужу. Жена не властна над своим телом, но муж; равно и муж не властен над своим телом, но жена. Не уклоняйтесь друг от друга, разве по согласию, на время, для упражнения в посте и молитве, а потом опять будьте вместе.

чтобы не искушал вас Сатана невоздержанием вашим. Впрочем, это сказано мною как позволение, а не как повеление. Ибо желаю, чтобы все люди были, как и я, но каждый имеет свое дарование от Бога, один так, другой иначе. Безбрачным же и вдовам говорю: хорошо им оставаться, как я. Но если не могут воздержаться, пусть вступают в брак; ибо лучше вступить в брак, нежели разжигаться. Относительно девства я не имею повеления Господня, а даю совет, как получивший от Господа милость быть ему верным. По настоящей нужде за лучшее признаю, что хорошо человеку оставаться так. Соединен ли ты с женой, не ищи развода. Остался ли без жены, не ищи жены. Впрочем, если и женишься, не согрешишь; и если девица выйдет замуж, не согрешит. Но таковые будут иметь скорби по плоти, а мне вас жаль... Я вам сказываю, братья: время уже коротко, так что имеющие жен должны быть как неимеющие. Посему выдающий замуж свою девицу поступает хорошо, а не выдающий поступает лучше» (Первое послание к коринфянам, 7, 2—9, 26—29, 38).

Все своеобразие половой этики, сформировавшейся в первые три века христианства, наиболее полно отражено в трудах Августина Блаженного (354—430) — «первого современного человека» (как его иногда называют). Наследие Августина основано на глубоких внутренних переживаниях и насыщено субъективным идеалистическим и мистическим содержанием. Постоянное углубление в самого себя и отрешение от внешнего мира составляло квинтэссенцию учения Августина. Центральное место в нем занимало понятие первородного греха и его искупления, поиска путей преодоления греховности. Августин видел их в абсолютном воздержании, ограничении целей брака рождением детей, сознательном подавлении похоти. Многие церковные писатели вообще считали брак безнравственным. Иустин-мученик искренне признается, что не понимает, как греховная чувственность может прощаться в браке. Григорий Нисский пишет, что если бы Адам в раю не отступил от Бога, то брака никогда бы не было и размножение людей совершалось бы другим, более достойным способом. Иероним допускает брак «только потому, что от него рождаются девственники». «Цель святого, — говорит он, — порубать лес брака топором девственности». Подобные идеи получали практическое воплощение: святая Мелания не захотела жить с мужем; святые Авраам и Алексей убежали от своих невест в первую брачную ночь; святой Аммон отверг полю-

бывшую его женщину. Такое случалось не только в монашестве, но и в мирской жизни: короли Генрих II и Альфонс II Испанский жили в браке без половых сношений. Григорий Турский рассказывает, что один галльский дворянин пошатался к девушке, которая, как выяснилось, дала обет вечной девственности. Жених согласился не посягать на ее целомудрие, и когда она через несколько лет умерла, вознес благодарение Господу за то, что «вернул ему сокровище таким же неприкосновенным, каким и получил его».

Образцом для таинства брака оставался союз Христа с церковью: этот союз вечен, потому и брак нерасторжим. Христос — глава церкви, а муж — глава семьи. «Жена да убоится своего мужа» — так же, как церковь гнева Господня. Цель брака — рождение и христианское воспитание детей; если семейная жизнь не преследовала целей деторождения, то она признавалась блудом. Воздержание и усмирение плоти — единственный путь к спасению. «Только тот совершенен, — говорит Августин, — кто и духом и плотью отрешился от мира». Святой Томас заявляет: «Любовь женщины есть пропасть смерти; брак не узаконяет ее, а едва только извиняет». Конечно, рьяные поборники средневекового аскетизма отдавали отчет в неосуществимости своих идеалов на практике. Поэтому предпринимались всевозможные попытки примирить догму с объективной реальностью. Одной из таких попыток был так называемый духовный брак.

Духовные браки широко распространились во II—IV вв. Женщину, живущую со священником в духовном союзе, называли *syneisacta*. В «Актах о Павле и Фекле», написанных во II в., такая *syneisacta* останавливается в келье Павла и живет с ним согласно установлению «Блаженны имеющие жен и как бы не имеющие их, потому что они наследуют Царство Божие». Тертуллиан рекомендует «духовных жен» всем тем христианам, которые не могут обойтись без женщины. По его мнению, на эту роль более всего подходят вдовы, поскольку «прекрасны верой, наделены бедностью, запечатлены возрастом». Однако очень скоро духовные браки скомпрометировали себя. Уже во второй половине II века епископ Павел из Самосаты был уличен во всевозможных пороках. И среди прочего: «У него есть несколько *syneisacta*, одна из которых, правда, отпущена, но две цветущие девушки все время находятся при нем и сопровождают во время путешествий. Так же поступают и его пресвитеры и дьяконы».

Вместо того чтобы способствовать усмирению желаний, искусственные ограничения развязывали воображение и односторонне сосредоточивали его на половой сфере. Герой одного из ранних христианских сочинений, написанного около 100 г. н. э., рассказывает о своем искушении. Пастырь оставил его одного с двенадцатью девушками, которые устраивают его на ночлег: «У нас ты должен спать как брат, не как муж; потому, что ты наш брат, и в будущем мы хотим служить тебе, мы любим тебя». И та, которая была, по-видимому, старшей между ними, начала меня целовать, а когда другие увидели, что она меня целует, они тоже начали меня целовать. И девушки положили свои полотняные нижние одежды на землю, уложили меня посередине и ничего другого не делали, а только молились; и я тоже непрерывно молился вместе с ними. И я оставался там вместе с девушками до второго часа утра. Затем появился пастырь и сказал: «Но ведь вы ему не сделали ничего дурного?» — «Спроси его самого», — сказали они. Я сказал ему: «Господин, я был бы рад переночевать с ними». Апогей изматывающей борьбы с плотью приходится на период III—IV вв., когда анахореты египетской и ливийской пустыни, отшельники и столпники старались умерщвлять вожделения самыми сильными средствами — от оскпления до самоубийства. «Проклятый вопрос» мучил их постоянно, и сладостные видения не оставляли даже в ужасающих условиях пещерной жизни.

Насилие над собственной природой приносило самые неожиданные плоды. Гностицизм поздней античности, вылившийся в ряд раннехристианских ересей, притязал на знание особого таинственного смысла Библии, часто противоположного прямому. Неистовое, до впадения в истерию, отрицание чувственности приводило в действие скрытые инстинктивные механизмы, и экстаз духа превращался в экстаз плоти. Пугая и гипнотизируя самих себя, гностики буквально вывернули мораль наизнанку и, сами того не замечая, перешли от воздержания к вседозволенности. Понятия сместились: «Если вы не превратите правое в левое, а левое в правое, верхнее в нижнее, а нижнее в верхнее, переднее в заднее и заднее в переднее, то вы не можете объять Царства Божия. Мужское, как и женское, должно сделаться ни мужским, ни женским». Понятно, что отсюда лишь один шаг до полного аморализма, и гностики его делают. Уже Послание Иуды намекает на извращенную чувственность гностиков и осквернение собственного тела.

Ириной и Климент Александрийский пишут, что они употребляют возбуждающие любовные напитки, применяют особые формы сношений, позволяющие избежать нарушения девственности.

Религиозное сектантство II—III вв. н. э. во множестве предоставляет примеры такого рода. Карпократиане практиковали общность жен. У николаитов женщины занимались пророчеством и отдавались мужчинам на манер культовых проституток.* Каиниты (офиты) и адамиты устраивали оргии. Василидиане под пение эротических гимнов занимались «свальным грехом». Пастыри симониан учили, что рот, а не женское лоно есть «поле зарождения», ибо «логос» (слово) есть сущность мира, поэтому сношение через рот считалось у них таинством. Фетишами симониан считалось также семя и менструальная кровь. Валентиане, фавиониты, стратионики и другие будто бы соревнуются в самом откровенном разврате и при этом из всех сил обвиняют друг друга в греха.

Противоречия теории и практики в сфере половой морали приняли нешуточный характер. С одной стороны, Ориген (ок. 185—233/254) объявил все плотское недостойным и, желая увлечь личным примером, оскотил себя. Но с другой стороны, принудительные меры способствовали постоянной сосредоточенности на вопросах пола. Этим объясняется обилие систематических руководств по борьбе с чувственностью, предназначенных для монахов и монахинь. Таковы послание Иеронима Евстахию о значении сохранения девственности и послание Илиодору и Непотиону о правилах аскетической жизни. Подобные писания невольно популяризовали исторические и мифологические знания эротического свойства. Большим мастером детальных описаний разврата зарекомендовал себя суровый аскет Арнобий, который к 300-му году написал семь книг «против язычников», в которых самыми яркими красками клеймил безнравственность варваров. Сходное по духу сочинение оставил Лактанций, все свои силы отдавший обличению античного аморализма. Горькая ирония заключалась в том, что результат этих творений сплошь и рядом оказывался прямо противоположным и объективно способствовал повышению эротической напряженности.

* Пророчица Иезавель, учившая «любодействовать и есть идоложертвенное», упоминается еще в Откровении Иоанна Богослова (2, 20).

Для большинства людей популярным руководством стал «Menagier de Paris», предшественник российского «Домостроя». Содержавшиеся в нем рекомендации в стихах и прозе касались различных житейских вопросов. Но кроме прядения, шитья, заготовки и сохранения провизии, любая женщина, будь то жена короля или последнего крестьянина, просвещалась относительно своих основных обязанностей: рождения и воспитания детей. Чадородная мать пользовалась большим уважением, поэтому, если причиной бездетности являлся муж, он был обязан принять все меры для обзаведения потомством. Вот какие предписания, например, содержит на этот счет бохумское право: «Муж, имеющий здоровую жену и не способный удовлетворить ее, пусть приведет ее к соседу, а если и этот не в состоянии ей помочь, то пусть муж бережно возьмет ее на руки, не делая больно, и опустит вниз (т. е. в нижний этаж, где обычно селили гостей. — *А. С.*), оставит ее там на пять часов и позовет других людей на помощь; а если и тогда нельзя помочь ей, пусть даст новое платье и кошелек с деньгами для пропитания и пошлет ее на ярмарку; а если и тогда ей нельзя помочь, то пусть ей помогут тысяча чертей». Заботясь о будущем детей, родители отдавали мальчиков на службу могущественному сеньору, а девочек в ученье знатной госпоже. Средневековые домовники предписывали женщине не ронять чести мужа, не лениться, не пьянствовать, следить за чистотой в доме, а также за собственной опрятностью. Весьма уместное наставление, ибо дамы того времени кишели насекомыми, оправлялись где придется и чрезвычайно редко совершали интимный туалет. Только с XVI в. соблюдение гигиены стало считаться необходимым условием телесной красоты.

Рекомендуя приветливость и любезность с гостями, блюстители морали вместе с тем не поощряли кокетства, требовали скромности в обращении и речах. Так, английский стихотворный кодекс приличий не позволял женщине «много говорить и смеяться, допускать мужчин целовать себя или класть руки к себе за пазуху; по улице женщина должна ходить не быстро, со взором, устремленным вперед, не оглядываясь и не смотря по сторонам; одеваться ей следует скромно, не оставляя голыми ни рук, ни ног, ни груди». Впрочем, этим предписаниям следовали далеко не всегда. Женщина средневековья сплошь и рядом носила маску лицемерия, скрывая под ней свое истинное отношение к мужу-повелителю. Феодалы приставляли к своим женам

евнухов и сторожей, но жены находили способы усыплять их бдительность. Генеалогия дворянских родов пестрит именами побочных детей. Хроники повествуют о «необузданности чресел от первых волнений юности до самой старости»: графские дочери проникают к гостящим в доме рыцарям и принуждают их к сближению, в замках разыгрываются целые оргии, и даже ближайшее родство не является препятствием. Но при этом внешние приличия блюдятся свято: некоторые старинные легенды изображают жен не иначе как на коленях перед своими супругами. Сомнительно, можно ли доверять этому образу полностью, но расправы над неверными женами были столь жестоки, что такое показное смирение иногда не казалось излишним.

Клеветы и анонимного доноса было достаточно, чтобы вынести приговор. Муж душил или закалывал кинжалом изменницу, отец и братья осуждали опозоренную девушку на гражданскую смерть в монастыре или лишали жизни посредством яда. Самое мягкое наказание, которого удостоивался схваченный с поличным любовник, состояло в том, что его запирали в подземелье, или, предварительно оскопив, заставляли принять монашеский обет. Наказы-вался и муж, который пытался скрыть измену жены от сограждан: папа Сикст V предлагал казнить укрывателя. Вообще прелюбодеяние поначалу находилось в компетенции церковников, за него полагалось отлучение на определенный срок от причастия, публичное покаяние и т. п. Однако вскоре такие меры были признаны недостаточными. По приговору городских властей соблазнителью бюргерской дочери отрезали язык, а насильнику вбивали кол в сердце. Швабское право предусматривало за прелюбодеяние отсечение головы. В особых случаях любовников клали одного на другого в яму, дно которой было устлано терновником и, пробив тела колом, засыпали землей.

Не менее сурово преследовались так называемые мезальянсы (неравные браки). Особое возмущение вызывали союзы свободных и рабов. По вестготскому закону в этом случае господин сам обращался в рабство, а раб умерщвлялся. Если звание жены было выше мужниного, она теряла свои права и нисходила до звания супруга; если же наоборот — жена оставалась в прежнем состоянии и сословные права мужа на нее не переходили. Дети, по тогдашнему выражению, «следовали худшей руке», т. е. принимали звание низшего из своих родителей. Католико-каноническое право, угождая сильным мира, санкционировало эти тради-

ции и не признавало детей неравного брака законными наследниками. По статутам императора Генриха I виновные и их потомки до третьего колена под страхом наказания кнутом лишались права участвовать в турнирах. Во Франции они не могли получать высоких должностей, исключались из всех рыцарских собраний. В 1436 г. сын баварского герцога Альбрехт влюбился в дочь банщика Агнессу Бернауэр и женился на ней. Герцог-отец не признал этого брака. По его приказанию Агнесса была схвачена и брошена в реку. Она начала выплывать к берегу, но слуги закрутили ее прекрасные волосы на длинный багор и погрузили несчастную красавицу на дно.

Впрочем, и равноправным женам приходилось не лучше. Феодал прежде всего требовал от своей избранницы целомудрия. Поэтому накануне свадьбы доверенные дамы раздевали невесту донага, исследовали ее невинность и определяли способность к деторождению. Некоторым изощренным моралистам и этого казалось мало. По всему видно, много размышлявший на эту тему святой Киприан никак не мог успокоиться: «Рука и глаз акушерки не дают уверенности. Если даже та часть тела, которая приносит бесчестие женщине, осталась нетронутой, то женщина могла ведь согрешить другой частью тела, которая не поддается исследованию, хотя и будет опозорена». Так или иначе лишь благоприятный результат осмотра открывал дорогу к венцу. Затем следовал свадебный пир, превращавшийся в самое обычное пьянство и обжорство, насыщенный примитивными шутками, двусмысленными намеками, восторженным ревом гостей, насилием, распутством и собачьими сварами. Десятки и сотни крестьян полностью разорялись по случаю бракосочетания своих господ. В дальнейшем супружеская жизнь текла по раз и навсегда установленному образцу: муж бражничал с друзьями и заводил любовниц, а жена блюла его честь. Причем ее репутация могла пострадать даже совсем против воли. Жена некоего графа Жана де Понтье была обещана во время одного из крестовых походов. Муж вначале утешал ее, но в конце концов не выдержал и объявил: «Смерть должна смыть позор, нанесенный твоим несчастьем всей нашей фамилии». Слуги приготовили бочку, граф запечатал в нее женушку и пустил гулять по волнам.

Случалось, муж проигрывал или продавал свою драгоценную половину. В Англии закон позволял выводить жен на веревке на базар и торговать ими по сходной цене. В талант-

ной Франции муж имел право бить и истязать жену сколько угодно, только не переламывать ей членов и не наносить смертельных ран. Немецкий феодал Реймар фон Цветтер увещевал: «Возьми дубину и вытягивай жену по спине, да получше, изо всей силы, чтобы она знала в тебе господина и забыла бы свою злобу». Хроники утверждают, что английский король Вильгельм I Завоеватель поступал именно таким образом. Гнусную славу стяжал некий граф Роберт Белезм, который выколол глаза своим детям и превратил жизнь жены в нескончаемое мучение. Каждое утро слуги волокли графиню в застенок, где супруг терзал ее, закованную в цепи. А к вечеру окровавленное и бесчувственное тело переносили в спальню, и граф требовал исполнения супружеского долга.

Абсолютно бесправным было положение крестьян. «Мужчины, женщины, дети, — говорит Бонмер в своей «Истории крестьянства», — все это делилось и переделалось владельцами и совладельцами, которые спорили между собой о половине женщины, о трети или четверти ребенка; и часто, для скорейшего окончания спора, соломоновы приговоры приводились в исполнение». Беспрестанные войны, грабежи завоевателей, голод, опустошительные эпидемии тяжким бременем ложились на плечи крестьян. Их семейная жизнь полностью контролировалась хозяевами, которые смотрели на заключение браков между крепостными как на средство увеличения числа работников. Русский исследователь С. С. Шашков отмечал, что «владелец для распложения своих рабов случал по произволу мужчин и женщин и по малейшему капризу расторгал такие союзы». «Они, — говорил он о феодалах, — смотрели на брак простонародья, как на случку лошадей и собак полезную для них произведением на свет потомства». Любой достигший 18-летнего возраста крестьянин и любая 14-летняя крестьянская дочь могли быть принуждены к вступлению в брак.

Но вмешательство господина в семейную жизнь этим не исчерпывалось и шло гораздо дальше. Воплощением произвола было знаменитое *jus primaе noctis* (право первой ночи). Право распоряжаться телом своих крепостных заключалось в том, что господин проводил с выходящей замуж крестьянкой первую ночь и лишал ее невинности. *Jus primaе noctis* было широко распространенным явлением феодальной эпохи, историческими корнями уходящим в древность. В хрониках средних веков господин часто именовался «предвкусите-

лем во всех свадьбах». В начале первого тысячелетия королевские указы в Шотландии закрепляли соответствующие права хозяев по отношению к невестам своих крепостных. В 1075 г. (по другим источникам в 1096) король Малькольм отменил их по настоянию своей жены и определил выплату денежной компенсации. Аналогичные акты были приняты во всей Европе, а в швейцарском и германском законодательстве они сохранились вплоть до XVI в. Право первой ночи считалось неотъемлемой привилегией феодала, но он мог передать его другому лицу по своему усмотрению. А. Бебель приводит следующее замечание Якоба Гримма: «Но что касается дворовых людей, то тот из них, кто хочет жениться, должен пригласить управляющего, а также его жену, и управляющий должен привезти на свадьбу воз дров, а также четверть свиного жаркого. Когда застолье кончится, жених проводит управляющего к невесте или откупается шестью шиллингами и четырьмя пфеннингами».

В силу своего властного положения духовные особы пользовались *jus primae noctis* не менее широко, чем светские крепостники. Архив швабского монастыря Адельберг, относящийся к 1496 г., подтверждает, что крепостные подчинялись праву первой ночи, но могли откупиться тем, что жених приносил мешок соли, а невеста — деньги или же сковороду такой величины, чтобы сама была в состоянии «усесться в ней задней частью». И это несмотря на то, что церковь считала половую жизнь грехом, а саму женщину порочной! Как кремь и кресало, теория и практика высекали при соприкосновении такие искры, в свете которых средневековая действительность казалась трагикомической. Постоянно мучаясь похотью, церковники в страхе бежали от женщины, охраняя свои принципы, «как тщательно охраняют соль от воды, в которой она неизбежно растворится». Но, как видим, особенно далеко убежать не удавалось.

Подобный дуализм неотвратимо привел к эротической напряженности и массовой экзальтации общества. Вера в демонов и ересь составляли основу средневекового религиозно-полового экстаза. Центральную трагическую роль в этом кровавом спектакле выпало сыграть женщине — олицетворению искушения и ведовства. С языческих времен женщины прибегали к заговорам и заклинаниям, хранили рецепты любовных напитков и ядов. Еще в Евангелии от Луки упоминается изгнание Иисусом злых духов у блудницы Марии Магдалины, которую он освободил от семи бесов.

Почти каждая община имела своих заклинателей, подражавших сыну Божьему. Католичество объявило языческих богов вне закона, а служение им — преступным. Поэтому жрицы Фрей, совершавшие по ночам службу на лысой горе Брокен, а также все им подобные подлежали жестокому наказанию. Сомневающиеся и еретики в изобилии уничтожались. А слепое религиозное неистовство тесно переплеталось с неудовлетворенным любострастием.

Хорошо усвоив обвинения, выдвинутые в свое время против первохристиан, наиболее реакционные церковники обратили эти доводы на бывших гонителей: языческие обряды кощунственны, сектанты поклоняются гениталиям идолов, предаются разврату. Так формулировались обвинения в адрес манихеев, у которых сохранились остатки культовой проституции. Испанца Присциллиануса осудили в 385 г. за то, что он якобы сходится по ночам с развратными девушками и творит молитвы нагишом. О христианской секте мессалийцев (евхетов), живших в Антиохии, Епифаний сообщает, что они поклонялись сатане, и поэтому называет их сатанианцами. Византиец Михаил Пселлос утверждает, что сатанианцы существовали даже в XI в.: во время оргий к ним будто бы являлись демоны, и сектанты совершали отвратительные акты — от пожирания экскрементов до жертвоприношения детей. Почти нет сомнений, что большинство обвинений было вымышленным: кроме демагогических и нелепых заявлений, других доказательств не имелось.*

Средневековые гонения, внешне направленные против «князя тьмы», были буквально пронизаны эротическим духом и, по существу, отражали борение аскетического и плотского начал. Мотивы связи земных женщин с дьяволом неоднократно звучали и раньше (Емпуза у греков, Лилит у иудеев). Крестовые походы и знакомство с древним восточным фольклором добавили новых красок представлениям о демонах, джиннах и феях. Просвещеннейшие мужи средневековой церкви ни на минуту не сомневались, что женщина может вступить в договор с дьяволом в обмен на колдовские чары. Августин вполне допускал возможность «смещения

* История сохранила отдельные реальные факты деятельности ордена Тамплиеров, члены которого действительно отличались презрением к общепринятой морали, но причины их осуждения носили более глубокий, политический характер.

демонов с людьми». Даже Фома Аквинский (1225 или 1226—1274) приложил руку к этим теориям. Схоласты убеждали себя и других, что дьявол принимает телесную форму женщины и отдается мужчине как «суккуб», а затем передает воспринятое семя дальше уже как «инкуб». (Получается настоящая модель передачи «инфекции» половым путем! — А. С.) После совокупления с «инкубом» новая ведьма летит на метле на «черную мессу», или «шабаш ведьм». Сатана является посвященным под разными видами, чаще в образе получеловека-полукозла, восседающего на эбеновом позолоченном троне. На голове у него имеются маленькие рожки, вокруг лба разливается лунный свет, ноги с копытцами обвиваются чешуйчатым хвостом, увенчанным фаллосом. Ритуал шабаша оскорбительно пародирует католическую мессу: отречение от Христа и Девы Марии, целование дьявола в левый бок и половые органы и т. п. Затем нечисть исповедуется сатане в разных упущениях при исполнении обязанностей. Сатана налагает эпитимии, говорит проповедь и причащает собравшихся гнусным зельем. После трапезы начинается всеобщий блуд, причем сатана заменяет мужчинам женщину, а женщинам — мужчину. Насладив плоть, сатана сжигает свой образ, в котором присутствовал на шабаше, ведьмы собирают оставшуюся золу, обладающую колдовской силой, и все разлетаются прочь...

На протяжении нескольких столетий наказание за ведьмовство было довольно умеренным, однако постепенно суеверие превратилось в неумолимый императив. После того как в конце XIII в. на костре сожгли первую еретичку, репрессии приняли грандиозный масштаб. В 1484 г. булла папы Иннокентия VIII дала двум монахам-доминиканцам, «возлюбленным сынам нашим», профессорам богословия и следователям инквизиционного трибунала в Верхней Германии Генриху Инститорису и Якову Шпренгеру, неограниченные полномочия по сыску и наказанию лиц обоего пола, которые, отрекаясь от католической веры, «распутничают с демонами, инкубами и суккубами и своими нашептываниями, чарованиями, заклинаниями и другими безбожными, суеверными, порочными, преступными деяниями губят и изводят младенцев во чреве матери, зачатия животных, урожай на полях, виноград на лозах и плоды на деревьях, равно как самих мужчин и женщин, домашнюю скотину и вообще всяких животных, а также виноградники, сады, луга, пастбища, нивы, хлеба и все земные произрастания».

Кроме неустанных практических трудов, почтенные

доминиканцы написали страшный «Молот ведьм» (1487 г.), самый яркий документ религиозного мракобесия, книгу, которая содержит систематическое описание всех преступлений, приписываемых несчастным жертвам фанатизма. Я. Шпренгер утверждал, например, что самые опасные из ведьм — это повивальные бабки, они производят плодоизгнание и приносят детей в жертву демонам. Ведьмы обвинялись даже в поедании собственных детей: в 1484 г. сожгли 41 ведьму за это преступление. «Я знал, — говорит Шпренгер, — одну старуху, которая околдовала трех аббатов и довела их до смерти; она попала в руки правосудия в то время, когда хотела сделать то же самое с четвертым». Можно сколько угодно изумляться, но средство, избранное зловредной старухой для оболванивания священнослужителей, было весьма оригинальным: ведьма заставляла их есть свои испражнения! Любой оговор мог стать предметом разбирательства. «Возвышенное и комическое, преимущества и преступления, добродетели и пороки, красота и безобразие, богатство и бедность, благочестие и недостаток веры, здоровье и болезнь, ум и глупость, хорошая и дурная репутация, слова и телодвижения — все, решительно все, при известных обстоятельствах, могло возбудить подозрение в ведовстве. А обвинение в девяносто девяти случаях из ста и было приговором». «Молот ведьм» в течение долгого времени служил официальным руководством для массовых ведовских процессов и только до 1520 г. переиздавался 13 раз вместе с папской буллой, адресованной авторам.

Несчастных обвиняемых подвергали прежде всего «испытанию водой»: если испытуемый не тонул, то признавался виновным; если же жертва шла ко дну, то посмертно признавалась невинной. Шансов уцелеть практически не оставалось, но далее следовало еще «испытание иглой»: подозреваемую раздевали донага, удаляли все волосы с тела и начинали искать «ведовский знак» в виде родимого пятна или бородавки. Если он находился, протыкали знак иглой. Отсутствие крови безусловно доказывало сатанинскую сущность испытуемой, если же кровь все-таки шла, то это признавалось делом дьявола, который пытается спасти своего слугу. Не забывали и традиционные костоломные приемы. Пытка начиналась официальной формулой: «Ты будешь пытана до тех пор, пока сквозь тебя не будет просвечивать солнце!» И это не было пустыми словами. По закону Пытка не должна была длиться более четверти часа, а непризнавшийся сразу не мог подвергаться повторному испытанию.

На деле же пытку продолжали до тех пор, пока не добивались нужного ответа. Несчастных били кнутами, жгли каленым железом, дробили кости в тисках, вырезали кусками мясо, и редко кто находил в себе силы выстоять. Ужас предстоящей пытки был настолько велик, что арестованные пытались покончить с собой еще накануне. Лотарингский судья Реми, сжегший 800 человек, похвалялся: «Я так привержен закону, что шестнадцать арестованных на другой же день удавились, не дождавшись суда». Приговоры разнообразием не отличались и всегда гласили одно: смерть через сожжение, ибо католическая церковь категорически не хотела брать греха на душу и проливать человеческую кровь. Лишь чистосердечно покаявшимся казнь милостиво смягчалась: предварительное утопление и сожжение на костре трупа.

Несколько веков дымились в Европе костры инквизиции, и старинные хроники полны ужасных рассказов об этих зрелищах. С. С. Шашков отмечает: «Некоторые казни замечательны по количеству жертв, другие по нелепости самих обвинений. В Швейцарии однажды обвинялась в ведовстве сумасшедшая семнадцатилетняя девушка. На основании ее показаний были привлечены к делу и подвергнуты всем степеням пытки восемь женщин и один мужчина; доносицу обезглавили, шесть обвиненных ею женщин сожгли, а остальных освободили. В Севилье была сожжена одна девушка, обвиненная в том, что будто бы несла яйца, как птица! В Наварре в 1527 г. обвинено 150 женщин за участие в сатанинской обедне». Возведение на себя напраслины также охотно принималось: под пыткой многие признавались в вампиризме, превращении в животных, глумлении над святынями и сожительстве с покойниками.

Количество жертв не поддается учету, зачастую еретиков казнили целыми группами, столбы, на которых корчились несчастные, напоминали обгоревший лес. В Брауншвейге в конце XVI столетия в один день было сожжено 133 ведьмы. В начале XVII в. в крошечном графстве Геннеберг сожжено 144; в епископстве Вюртсбург в течение трех лет 200 человек, среди которых дети от 8 до 12 лет; в Фульде некто Фосс бахвалился, что сжег 700 ведьм и надеется довести это число до тысячи; в небольшом городке Бюдинген в 1633 г. предано смерти 64 человека, а в следующем году — 50; в 1627 г. в городе Дибург казнено 36; в городе Нейссе в 1651 г. сожжено 42 женщины; в Зальцбурге в 1678 г. — 97 человек; в маленьком швейцарском кантоне Цуг в два

Г. Климт.
Поцелуй

Богиня-мать
(Каталюк,
около 5800 г. до н. э.)

**«Венера
из Виллендорфа»**
(поздний
палеолит)

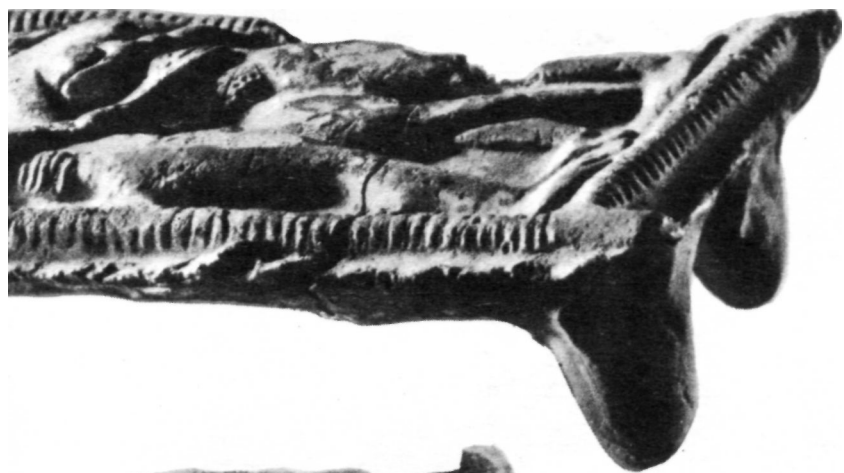

Любовная пара
(Ниппур, середина
третьего
тысячелетия до н. э.)

**Цветная мозаика
с изображением
женщины-арфистки
(Бишапур,
вторая половина
третьего тысячелетия
до н. э.)**

**Эротическая сцена
в постели (ранее
второго тысячелетия
до н. э.)**

**Идол плодородия
(Туранг-Тепе, третье
тысячелетие до н. э.)**

**Эротическая сцена
(ранее второго
тысячелетия до н. э.)**

**Серебряная с золотом
женская статуэтка
(Малая Азия,
около 2000 до н. э.)**

**Золотой подвесок
с изображением Астарты
(Угарит, 1450—1365 до н.
э.)**

Этруская фреска
с изображением
эротической сцены
(первое тысячелетие до
н. э.)

**Алебастровая
статуэтка
богини любви,
декорированная
золотом и бронзой,
глаза и пупок
инкрустированы
гранатом
(Вавилон, III—II до н. э.)**

Женщины-музыкантши
на верблюде (II—III?)

**Серебряное блюдо
с изображением
танцующей
богини Анаит
(около IV)**

**Древнескандинавский
идол с эрегированным
половым органом**

Древнегреческие вазы
с изображением сцен
праздника Диониса

Ф. Штук.
Бой за женщину

**Д. Чезари. Актеон
превращается в оленя
перед Дианой
(фрагмент)**

Ж. Давид. Эрос и Психея

Давид. Сафо и Фаон

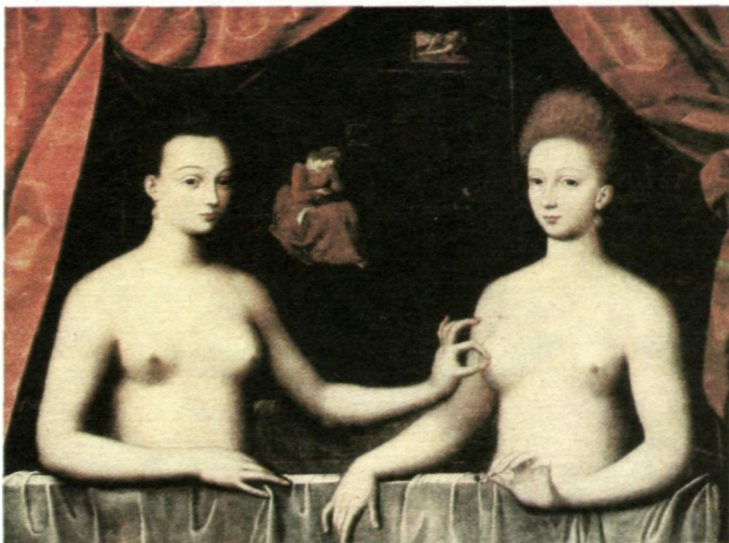

Э. Дега.
Спартанские
девушки, вызывающие
юношей
на состязание

Н. Пуссен.
Праздник Флоры

Д. Пулиго.
Смерть
Клеопатры

Неизвестный
художник школы
Фонтенбло.
Дамы-аристократки

**Ж. Энгр.
Одалиска
с рабыней
(фрагмент)**

**Ж. Энгр.
Большая
одалиска**

**Ж. Энгр.
Турецкие
бани**

**П. Брейгель.
Крестьянский
танец
(фрагмент)**

Средневековое
изображение
сатанинской
мессы

А. Ватто.
Капризница

**Ф. Буше.
Пастораль**

**Я. Стен.
Резвящаяся
на земле
парочка**

**О. Фрагонар.
Поцелуй
украдкой**

**Я. Мейтенс.
Двойной
портрет
монашки:
вид спереди;
вид сзади**

Жанровая
сценка XVIII в.
Любопытство

Жанровая
сценка XVIII в.
Утренний туалет

Г. Сент-Обен.
Госпожа
Монтеспан

А. Беннер.
Екатерина
Великая

Э. Виж-Лебрен.
Госпожа Дюбарри

Ж. Латур.
Маркиза
де Помпадур

**Ж. Энгр.
Купальщица
Вальпинсона**

**«Черный глаз
поцелуй хоть
раз...»
(русский лубок
середины XVIII в.)**

ПРИМАИ
ВАНОВОСЬ ВІСЕРЬ
А ВРЪЧИОСА КЪ
ТЪ БЪ

АВЪ ЧЕРНИГА
Ъ ПИШАИ ХОТ
ИТЬ ТИЕА ІВНЬ
МУЖАІ ІОСІИ РА
СІИ ПУМЪ КАМЪ

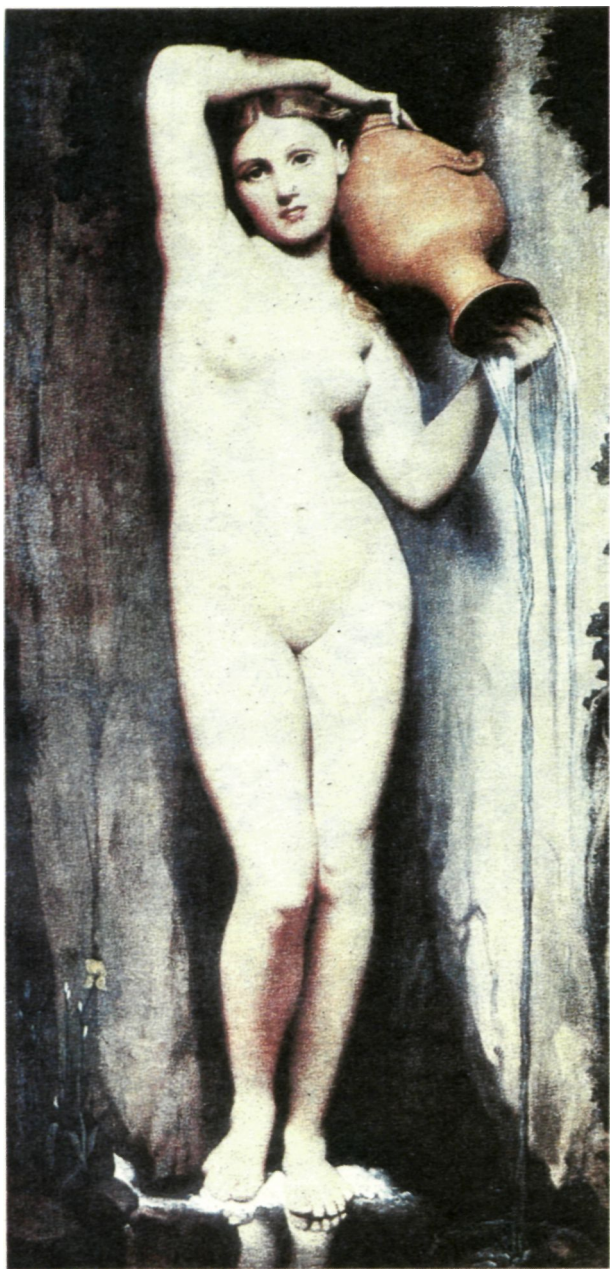

Т. Роулэндсон.
Гарем

**Д. Гилрей.
Сатирический
рисунок 1792 г.**

**Т. Роулэндсон.
Инспекция
(фрагмент)**

Ж. Энгр.
Источник

**Т. Купюр.
Маленькая
купальщица**

А. Девериа.
Выход из ванны

Г. Курбе.
Купальщицы

**Г. Курбе.
Женщина
в белых чулках**

**А. Цорн.
Прогулка
в праздничный
день**

**К. Крoг. Регистрация
прoституток
в полицейском
участке**

**А. Тулуз-Лотрек.
Сцена в публичном
доме**

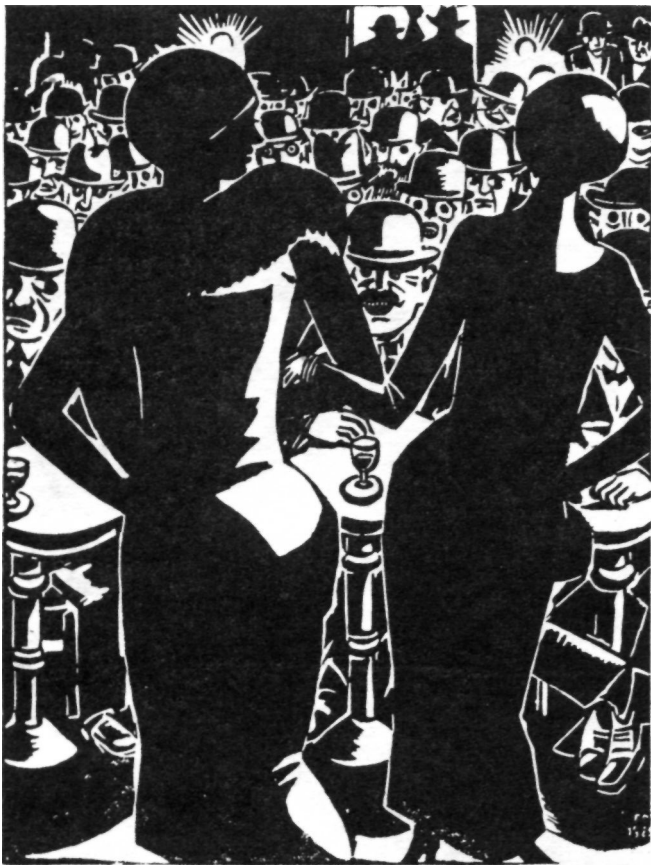
**И. Кох.
Берта
из Антверпена**

**Э. Мане.
Олимпия**

**Э. Шиле.
Обнаженные**

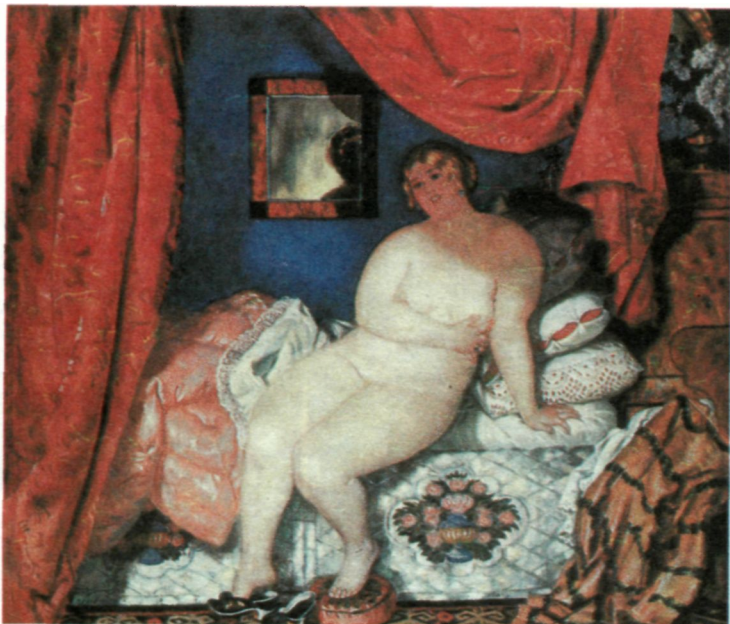

Ф. Мазерель.
Перед кафе

Ф. Мазерель.
Страсть

Б. Кустодиев.
Красавица

В. Лебедев.
Катюка

**Г. Климт.
Смерть и жизнь
(Смерть и любовь)**

месяца 1660 г. сожжено 27 женщин; в Италии, в округе Комо, сжигалось ежегодно около ста ведьм; во французском Каркассоне в 1520—1550 гг. казнено более двухсот и т. д. Инквизиция поработала не хуже полчищ Тамерлана, обвиняя в ереси и уничтожая целые поселения. «Франция — это ведьма!» — заявил некий святоша при дворе Карла X. В одной только Германии казнено за ведовство не менее ста тысяч человек, а в Англии — тридцати тысяч. Если в католических странах инквизиция больше охотилась за еретиками, то в протестантских — за ведьмами. Даже Реформация мало что изменила в этом отношении, и зловещие костры потухли только в конце XVIII в., а в Испании последняя ведьма была осуждена в 1807 г.

Наряду с сатанизмом и ведьмоманией в средние века развился религиозный флагеллянтизм (бичевание), который постепенно сложился в систему и просуществовал вплоть до наших дней. Религиозное бичевание развилось на христианской идее о греховности плоти, которую необходимо усмирять истязанием. В Европе флагеллянтизм связывается с именем бенедиктинского патера Пьера Дамиани, который первым ввел в XI в. «покаянную дисциплину». Через монахов флагелляция приняла характер массового явления. Людей охватила поистине эпидемия бичевания: в 1261 г. более тысячи бичующихся монахов заполнили Страсбург, где к ним присоединилось множество фанатиков из местных жителей. Уже тогда в процессиях бичующихся отмечались групповые сексуальные акты. То же самое происходило во время паломничества 1334—1340 гг. в центральной и северной Италии. Чума 1349 г. вызвала новые походы флагеллянтов по Европе, которые вскоре так прославились своей дикой разнузданностью, что папа запретил эти шествия. Кроме религиозного флагеллянтизма, в XIV—XV вв. существовали различные тайные секты, в которых бичевание служило исключительно целям рафинированного чувственного разврата.

Если флагеллянтизм можно назвать попыткой оппозиции официальной морали справа, стремлением выглядеть «святое папы Римского», то рыцарская любовь, с ее значительно более одухотворенным началом, была такой оппозицией слева. Рыцарская любовь отражала нравственную потребность сильного защитить несчастную и угнетаемую женщину, не способную постоять за себя. «Вооруженный деревом, железом и сталью, — поет один трубадур, — я поддерживаю слабых против сильных». Рыцарь начинал с

избрания дамы сердца, которой давал обет верности. Если вассал служил господину ради чести и долга, то рыцарь служил даме ради любви. Часто эта любовь выражалась в платоническом сопереживании, направленном не на обладание, а на почитание. Рыцарь чтит не плоть, а дух, чистоту и целомудрие святой девы, «донны анджеликаты». Он мечтал о том, «чтобы только коснуться рукой ее платья», этого прикосновения было бы довольно на всю жизнь. Улыбка избранницы, ее благосклонный взгляд, оброненная перчатка или шарф могли навсегда осчастливить рыцаря. Не было такого подвига или сумасбродства, на которое не решился бы рыцарь ради дамы сердца. Рыцари освобождали возлюбленных от тирании отцов, возвращали им отнятые владения. Во Франции времен Карла VI дамам часто приходилось жаловаться на разбойные нападения баронов. Их мольбы были услышаны храбрым Бодико, который покровительствовал прекрасным дамам и мстил их высокородным обидчикам. Имя дамы служило воинственным кличем, оно воодушевляло рыцаря на турнирах и в битвах. Вассал Генриха II, знаменитый трубадур Бертран де Борк заявлял, что «законы чести прежде всего предписывают воевать и обогащать женщин военной добычей». Случалось, что дамы ловко использовали своих романтических воздыхателей и даже дурачили их, превращая во всеобщее посмеище. Но настоящий рыцарь должен быть выше этого, ибо служение даме предполагало страдания. В этом, пожалуй, обе оппозиции, как и любые крайности, сходились: и флагеллянты и рыцари оказывались заложниками неосуществленных вожелений.

Таков был Ульрих фон Лихтенштейн (1200—?), «рыцарь печального образа» средневековой Германии. Украшенный цветами и символами возлюбленной, он странствовал по всей стране, ломал копыя на турнирах в ее честь, исполнял самые дикие ее прихоти. По приказанию дамы сердца Ульрих жил среди прокаженных, ел с ними из одной чашки. Он без колебаний пил воду, которой омывалась возлюбленная, отрезал себе нижнюю губу, якобы мешавшую поцелуям, послал даме отрубленный палец, чтобы доказать безграничную приверженность. Некий рыцарь Петр Видал, влюбившись в даму, в чьем дворянском гербе изображался волк, облекся в волчью шкуру, бродил на четвереньках вокруг ее замка и выл, пока его чуть не до смерти начали рвать собаки. Известны факты, когда аристократы секли себя плетьюми, так что кровь ручьями текла со спин. Дамы

сердца, сидя на балконе, поощряли их улыбками, жестами, сброшенной с ноги подвязкой. Поклонение Деве Марии принимало еще более патологические формы: братья-марианиты, например, пожирали на кухне отбросы и помои, облизывали пораженные гноем раны и т. д.

Измена принятому обету, отказ выполнять чудовищные капризы могли привести к общественному ostrакизму и отвержению. За соблюдением моральных обязательств следили так называемые суды любви, негласно существовавшие во Франции и Германии в XII—XIII вв. Так, некто Ричард де Барбезье, нарушивший обещание верности, был вынужден удалиться в лес и жить там в хижине, пока благородные заступники не вымолили ему прощения. В другом случае молодой друг влиятельного вельможи направился по его деликатному поручению к даме и осмелился просить любви для самого себя. Его притязания были приняты, но коварный поступок получил огласку, и суд любви под председательством графини Фландрской приговорил любовников к исключению из общества. Вердикт заканчивался обращением ко всем благородным дамам не иметь более дела с утратившим доверие рыцарем.

Рыцарская любовь с ее культом прекрасной дамы, несомненно, породила целую традицию в мировой культуре. Но при всех ее достоинствах она так и осталась для человечества желанным, но недостижимым идеалом. «Чистая любовь, — говорит средневековый автор, — соединяет сердца узами взаимной нежности. Эта любовь состоит в духовном единении, преклонении перед красотой, она может доходить до поцелуя, до объятий, даже до взаимного прикосновения обнаженных тел, но отнюдь не далее». Как показал дальнейший ход истории, большинству людей оказалось не под силу удовлетворяться одной лишь мимолетной улыбкой. Беспорочное служение даме становится тягостным, и герцог Иоанн Брабантский жалуется: «Вечно служить без вознаграждения — это плачевно». Монах Вернер фон Тегернзее упрекает возлюбленную: «Ты протянула ко мне ветви, но не дала сорвать и попробовать ни одного плода. Поистине евангельская бесплодная смоковница...»

Неутоленная тоска, столь долго подавляемая чувственностью неумолимо расшатывали моральные устои общества. Назревал кризис: редкая девушка сохраняла невинность до свадьбы, женские монастыри превращались в дома терпимости, а королевские дворцы, наполненные продажными аристократами, вельможными сводниками и лицемерными

ханжами выглядели еще хуже. Суды инквизиции и суды любви, песни трубадуров и сексуальное сектантство, «Роман о розе» и «Молот ведьм» — все смешалось в этой эпохе, наполнило ее горячей кровью и борением страстей. Раннее средневековье подготовило почву для утопических фантазий Ф. Кампанеллы, создало предпосылки Мюнстерской коммуны с ее общностью жен, привело к краху идеологических догм. Жизнеутверждающая чувственность, которую святоши и мракобесы пытались представить «чудовищем с двумя спинами», одержала очередную победу.

... В 1284 г. во Флоренции появилась веселая и беспечная компания, которая не думала ни о чем другом, как об играх, танцах и развлечениях. Хронисты сообщают, что к концу XIII столетия такие компании, состоящие из дам и кавалеров, встречались все чаще. Молодые люди расхаживали по улицам города, пели песни и не давали спать добропорядочным обывателям. Над Европой вставала заря Ренессанса...

Глава

5

Ренессанс: мастерская любви

*Ей неприметный поясок
под стать —
Он к чреслам прижимается
украдкой.
О, что б я сделал, будь она
со мной!*

Микеланджело Буонарроти

Поворотный момент истории. Чувственность человека Ренессанса. Церковь: за и против. Ритуалы бракосочетаний. Любовная алхимия. Обычай «пробных ночей». Испытания любви. Семейные нравы. «Пояса Венеры». Красота как капитал. Мораль власть имущих. Злодеяния сладострастия. Проституция. Рим — веселый город. Маркитантки. Сводничество. Сутенеры. Куртизанки. Общедоступные развлечения: прядильни, бани, курорты. Масленичные карнавалы. Танцы. Приюты кающихся. Причины обращения к нравственности. Сифилис.

Начало эпохи Ренессанса (Возрождения) обычно относят к середине Кватроченто (XV в.), а ее окончание — к концу Чинквеченто (XVI в.). С этим можно согласиться, если под понятием «Ренессанс» подразумевать определенный период в истории искусства между готикой и барокко. Если же придавать этому термину более широкий смысл, то хронологические рамки Ренессанса существенно раздвинутся. По словам Ф. Энгельса: «Это был величайший прогрессивный переворот из всех пережитых до того времени человечеством, эпоха, которая нуждалась в титанах и которая породила титанов по силе мысли, страсти и характеру, по многосторонности и учености. Люди, основавшие современное господство буржуазии, были всем чем угодно, но только не людьми буржуазно-ограниченными. Наоборот, они были более или менее овеяны характерным для того времени духом смелых искателей приключений». В политическом смысле Ренессанс знаменовал революционное изменение экономических основ общества, зарождение буржуазных отношений, расцвет городского бюргерства, накопление торговых капиталов, формирование княжеского абсолютизма. Эта эпоха различалась в разных странах по своей продолжительности и интенсивности. Ранее всего процесс начался в средней и северной Италии в XIII в. Во Флоренции, Генуе, Венеции и других самоуправляющихся городах очень скоро сложились условия, приведшие к утверждению нового экономического уклада. Столетием позже на этот путь ступили Германия (прежде всего ее юг и регионы, прилегающие к Рейну), Франция, Испания, Нидерланды и, наконец, островная Англия.

Радикальное общественное переустройство повсюду влекло за собой пересмотр принципов морали. Любая переломная эпоха, как правило, становится эпохой напряженной эротики. В полной мере коснулось это и Ренессанса. Люди Возрождения испытывали необыкновенный прилив творческих сил, охватывающий все сферы жизнедеятельности. Благоразумная предосторожность, до сих пор слившаяся главной добродетелью, превратилась в смешной анахронизм. Быстрота решений, завидная предприимчивость, отвага поступков вызывали преклонение и вели к успеху. Страсти накалялись до предела, любовь и ненависть не знали границ, моральные предрассудки отвергались. Молодое, жадное до жизни поколение сбрасывало с пьедесталов авторитеты, казавшиеся им ложными, утверждало новые идеалы. Половая любовь приняла поистине вулканический

характер и проявлялась как вырвавшаяся наружу стихия. Совершенным считался лишь тот мужчина, который отличался безудержными, неутолимыми желаниями, а идеальной женщиной — только та, которая охотно шла ему навстречу. Мерилом благополучия являлась щедрая плодовитость, отсутствие детей рассматривалось как наказание за какой-нибудь грех и встречалось сравнительно редко. Любовь требовала темперамента титанов, героями эпохи становились не зеленые юнцы, а сильные, достигшие расцвета мужи и жены.

Многочисленные документы наглядно иллюстрируют чувственный характер того времени. Нравы, обычаи, моральные нормативы отражены в пословицах, поговорках, произведениях литературы и искусства, фольклоре, частных бумагах и законодательных актах. «Фацетии»* Поджо Браччолини (1380—1459) почти целиком посвящены весьма фривольным и рискованным темам, которые, кстати, совершенно открыто обсуждались и в домах бедняков, и во дворцах знати. Даже сами папы, часто оказывавшиеся объектами насмешек и героями сомнительных походов, не отказывали себе в удовольствии называть вещи своими именами. Женщины допускались к беседам не только как слушательницы, но вполне могли участвовать в обсуждении пикантных ситуаций. Можно вспомнить вполне реалистические новеллы Д. Боккаччо или сатиры Ф. Рабле: «Позвольте вам напомнить один случай, который произошел в Риме двести шестьдесят лет спустя после основания города. Один юный патриций встретил на холме Целии римскую матрону по имени Верона, глухонемую от рождения, но так как юноша и не подозревал, что имеет дело с глухонемой, то, сопровождая свою речь свойственными италийцам жестами, он обратился к ней с вопросом, кого из сенаторов встретила она, поднимаясь на гору. Слов его она не разобрала и решила, что речь идет о том, что всегда было у нее на уме и с чем молодой человек, естественно, мог обратиться к женщине. Тогда она знаками — а в сердечных обстоятельствах знаки неизмеримо более пленительны, действенны и выразительны, нежели слова, — завлекла его к себе в дом и знаками же дала понять, что эта игра ей по вкусу. В конце концов они, не говоря ни слова, вволю набрались. А еще я боюсь, что глухонемая женщина вовсе

* Фацетия (фацетия — шутка, насмешка) — анекдот, острая бытовая зарисовка, чаще всего эротического свойства.

ничего не ответит на наши знаки, а сей же час упадет на спину...»

Достаточно прочесть «Гептамерон», чтобы понять, почему его автора, королеву Маргариту Наваррскую, называли «самой женственной женщиной». В жилах людей той эпохи текла горячая кровь, бурлившая страстными желаниями. Добрые связи были в порядке вещей у представителей всех слоев населения. Епископ, выведенный в новелле Корнаццано, делится наблюдениями: «Прежде, чем стать епископом, я был исповедником, и все девушки старше десяти лет признавались мне, что у них уже было по крайней мере два любовника». Простолюдины развлекались на шутовских «ослиных» праздниках, главную суть которых составляли фаллистические карнавалы и двусмысленные остроуты. Немецкие масленичные пьесы*, производящие на современного читателя впечатление крайней непристойности, были очень популярны с XIV в.

Римско-католическая церковь представляла собой в эпоху Ренессанса мощную социальную силу. Плоть от плоти своего времени, церковь не только влияла на общественную жизнь, но и сама испытывала на себе воздействие новых нравственных идеалов. В силу целого ряда исторических и социально-экономических факторов, влияние церкви и ее институтов было далеко не однозначным. С одной стороны, монастыри были первыми и долгое время единственными очагами культуры. Здесь впервые возникло профессиональное ремесло, заложились основы кооперативного труда. Монахи были искусными землевладельцами, пивоварами, ткачами. Они прокладывали дороги, выкорчевывали леса, осушали болота, строили плотины. Монастыри давали приют ученым, врачам, негодьям и сами мало-помалу превращались в богатых собственников. Здесь учили читать, писать, считать. В монастырях ранее всего развилась женская эмансипация. Достаточно вспомнить просвещенных послушниц и писательниц, например знаменитую Хросвиту (935—975), монахиню гандерсгеймского монастыря. В стенах обитателей процветали искусства, здесь создавались грандиозные художественные ценности. Прославлению имени Господа, росту экономического могущества церкви была подчинена вся личная жизнь монахов. Хозяйственные интересы общины требовали самоотрече-

* Балаганные представления, которые устраивали во время весеннего праздника масленицы — недели, предшествующей Великому посту.

ния и ограничений в половой жизни: поощрялись монашеское целомудрие и праведническое безбрачие. Но по мере накопления богатства, сосредоточения в своих руках огромной власти церковь все более тяготилась собственными моральными принципами.

К концу XV столетия духовенство уже столь скомпрометировало себя, что можно, пожалуй, было говорить о кризисе нравственности. Секретарь римского сената Стефан Инфессура писал о папе Сиксте IV (1471—1484): «... 12 августа, в четверг, в пять часов ночи Сикст скончался. В этот счастливейший день всемогущий господь проявил свою силу на земле, освободив христианский народ от руки такого безбожнейшего и несправедливейшего владыки, не знавшего страха божьего и не имевшего ни малейшей склонности к водительство христианским народом, ни состраданиями милосердия, но находившегося всецело во власти беса нечестивой чувственности, жадности, страсти к роскоши и пустого тщеславия, не имея ничего другого за своей душой». Преемником Сикста IV был Иннокентий VIII, избранный на папский престол благодаря подкупу кардиналов. Сменивший его в 1492 г. Александр VI Борджиа «приобрел печальную известность благодаря подлостям и гнусностям своего потомства». О нравах, которые царили в среде церковного руководства при Александре VI, подробно рассказывает в своем дневнике его церемониймейстер Иоганн Бурхард. Он сообщает об оргиях, которые творились в папском дворце, о продаже кардинальских и иных церковных званий, об убийствах неугодных папе людей и т. д. С. Инфессура с негодованием добавляет, что «если господь пропустит сие, то такое растление дойдет до монахов и братии орденов, хотя и теперь городские монастыри сделались домами разврата, и никто сему не противится». Действительно, аббаты иногда отличались от светских людей лишь своей тонзурой. Большинство из них было женато и жило в монастырях вместе с женами и детьми, проводя время в попойках и развлечениях.

Уже с XII в. католическая церковь принялась торговать отпущением грехов, пресловутыми индульгенциями, которые предусматривали расценки на совершение любого проступка или даже преступления. Подделка документов стоила 7 гроссов, продажа должности — 8 гроссов, нарушение тайны исповеди — 7 гроссов, противоестественная связь с близким родственником — 5 гроссов, изнасилование — 6, причем изнасиловать женщину или девушку, возвращающую-

юся из церкви, стоило дороже, потому что она считалась в этот момент безгрешной и особо вожделенной для дьявола. Немудрено, что народ облек свой взгляд на церковь в метких поговорках и обличительных насмешках: «У монахов только одно считается грехом — отсутствие денег», «В монастыре Можно делать все, что угодно, лишь благочестие не приносит пользы», «Три вещи привозишь обыкновенно из Рима: нечистую совесть, испорченный желудок и пустой кошелек». Повсюду звучали сатирические куплеты, вроде этого: «Прелюбодеи, сводники, блудницы и доносчики/ Стекайтесь в Рим скорей, здесь вы будете богаты!..» Образы блудливой монашки и сластолюбивого попа-чревоугодника постоянно присутствуют в хрониках и художественных произведениях эпохи Ренессанса.

Не отказывая себе в сочном, грубоватом юморе, когда дело касалось обличения пороков других, обыватель тщательно (а иногда и тщетно) охранял добродетельность собственных жен и дочерей. Характерны в этом отношении обычаи, связанные с бракосочетанием, в частности ритуал освящения брачного ложа. Подразумевалось, конечно, не место отдыха после трудов праведных, а своеобразный семейный полигон, «мастерская любви», дабы на ней покоилось благоволение божие, дабы из нее выходили желанные наследники и здоровые продолжатели рода. Жених и невеста вступали в «мастерскую любви» торжественно, в присутствии свидетелей. Брак считался заключенным, когда они накрывались одним одеялом. «Взойдешь на постель и право свое приобретешь», — гласит старинная немецкая поговорка. Позор и поношение ожидали невесту, не сохранившую для своего мужа вирго (девственность). В Нюрнберге не прошедшая испытания новобрачная должна была наутро отправиться в церковь с соломенным венком на голове, толпа выкрикивала в ее адрес оскорбления, обзывала «испытанной девкой», забрасывала несчастную отбросами. В Ротенбурге эпитимия состояла в том, что совратитель или любовник три воскресенья подряд возил несчастную на тачке по городу, вымаливая у горожан прощение.

Столь суровые наказания породили в качестве ответной меры целую индустрию по фабрикации фальшивой девственности. Аптекари и бакалейщики по сходным ценам торговали различными снадобьями, якобы восстанавливающими невинность. Торговля шла столь бойко и приносила такой доход, что к ней во множестве подключились шарла-

таны, псевдоакушерки, странствующие студенты и т. п. Писатель П. Аретино (1492—1556) с большим сарказмом описывает сценку, когда невеста с помощью «обновляющего девственности» средства развеяла все подозрения и прослыла образом добродетели. Большим успехом пользовались приемы плодизгнания, тем более что аборт в те времена не возбранялся. Длинный список надежных средств против «задержки кровей» содержал более двух сотен названий. Чаще всего это были настои тех или иных растений: одни довольно слабого действия, другие, наоборот, столь эффективны, что их «нельзя положить даже на постель беременной». Как раз такие-то и пользовались наибольшим спросом и доверием. К ним относились, например, пораженная головней рожь, некоторые виды розмарина* и др. Розмарин звался среди специалистов не иначе как «пальма девственности»; растение было утешением и надеждой стремившихся предохранить себя девушек. Хозяйки разводили и заботливо пестовали деревца у себя в садике, надеясь на их чудодейственную силу. Женихи и мужья, конечно, догадывались о махинациях и, не желая оставаться в дураках, тоже пытались применять знахарские методы. Если хотели удостовериться в целомудрии своей избранницы, то предлагали ей выпить раствор растолченного гагата**. Предполагалось, что если она «выпьет эту воду и с ней ничего не случится, то она невинна, если же она сразу после этого захочет помочиться, то она уже не девушка». Понятно, что искусственные развратницы быстро раскусили нехитрый фокус и умело пользовались простодушием мужчин.

Вместе с тем требования добрачного целомудрия не являлись всеобщей универсальной нормой. Вплоть до XVIII в. в крестьянской среде сохранялись обычаи «пробных ночей», которые прямо санкционировали добрачное половое общение. Немецкий историк Ф. Фишер отмечает: «Почти по всей Германии, особенно в той части Швабии, которая именуется Шварцвальдом, среди крестьян держится обычай, в силу которого девушки уступают своим ухажерам задолго до того, как они станут мужьями. Но было бы совершенно неправильно думать, что эти девушки лишены нравственности, ничего подобного». В самом деле, деревен-

* Это растение было известно впоследствии и в России как донской можжевельник.

** Черный янтарь, вязкая разновидность каменного угля.

ская красавица в этом случае не более нарушает приличия, чем ее городская сверстница, позволяющая целовать руку поклоннику. Обычай «пробных ночей» был строго освящен традицией и подчинялся неукоснительно соблюдаемым правилам. До поры до времени любой крестьянский парень может добиваться благосклонности девушки, но лишь только она отмечает своим вниманием одного из них, все остальные должны удалиться в тень. Избранник получает возможность совершать ночные визиты в девичью спальню, поболтать с подругой перед сном, еще более расположить ее к себе. Постепенно их беседы становятся все более оживленными, среди шуток и забав молодые люди незаметно переходят к более конкретным действиям, и наконец девушка разрешает парню физическую близость. «Пробные ночи» длятся до тех пор, пока оба не убедятся, что подходят друг другу, или же вплоть до наступления беременности. После этого парень обязан посвататься, а помолвка и свадьба быстро скрепляют их союз. Оставить беременную девушку на произвол судьбы уже невозможно, ибо родственники и соседи ревностно следят за исполнением обряда. Зато никому не возбраняется разойтись после первой или второй ночи, сославшись на отсутствие симпатии. Репутация девушки при этом не страдала, и вскоре у нее появился другой поклонник, готовый начать новый роман. И только в том случае, если «пробные ночи» несколько раз подряд не приводят к браку, девушка может попасть в двусмысленное положение. Молва начинает приписывать ей какие-нибудь скрытые недостатки, и участь девушки становится незавидной. Ф. Фишер добавляет, что «крестьяне считают этот обычай настолько невинным, что часто, когда священник спрашивает их о здоровье дочерей, они, в доказательство того, что те растут и процветают, откровенно и с отеческой гордостью отвечают, что их дочери уже принимают ночных посетителей».

Героический эпос, хроники средневековья, рыцарские романы, песни трубадуров и миннезингеров подтверждают, что сходным по обрядности любовным испытаниям подвергались и благородные особы, даже королевских кровей. В поэме «Кудруна», созданной в XIII в. славный рыцарь заявляет: «Она мила мне тоже, / Я ей служить отважусь и в ратных трудах, и на ложе». / И тут они в любви друг другу поклялись. / Все пары брачной ночи насилу дождались». В легенде о Лоэнгрине испытание Эльзы Бранантской описывается так: «Когда эта прекрасная целомудренная девушка

была ночью приведена к влюбленному в нее князю, королева сама сопровождала ее до спальни. Помещение было украшено коврами, кровать блистала червонным золотом и богатыми шелками, одеяла были затканы изображениями животных. Девушку раздели, и рыцарь прижал ее к себе крепко и нежно. Больше я ничего не скажу, лишь добавлю — он нашел, что искал». Историк Э. Фукс приводит документальное подтверждение одного неудачного испытания. В 1378 г. некий граф Иоганн IV Габсбургский в течение полугода пытался доказать свою мужественность перед одной дамой, однако безуспешно. Отрицательный результат был зафиксирован письменно, очевидно, чтобы не уронить достоинств дамы в глазах других соискателей.

Диалектика взаимоотношений в семье нередко бывала еще более трагикомичной и противоречивой. Занимая в браке доминирующее положение, мужчина оставался единственным законодателем, настойчиво защищавшим собственные интересы. Неукоснительно добываясь целомудрия, привлекая жену за неверность к ответу, муж в то же самое время почти ничем не ограничивал личные вожделения. Из этого противоречия развилось нечто, отнюдь не входившее в идеалы Возрождения, — адюльтер и проституция. Приходится констатировать, что прелюбодеяния во всех своих формах не сошли с исторической арены, а мужрогносец и любовник жены остались характерными социальными типами той эпохи. Во многом этому способствовало отношение к браку как к сделке, средству увеличить свое влияние или капитал. Аристократический брак часто бывал чисто условным: иногда молодых даже не знали друг с другом, а на парадное ложе рядом с новобрачной восходил уполномоченный представитель господина. В среде ремесленников, цеховых мастеров, купечества материальная заинтересованность тоже всегда стояла на первом месте.

Раб всегда мстит тем орудием, каким он был поработан. Вне зависимости от сословной принадлежности жены никогда не упускали возможности поравняться с законными супругами в правах. И это несмотря на опалу, суровые, подчас варварские наказания, всегда угрожавшие неверным! Самое распространенное наказание, как и во все времена, заключалось в том, что муж с помощью слуг жестоко избивал застигнутых любовников. Случалось, он призывал соседей, чтобы выставить прелюбодеев на всеобщее осме-

яние, но при этом позор падал и на его собственную голову. Наиболее жестокие прибегали к иным способам. Так, один итальянский дворянин передал изменницу-жену дюжине оплаченных негодяев, заявив, что «даст ей возможность насладиться любовью сполна».

Интересам ревнивых мужей служили и механические средства защиты, которые считались надежнее клятв в верности: хитроумные решетки, «запиравшие вход в сад земной любви». Имеются в виду так называемые пояса Венеры, первым изобретателем которых считается падуанский тиран Франческо II. Пояса изготавливались также в Бергамо и Венеции, поэтому они назывались еще венецианскими решетками и бергамскими замками. В ходу было выражение «запереть жену на бергамский лад». Подлинные «пояса Венеры» хранятся ныне в мюнхенском Национальном музее, в собраниях Венеции и Мадрида, в знаменитом музее мадам Тюссо в Лондоне. Некоторые из них делались из серебра или даже золота, отличались изящной чеканкой и украшались драгоценными камнями. Пояса исключали проведение полового акта, но не ограничивали естественных потребностей женщины. Они запирались сложным замком, ключ от которого находился у мужа. Однако назвать это средство надежным вряд ли возможно. Те же торговцы, которые продавали мужьям пояса целомудрия, предлагали их женам за немалые деньги запасной ключик. А иногда не требовалось даже этого. В предисловии к своим «Эпиграммам» К. Маро (1496—1544) сообщает о любвеобильной баронессе д'Орсонвиллье, которая отдает себя в руки любовника, а заодно и умелого слесаря. Такова убийственная ирония, изначально заложенная в бесполезной выдумке мужей!

Образ жизни высшего света мало способствовал облагораживанию нравов. Видя равного только в человеке своего круга, дамы-аристократки никогда не стеснялись перед камердинерами и пажами. Так же как в свое время римские матроны, они одевались и раздевались при помощи слуг, считая их скорее за животных, а не за людей. Их мужья заставляли служанок выполнять любые прихоти, посылали их провожать гостей в спальню или баню. Случалось, что красота становилась тем капиталом, который старались пустить в оборот. Молодые особы, очутившиеся благодаря расточительной жизни родителей в стесненном положении, приезжали в столицы, чтобы продать себя, удачно выйти замуж, добиться пожизненной пенсии. Соблазнительная

приманка в виде жены, дочери или сестры помогала решению самых запутанных дел, достижению более высоких ступеней иерархической лестницы. П. Брантом (1540—1614) писал: «Очень часто мужья оставляют своих жен в галерее или в зале суда, а сами уходят домой, убежденные, что жены сумеют лучше распутать их дела и скорее доведут их до решения. И в самом деле, я знаю многих, выигравших свой процесс не столько потому, что были правы, а благодаря ловкости и красоте их жен». В бюргерской среде также выражались с циничной откровенностью: «В суд надо идти с женой», «Женщина всегда имеет неопровержимый довод», «Что может быть остроумнее женского тела, оно сильнее закона» и т. п. По мнению мелкого буржуа, для хорошенькой женщины огромной удачей было бы стать любовницей титулованного дворянина, а тем более монарха. Граждане Дижона гордились, что король остановил свой выбор на мещанке Гюгетт Жаклин, а лионцы приветствовали дочь торговца мадмуазель Жигонн, удостоившуюся той же чести.

Ни король, ни его вельможи не испытывали затруднений при выборе новой любовницы: к их услугам был целый штат придворных дам, который постоянно пополнялся за счет жен провинциального дворянства. Приглашение служить при дворе, как правило, означало особый знак внимания со стороны короля или принцев. Мужья в этих случаях не только смирялись, но зачастую поощряли связи жен с сюзеренами, строя на этом собственное благополучие. П. Брантом рассказывает: «Я слышал об одной благородной даме, которая при заключении брака выговорила у мужа право свободно распоряжаться собой при дворе... В виде вознаграждения она выдавала ему ежемесячно тысячу франков карманных денег и ни о чем другом не заботилась». Само собой понятно, что высокие покровители имели в делах любви преимущество перед законными супругами: когда им было угодно нанести визит даме сердца, мужу (а тем более любовнику) приходилось срочно освобождать ложе. Э. Фукс приводит следующий исторический анекдот о Генрихе II: «Однажды вечером король постучал в дверь Дианы Пуатье, как раз когда у той находился маршал Бриссак. Последнему не оставалось ничего другого, как поспешно спрятаться под кроватью. Король сделал вид, что ничего не заметил. Он попросил сладкого, а Диана принесла конфет. Генрих съел несколько штук, а часть бросил под постель, воскликнув: «Ешь, Бриссак!

Каждому надо жить!» Подобные неприятности выглядели еще пустяком по сравнению с тем, когда монарх награждал любовницу венерическим заболеванием, которое затем передавалось как в эстафете: Франциск I из династии Валуа заразился еще совсем молодым, а вместе с ним страдал весь двор и даже королева, которую изредка посещал августейший супруг.

Постепенно дворы сделались настоящими рассадниками разврата. Пресыщенная знать стремилась ко все более острым ощущениям. В порядке вещей стало делать посторонних свидетелями интимных сцен. Любовью занимались публично, прямо в обществе, в котором пировали. На оргиях женщина не принадлежала только одному участнику, а переходила из рук в руки, отдавалась на глазах любовника сразу нескольким его гостям. Разврат достиг Ватикана: многие из высших церковных сановников времен Борджиа и Ровере даже превзошли светских аристократов. В папском дворце царили усыпанные золотом куртизанки вроде Ваноччи, Джулии Фарнезе и других. Александр VI Борджиа устраивал оргии, в которых участвовал сам, его дочь, сын и святейшие кардиналы. Хроники переполнены сообщениями о противоестественных пороках. С. Инфессура пишет о Сиксте IV: «Этот папа, как всем известно и как то подтверждают факты, был любителем мальчиков и обвинен в содомском грехе. Ведь всем известно, что он делал для мальчиков, услуживавших ему в его опочивальне; он не только доставлял им подарки в несколько тысяч дукатов, но он осмеливался возводить их в кардинальское достоинство и одарять бенефациями епископатов. А ради чего другого, как говорят, он возлюбил графа Джироламо и его родного брата, францисканца Пьетро Риарио, впоследствии кардинала Санто Систо, как не из-за содомского греха? А что я должен сказать о сыне его цирюльника? Этот мальчик, не достигший еще двенадцати лет, был неотступно при папе Сиксте IV; он наградил его чудовищным богатством».

Не говоря уже о присвоенном праве понуждать и насиловать чужих жен, вельможный феодал иногда не останавливался перед настоящими злодеяниями. Преступления одного из пэров Франции, маршала Жилля де Лавалья де Ретца являются потрясающим примером болезненного сладострастия. Безраздельно распоряжаясь жизнью и смертью своих подданных, он замучил в своем замке в Бретани более 800 детей, за что в конце концов и предстал перед церков-

ным судом. Находясь под следствием, он написал Карлу VII письмо-исповедь: «Я не знаю, но мне кажется, что только мое собственное воображение заставляло меня так действовать, чтобы испытать наслаждение, без сомнения насылаемое дьяволом. Восемь лет назад мне пришла в голову эта идея... Случайно я нашел в библиотеке латинскую книгу, описывающую жизнь и нравы римских цезарей; книга эта принадлежала перу историка и ученого Светония. Она была украшена многими хорошо исполненными рисунками, изображавшими грехи этих языческих императоров. Я прочел в ней, что Тиберий, Каракалла и другие цезари забавлялись с детьми и что им доставляло удовольствие мучить их. Прочтя все это, я пожелал подражать цезарям и в тот же вечер начал этим заниматься, следя по рисункам, бывшим в книге». Де Ретц приказывал слугам перерезать детям горло, отделять голову от туловища, разбивать ее палками, отрывать половые органы. Иногда он привязывал ребенка к железному крюку, вспарывал внутренности и, пока тот умирал медленной смертью, насиловал его. «Останки же тел сжигались у меня в комнате, за исключением наиболее красивых голов, которые я хранил как реликвии. Я не могу в точности сказать, сколько детей было таким образом убито, но думаю, что не меньше 120 в год. Часто я упрекаю себя и жалею, что шесть лет назад оставил службу Вам, высокочтимый господин, потому что, оставаясь на службе, я не совершил бы столько злодеяний. Но я должен признаться, что был принужден удалиться в свои владения вследствие непреодолимой страсти и вожделения, которые я сочувствовал к дофину, Вашему сыну, — страсти, которая однажды едва не заставила меня убить его, как я потом убивал маленьких детей, подстрекаемый дьяволом. Я заклинаю Вас, мой грозный господин, не погубить Вашего покорного вассала и маршала Франции, который хочет путем искупления своих грехов спасти свою душу». Несмотря на смиренное покаяние, де Ретц был осужден и сожжен на костре в 1440 г. в Нанте.

Страницы истории хранят немало свидетельств о преступлениях против морали. Так, итальянский аристократ Ченчи лишал невинности собственных дочерей, а некий Жан де Тройе, живший во второй половине XV в., убивал детей, прижитых от родной дочери. Во Франции середины — конца XVI в. участились случаи скотоложества, и правосудие наказывало не только людей, но и пострадавших животных. Так, в 1546 г. был сожжен Гуго Вид за сожи-

тельство с коровой, которая была зарезана, а потом также брошена в костер; в 1556 г. Жан де ла Сель казнен вместе со своей неразлучной ослицей; в 1601 г. был повешен, а потом сожжен Клоден де Кюлан за связь с собакой и т. д. Этот древний порок процветал в армиях. Итальянцы, участвовавшие в осаде Лиона в 1562 г., привезли с собой украшенных лентами коз, но не удовлетворялись только ими: почти все животные в местных деревнях подверглись групповому изнасилванию, и крестьяне были вынуждены сжечь оскверненную скотину.

К концу эпохи Возрождения огромный размах приобрела проституция. С развитием ремесел все более менялся социальный состав населения. В городах появилась значительная прослойка мастеровых, которым по цеховым уставам запрещалось жениться. Для них, а также для огромного количества монахов, принявших celibат (обет безбрачия), оставалось только искать удовлетворения на стороне, притом в продолжение почти всей своей жизни. Большинство же дворян, даже будучи женатыми, не могло удержать себя в рамках предписанного благочестия. Семья оказалась под угрозой, она нуждалась в защите... Поскольку торговлю телом нельзя было искоренить, то ее постарались взять под контроль, а проститутке отвели пусть низшую, но вполне легальную ступень социальной иерархии.

Официальных статистических данных тогда не существовало. А если по тем или иным причинам производилась перепись, то результаты ее не могли претендовать на особую достоверность и, как бы теперь сказали, репрезентативность. Тем не менее известно, что самый ничтожный городишко имел свой дом терпимости, а иногда и два. В более крупных городах их было больше, а в центрах пересечения торговых путей существовали целые кварталы, где вместе или в одиночку обитали публичные женщины. Один из хронистов приводит забавную сценку: «Немецкий дворянин, умевший немного говорить по-французски, въезжал верхом по мосту в Авиньон. Усталая лошадь начала спотыкаться. Девушка разразилась при виде этого смехом и стала издеваться над всадником. «Ах, мадам! — воскликнул он. — Вы едва ли удивитесь тому, что моя лошадь спотыкается, если узнаете, что она это делает всегда при виде женщины легкого поведения». — «О-хо! — отвечала та. — Если это так, то советую вам не въезжать в город, ибо иначе вы сломаете себе шею».

Еще больших масштабов достигла проституция в евро-

пейских столицах, но самым «развеселым» городом по праву считался Рим. Существовала поговорка: «Все пути ведут в Рим, а в Риме — к шлюхам». Такое состояние нравов в Вечном городе объяснялось его особой исторической миссией: здесь находился центр папской курии. Рим был переполнен празднующей церковной братией, обивающей пороги в поисках выгодной синекуры. Из года в год сюда стекались десятки тысяч паломников, проживавших в городе месяцами. Иностранцы, негоцианты, авантюристы всех мастей стремились в Рим за удовольствиями и всем, что плохо лежит. Некоторое представление о количестве проституток в Риме во время церковных соборов дает сообщение генерал-квартирмейстера герцога Саксонского, получившего от своего господина приказ произвести подсчет: «Итак, мы переезжали от одного женского дома к другому. В одном насчитывалось около 30 обитательниц, в другом немного меньше, в третьем больше, не считая тех, которые жили сами по себе или подрабатывали в банях. Так насчитали мы около 700 падших женщин. Больше искать мне не хотелось». Другой участник собора, некто фон дер Гарт насчитал даже полторы тысячи проституток. Общее число могло быть еще больше, если учитывать жен и дочерей почтенных горожан, не отвергавших притязаний обладательниц тугих кошельков.

Особое место почти до конца XVIII столетия занимали маркитантки или так называемые солдатские девки, в огромных количествах сопровождавшие войска. В рыцарском романе Вольфрама фон Эшенбаха (ок. 1170 — ок. 1220) «Парцифаль» говорится: «Было там немало женщин, иные из которых носили на себе двадцать поясов от мечей, заложенных им за проданную любовь. Эти публичные женщины называли себя маркитантками». Известно, что во время осады Нейса Карлом Смелым в его войске находилось около четырех тысяч солдатских девок. В 1342 г. немецкий кондотьер Вернер фон Урслингер возглавлял отряд наемников в три с половиной тысячи человек, который сопровождало не менее тысячи проституток. К войску французского полководца Страцци в 1570 г. присоединилась такая масса девиц, что ему было трудно передвигаться. Бравый командир, не долго думая, утопил, по сообщению П. Брантома, не менее 800 боевых подруг своих солдат. В армии, с которой отправился в поход кровавый герцог Альба, насчитывалось до четырехсот конных и свыше восьмисот пеших проституток.

Маркитантки не были паразитками, питавшимися остатками со стола победителей. Войны тогда длились долго, каждый солдат нуждался в элементарном обустройстве, ему нужен был помощник, который носил бы за ним кухонные принадлежности, утварь, заботился бы о его ужине, перебинтовывал раны и т. д. Эти обязанности выполняли проститутки, а также их дети. В тексте одной из песен XV в. содержится целая программа их действий: «Мы обслуживаем господ по собственному желанию. Мы, мальчики, таскаем все, что можно продать. Мы добываем еду и питье. Мы, потаскухи, почти все из Фландрии, отдаемся то одному, то другому, зато приносим пользу. Мы стряпаем обед, метем, моем и ухаживаем за ранеными. А после работы не прочь повеселиться. Если бы мы ткали полотно, то не много бы заработали: И хотя солдаты часто нас колотят, все-таки мы предпочитаем служить им». Как видно, любовь у маркитанток стояла не на первом месте, скорее это был определенный образ жизни, которого придерживались из поколения в поколение.

Иное происходило в больших городах. Когда проститутка старилась и ее прелести уже не находили спроса, она нередко принималась за более спокойное занятие — сводничество. В старинной масленичной пьесе состарившаяся проститутка откровенничает: «Я рада, что могу сводничать, а то плохи были бы мои дела. Я в совершенстве изучила это искусство, и оно доставляет мне хороший доход, с тех пор как моя некогда пышная грудь стала похожей на пустой мешок, повешенный на палке». Очень ярко живописует образ профессиональной сводни П. Аретино: «По ночам сводня ведет образ жизни летучей мыши, которая ни на минуту не садится. Основные ее хлопоты начинаются, когда совы и филины вылетают из своих нор. Тогда и сводня покидает свое гнездо и бегаёт по женским и мужским монастырям, дворам, притонам и трактирам. В одном месте она приглашает с собой монаха, в другом монахиню. Одного она сводит со вдовой, другого — с куртизанкой, одного — с замужней, другого — с девушкой; лакею она приводит камеристку, мажордома соединяет с госпожой. Она заговаривает раны, собирает растения, заклиняет духов, вырывает мертвецам зубы, снимает с повешенных сапоги, пишет формулы заклинаний, сводит звезды, разъединяет планеты и порой получает изрядную трепку».

Мужчины, паразитирующие за счет проституток, назывались в Италии рuffиани, во Франции — сутенеры или

макеры. Некоторые из них занимались сводничеством вынужденно: камердинеры или лакеи подыскивали подходящее удовольствие для собственного хозяина. Другие, а их было гораздо больше, сделали из этого занятия профессию, сбывая живой товар многочисленным клиентам. Сутенер воплощал в одном лице и сводника, и телохранителя проститутки, ибо она часто оказывалась в опасных ситуациях. Но в его функции входила не только защита интересов подопечной: вымогательство и открытый грабёж клиентов составили сутенерам довольно мрачную славу.

Широко прибегая к услугам проституток, привилегированная знать не стеснялась и открытых связей с содержанками. Высокоразрядные куртизанки, находившие содержание среди сановников церкви, аристократов и денежных воротил, зарабатывали целые состояния. Красивых любовниц выставляли напоказ, подобно экзотическим дорогим диковинам. Им нанимали дома или даже дворцы, окружали прислугой, предоставляли лошадей, экипажи, покупали роскошные туалеты, драгоценности и т. п. Наиболее состоятельные жуиры содержали целые гаремы с несколькими обитательницами. Связи с куртизанками, безумная трата денег являлись одним из способов поддержания общественного авторитета. Порой расходы делились между участниками аристократических сообществ. Так, во Флоренции был известен кружок некоего Филиппо Строрци, мужа Клариче Медичи. В него входили такие аристократы, как Лоренцо Медичи Великолепный, Франческо дель Альбицци, Франческо дель Неро... Влюбленности и интимные отношения устанавливались и распадались в кружке с калейдоскопической быстротой, о ревности никто не думал, как, впрочем, и о соблюдении приличий. Возрождение сформировало тип первоклассной кокетки (*la grande Cocotte*, *la grande Puttana*), зарабатывающей своей молодостью и красотой, превращавшейся из рабыни в госпожу, за обладание которой соперничали самые знатные и владетельные господа. В одной Венеции конца XV в. их насчитывалось не менее полутора сотен.

Многие отпрыски аристократических семейств разорились благодаря тщеславным попыткам завоевать благосклонность этих дам. Хроника XVI в. сообщает: «По приказанию папы знатная куртизанка Леонора Контарина подверглась высылке из города, несмотря на просьбы многих знатных кавалеров, так как к ней стекалось немало разных господ, многие из которых, благодаря чрезмерно

щедрым подаркам, потерпели значительный материальный ущерб». Ради обладания прелестной особой рисковали и жизнью, и свободой: кондотьер Джованни Медичи дерзко похитил некую Лукрецию прямо с застолья в ее честь. В 1531 г. во Флоренции шесть рыцарей вызывали на поединок каждого, кто осмелился бы отрицать, что куртизанка Туллия Арагонская «прекраснейшая и удивительнейшая дама во всем свете».

Среди куртизанок выделялись настоящие звезды, например венецианка Вероника Франко. Профессиональные ее достоинства были, по-видимому, выше всяких похвал. Ее спальня превратилась в своего рода европейскую достопримечательность. Через нее прошли короли, родовитые дворяне, состоятельные прелаты, щедро платившие за каждое мгновение наслаждений. Э. Фукс приводит о ней следующее свидетельство современника: «Если эта новая Аспазия меняла местожительства, то ее переезд напоминал переезд королевы, со всеми атрибутами королевского двора». Но Вероника Франко была известна и в ином качестве: долгое время она вдохновляла великого Тинторетто, принимала в своем салоне известных писателей, художников, скульпторов. Вот что писала она одному из своих поклонников: «Вы прекрасно знаете, что среди тех, кто сумел покорить мое сердце, я больше всего дорожу учеными и свободными художниками, столь мне близкими и милыми, хотя я только невежественная женщина. С особенным удовольствием беседую с теми, кто знает, что я могла бы всю жизнь учиться, где и когда только случай представится. Все свое время я хотела бы проводить в обществе просвещенных людей, если бы только позволили мои обстоятельства». Другая куртизанка, по имени Империя, умела писать итальянские стихи, читала в подлиннике латинских авторов. П. Аретино сообщает, что некая Лукреция: «Красноречием похожа, по моему, на Цицерона, знает всего Петрарку и Боккаччо наизусть, а также множество прекрасных стихов Вергилия, Горация, Овидия и других поэтов». Образы куртизанок нашли отражение в искусстве. Живописные портреты и сценки из их жизни создавались такими корифеями, как Хольбейн в Германии, Мурильо в Испании, Тициан и Карпаччо в Италии, Лукас Лейденский, Вермер, Халс, Рембрандт в Нидерландах. Мастера талантливо отразили свое время, по иллюстрациям созданных ими полотен мы можем теперь судить о куртуазных перипетиях эпохи Ренессанса.

Немало пищи для размышлений дает и анализ общедоступных развлечений того времени. Так как большинство людей понимало под развлечениями обильную еду, хорошую выпивку и чувственные наслаждения, то в обществе сложились определенные традиции проведения досуга. Деревенские жители совместно коротали длинные вечера в прядильнях, посещали бани, а для горожан радость состояла в устройстве карнавалов, поездках на целебные воды и т. д.

Жизнелюбивые люди Ренессанса превратили довольно монотонный процесс прядения в неиссякаемый источник чувственной радости. Для того, чтобы работа девушек-прядильщиц спорилась, была в охотку, народный обычай позволял присутствовать при этом молодым парням. Считалось, что они помогают работницам: парни усаживались напротив и стряхивали с коленей напарниц очески пряжи. Естественно, лучина, освещавшая помещение, то и дело гасла, а помощники всю пользовались благоприятным моментом. Шумная возня в темноте доставляла столько удовольствия, что даже отъявленные ленивицы упрашивали своих матушек отпустить их поработать в прядильне. Мамаши, прошедшие в молодости хорошую школу, обычно не возражали да и сами не прочь были иногда от души пошутить в веселой компании. Подобные собрания нередко сопровождалась музыкой и плясками, на них приглашали деревенских музыкантов, приносили закуски. Обычаи посиделок в прядильнях отражены в народном фольклоре, масленичных пьесах, запечатлены на картинах художников.

Совместное посещение бань, известное еще древним грекам, было распространено повсеместно. Лишь в XIV в. появились первые указы, запрещающие совместные купания. Но традиция сохранялась еще очень долго (особенно в сельских местностях) и пережила множество категорических запретов. Во всяком случае, по документам, относящимся к 1426—1515 г., видно, что из пяти деревень под Ульмом каждая имела свою баню. В середине XV в. в Цюрихе насчитывалось пять бань, в Шпейре — девять, в Ульме — десять, в Базеле — одиннадцать, в Вюрцбурге — двенадцать, в Нюрнберге — тринадцать, во Франкфурте-на-Майне — пятнадцать, в Вене — двадцать одна и т. д. Нельзя сказать, что посетителей привлекала одна только возможность выкупаться. Бани сделались своеобразными клубами, сюда приходили скоротать время за застольем и выпивкой, поболтать с друзьями, познакомиться в непринужденной

обстановке с готовой на услуги девицей. Ритуал посещений подчинялся определенной регламентации: мужчины надевали передник или брали в руки маленький веник; женщины тоже едва прикрывали свое тело. Нередко пикантность ситуации подчёркивалась сложными дамскими причёсками и сверкающими украшениями, которые оттеняли телесную наготу и усиливали вожделение. Характер времяпрепровождения в городских банях был таков, что мало-помалу они полностью стали отождествляться с публичными домами. Лучшей рекламой для заведения считалась молодая и красивая банщица. В ее обязанности почти официально входило подторговывание живым товаром и надзор за внешними приличиями. Уставы подобных заведений в Англии в XII в. требовали: «Недопустимо посещать баню монахиням или замужним», «Хозяин не должен держать банщицу, страдающую дурной болезнью», «Запрещается привлекать в баню насилием или обманом» и т. д.

Наряду с общественными банями существовали и частные: «Кто хочет повеселиться, устраивает у себя баню», — говорили тогда. В воспоминаниях некоего Ганса фон Швейнихена упоминается такой случай: «Помню, когда мне было девять лет и я только появился при дворе, старая герцогиня пожелала принять ванну. Я должен был прислуживать в качестве пажа. Спустя некоторое время появилась совершенно нагая девица по имени Катарина и приказала мне подать холодной воды. Я никогда раньше не видел голых женщин и так растерялся, что опрокинул корыто. Она громко вскрикнула и рассказала о произошедшем герцогине. Та рассмеялась в ответ: «Из этого поросенка выйдет толк».

В зажиточных домах ванная комната устраивалась с большой роскошью: мозаичные мраморные полы, картины, витражи. Классическим примером может служить разукрашенная фресками Рафаэля ванная кардинала Биббиены в Ватикане.

С XIII столетия стали входить в моду поездки на целебные источники. Поначалу там собирались люди, нуждавшиеся в поправке здоровья, но постепенно райские уголки природы стали привлекать все больше праздношатающейся публики. Сюда отовсюду съезжались светские волокиты, церковная знать, богатые иностранцы. К ним присоединялись авантюристы, куртизанки, девицы легкого поведения, сутенеры и просто любопытствующие бездельники. Стремление вырваться из-под семейного контроля двигало на

курорты и добропорядочных бургеров. Поджо Браччолини пишет с ядовитой насмешкой: «Если ты, о друг, спросишь меня о действии местных источников, то я должен тебе сказать, что оно очень разнообразно, но в некоторых отношениях прямо грандиозно и божественно. Ибо на всем свете нет других целебных источников, которые лучше излечивали бы женское бесплодие. Если сюда приезжает бесплодная женщина, то она очень скоро испытывает чудодейственную силу источника, если она только усердно прибегает к тем средствам, которые наука предписывает бесплодным». И далее: «Лечение на курорте оказалось слишком успешным, так как забеременели мать, дочь, служанка и собака».

Карнавальный, раблезианский дух Возрождения с особой силой проявился в массовых народных праздниках, прежде всего встрече масленицы. Карнавал Возрождения весь проникнут вакхической атмосферой, почти откровенной эротикой. Обряженные в шутовские костюмы и маски, мужчины и женщины могли безнаказанно позволять себе любые вольности, на которые никогда не отважились бы в повседневной жизни. На масленицу процессии ряженных двигались от дома к дому, то тут, то там устраивали веселые потасовки, выкрикивали непристойности, размахивали символами фаллоса на шесте. Отцу семейства не стыдно было заглянуть к проституткам, а его почтенной супруге ответить на ласки приглянувшегося незнакомца. Карнавал на время отменял сословные различия: простолюдины, ремесленники, разбогатевшие купцы и даже дворяне могли пить хмельное вино из одной бочки. С празднованием масленицы был связан ряд народных обычаев, например «пахание плугом и бороной»: молодые мужчины впрягали девушек в плуг и загоняли их в реку или пруд. Плуг, как и борона, издавна был символом мужского начала, а недра земли олицетворяли женское плодородие, поэтому тех, кто еще не нашел своего пахаря, подвергали аллегорическому наказанию.

Жонглеры и клоуны давали представления прямо на площадях. В балаганах с архисмелой откровенностью показывали такие фарсы, от которых у святош волосы вставали дыбом. Достаточно упомянуть варьируемые на разный лад мотивы непорочного зачатия в масленичных пьесах: в одной из них Дева Мария перевоплощается в игуменью и предлагает похотливым монахам лично убедиться в своем целомудрии. Если в X в. Хросвита яркими эротическим

образами пыталась внушить ужас перед кознями дьявола, то Ф. Рабле в XVI в. воспевал праздник плоти. И наконец, едва ли не самое сильное впечатление оставляет живопись. Вспомним хотя бы полотно Питера Брейгеля (между 1525 и 1530—1569) «Битва Масленицы и Поста»: мужчина, целящийся украшенной перьями стрелой, и женщина, подставляющая ему как цель свое лоно...

На любом карнавале самым доступным развлечением были танцы. В любом национальном танце — итальянской тарантелле, андалусской качуче, венгерском чардаше — отчетливо обнаруживается символика ухаживания, обещания, отказа или исполнения желаний*. В танцах эпохи Ренессанса действия танцоров представляли собой череду стремительных вращений, высоких прыжков, смены партнерш, страстных восклицаний. Кавалер вертел даму в воздухе, нежно охватывал рукой, заставлял уходить от преследования. Естественно, что публика и сами участники получали при этом чувственное удовольствие. Э. Фукс приводит замечание одного из современников: «Девушки прыгали так высоко, что видны были их колени. У Хильды лопнуло платье, так что открылась вся грудь. Она настолько увлеклась, что забыла поправить корсаж, и мужчины наслаждались ее наготой».

Высший свет развлекался значительно более изощренным образом. Во время праздника 1389 г. французские придворные «надели маски и позволили себе такие выходы, которые скорее достойны скоморохов, чем знатных особ... Каждый старался удовлетворить свою страсть, честь многих мужей была задета легкомысленным поведением жен, а многие незамужние дамы совершенно забыли всякий стыд». На карнавале 1639 г. герцогиня Мединская вместе с фрейлинами танцевала на балу в костюме амазонки, чем вызвала настоящий шок.

Протесты в обществе раздавались все чаще, ширилась клерикальная оппозиция чувственности. Как следствие, ужесточалась регламентация поведения людей, «жриц любви» вытесняли в отдаленные кварталы, призывали покаяться. Бегинки (кающиеся) находили приют в монастырских кельях, возносили молитвы о спасении своей души, изнуряли себя постами и физическим трудом. Особое распро-

* Современные авторы, в частности профессор Г. С. Васильченко, относят танцы к экстрагенитальным (внеполовым) формам сексуальной жизни человека.

охранение бегинажи получили во Франции, Нидерландах, Фландрии. Таков был и монастырь святого Иеронима в Вене, куда принимались женщины, обратившиеся после греховной жизни к богу. Многочисленные претендентки проходили строгий отбор, давали присягу, предупреждались, что в случае нарушений будут бесповоротно изгнаны из общины. Существовал и возрастной ценз: «Дабы женщины легкого поведения не слишком долго медлили со своим покаянием, воображая, что этот путь у них всегда в запасе, решено не принимать в бегинажи особ старше 30 лет».

Времена менялись, менялась и мораль. Идеи Реформации все глубже проникали в общество, проповедники все громче поднимали голос протеста, пугали заблудших христиан пропастью ада. Яростная обличительная кампания приносила плоды: рынок любви не выдержал натиска и начал постепенно сокращаться. Еще более мощным фактором подрыва аморализма явился экономический кризис. В результате бесконечных распрей, войн, хищничества феодалов, тяжким бременем ложившихся на плечи производителей, экономическая ситуация в странах Европы сложилась крайне неблагоприятно. Ко второй половине XVI в. Испания почти полностью обанкротилась, Германия находилась у самой черты, Италия, Франция, Нидерланды испытывали серьезные экономические трудности. Когда в дверь обывателей постучалась нужда, то они поневоле обратились к нравственности. Именно ремесленничество и мелкая буржуазия выдвинули наиболее сильные аргументы в защиту морали: проститутки покушались на их потощавший кошелек.

И наконец, последний, самый тяжкий удар по аморализму нанесла страшная эпидемия сифилиса, охватившая Европу с конца XV столетия. Вернувшиеся из заморских плаваний моряки Колумба привезли свежий, свирепый штамм люэса, против которого была бессильна тогдашняя медицина. То был апогей всемирной исторической трагедии: ограбленные, захлебнувшиеся в собственной крови индейцы сумели отомстить своим завоевателям — они влили в их жилы огонь, заставлявший умирать медленной смертью. Европу охватила паника, публичные дома сжигались, обитательниц изгоняли из города и побивали камнями. Таких методов придерживались особенно широко во время массовой вспышки заболевания в первой четверти XVI в. «Развеселые кварталы» пустыли, так как большин-

ство клиентов боялось заразиться. Содержатели просили городские власти об отсрочке и понижении налогов, предлагали свой товар по бросовым ценам, но ничто уже не могло остановить распада. Золотая жила иссякала на глазах, человечество впало в экстатические размышления о жизни и смерти, о греховности плоти и т. д. Но, как говорят, благими намерениями вымощена дорога в ад...

Глава

Б

Абсолютизм: приключения добродетели

*Красавицы, вы не должны
Моим смущаться
осуждением.
Что не всегда любви
верны —
Зато верны вы
наслаждениям.
Пускай на яд шутивых
стрел
Прекрасный пол
не негодует:
Ведь тот их слабости
бичует,
Кто с ними б их делить
хотел!*

Бомарше

Рецидивы инквизиции. Идеи Реформации и Просвещения. Галантный век. Эстетические идеалы. Цвета эпохи. Роскошь. Моды. Женская эмансипация. Высокопарная лесть. Искусство обольщения. Правила игры. Воспитание чувств. Ранние связи. Брак-сделка. Супружеская неверность и ревность. Мораль наизнанку. Фаворитки. Придворные нравы. Мужской фаворитизм в России. Развлечения в охотничьих домиках и частных салонах. Фаворитки в Англии и Германии. Изощренное сладострастие. Флагеллянтизм. Граф де Сад и Дарья Салтыкова. Проституция. Дома терпимости. Эротические балы. Нравы публичных домов. Источники пополнения. Театры. Народные традиции. Казни. Венерические заболевания. Меры борьбы с пороком. Революция — последний аккорд эпохи.

Исторически период абсолютизма* продолжался в разных странах более двух столетий. На протяжении нескольких поколений разворачивалась жестокая борьба династий, политических партий, мировоззрений. Еще продолжался террор инквизиции. Епископ вюрцбургский в 1627—1629 гг. отправил на костер 900 жертв, архиепископ зальцбургский в 1678 г. сжег за один день 97 еретиков. В 1749 г. в Вюрцбурге сожгли семидесятилетнюю монахиню Марию-Ренату, заподозренную в колдовстве. Несчастная признала под пыткой, что с семи лет отдавалась дьяволу и «вгоняла чертей в утробы сестер-монахинь». Во Франции конца XVII в. протестантов истребляли с таким зверством, какое не снилось и завоевателям Чингисхана. На глазах мужей и отцов насиловали их жен и дочерей. Раздували людей с помощью мехов и разрывали их на части. Женщинам вкладывали во влагалище порох и поджигали его. Младенцам разбивали головы, их родителей терзали раскаленными щипцами, поджаривали на медленном огне. Средневековые ужасы и казни прекратились лишь в конце XVIII столетия...

Но уже раздался голос М. Лютера, выступившего в 1617 г. с девяностю пятью тезисами против индульгенций и других злоупотреблений католической церкви. Идеи Реформации укорененные в общественном сознании, стали знаменем антифеодальной борьбы, лишили католицизм ореола непогрешимости. Реформисты требовали «дешевой церкви», отказа от земельной собственности и т. д. Опираясь на Священное писание, они стремились возродить патриархальный семейный уклад, обратить брак к первоначальным библейским ценностям. Любовь не должна становиться самоцелью, она законна только в страхе божьем, смыслом ее является нравственное преуспеяние, рождение и воспитание детей. Праведная супружеская любовь принесет людям мир и благополучие, прекратятся распри и войны, придет покой и радость бытия. М. Лютер считал, что жена должна повиноваться мужу, оберегать его честь, работать на благо семьи, но при этом не забывать своего места (независимо от М. Лютера, такие взгляды высказывались и на Руси: наиболее полно они выражены отцом Сильвестром, автором знаменитого «Домостроя»). Реформации не удалось преодолеть зависимость от светской власти; обрушиваясь на католицизм, последователи М. Лютера и Ж. Кальвина продол-

* Форма государственного правления, при которой монарху принадлежит неограниченная верховная власть.

жали отстаивать интересы власть имущих. По мере укрепления позиций религиозное реформаторство все больше сбивалось на запрет. Вместе с обрядностью, сохранившей остатки языческого мироощущения, из жизни изгонялась чувственная радость. Брак превращался в гражданский договор, в котором не было места свободе выражения симпатий. Строго запрещалось посещение театров, танцы объявлялись богопротивным занятием. Ограничивалось применение косметики: излишне накрученным женщинам грозило лишение причастия. Они должны были избегать привлечения мужчин «роскошью кудрей, ношением украшений, пышных юбок и широких рукавов».

С конца XVII — начала XVIII столетий огромное, но не всегда однозначное влияние на половую мораль начало оказывать Просвещение. Идеи Локка, Вольтера, Руссо и других сыграли большую роль в борьбе с остатками феодального и религиозного мракобесия. Однако «установление царства разума» зачастую преломлялось в общественном сознании искаженно, сопровождалось многочисленными спекуляциями и измышлениями. Нарождающаяся буржуазия предпочитала не замечать гуманистического, нравственного содержания Просвещения, зато легко и быстро усвоила внешнюю сторону, посчитала себя свободной от моральной ответственности. Вольнодумство Вольтера и философское исповедание Руссо сплошь и рядом падали на неподготовленную почву и становились библией аморализма.

Искушенный царедворец и выдающийся дипломат Ш. Талейран заметил однажды: «Кто не жил до 1789 года (т. е. — до Великой французской революции. — А. С.), тот вообще не жил». Документы истории убеждают, что это не пустые слова. Никогда женщины не были так соблазнительны, а мужчины столь галантны. Никто не признавал старости, увядания, все были изысканны, остроумны, до последнего вздоха старались шутить и улыбаться. Когда молоденькая сиделка пересаживала умирающего Гёте в каталку, он не преминул заметить: «Видите, женщины до сих пор носят меня на руках...» Жизнь превратилась в непрерывную цепь приключений, любовные ласки щедро расточались и юными пажами и стареющими кокетками. Дразнящая открытость туалетов, томительная «игра обшлагов» — нечаянных прикосновений и объятий, пикантный привкус порока составляли неповторимый букет галантного века. Даже болезненная чувственность в лице

таких изощренных насильников, как граф де Сад, не пугала, а манила загадочным блеском. Порок утратил свое безобразие, а добродетель — скучный облик.

Искусство, мода, архитектура поражали величественной роскошью и чувственной негой. Великолепные усадьбы и парки с изумрудными лужайками выглядели как декорация, на фоне которой позировали застигнутые врасплох любовники. Век театрализовался, стал походит на костюмированную пьесу, каждый участник которой старался не забывать, как он смотрится со стороны. Стены дворцов покрывались зеркалами, их помещали даже в спальне: любовники жаждали насладиться собственными позами, многократно отраженными полированными поверхностями. Дамы забыли стыдливость и совершали утренний туалет в присутствии *гостей*, потому что имели в их лице восторженных зрителей. На улице аристократка приподнимала кружевные юбки не из страха запачкаться, а чтобы услышать одобрительные выкрики прохожих. Эстетические пристрастия абсолютизма заметно отличались от идеалов Ренессанса. Румянец на щеках и оглушительный хохот более не в почете, они оставлены простонародью. Галантный век стремится к рафинированной утонченности: ценится бледная кожа, маленькая ножка, узкая кисть, лихорадочный блеск глаз... Если прежде, тщеславно гордясь достоинствами возлюбленной, Генрих II приказал изобразить Диану Пуатье совершенно голый в молочной ванне, то теперь прихотливый Фрагонар рисовал дам, раскачивающихся на качелях или поправляющих чулки: современников волнует не нагота, а пикантная полураздетость. Изощренное сладострастие предпочитает не наливное яблочко, а, скорее, червоточинку в нем: по преданию первая леди английской Реформации Анна Болейн была шестипалой, а любовница Людовика XIV Лавальер — чахоточной.

Цветовая гамма эпохи постоянно менялась. Декоративность барокко с его черно-белыми, темно-голубыми и ярко-красными с золотом эффектами постепенно теряла насыщенность. Прихотливо изнеженное рококо отказалось от резких контрастов и погрузилось в светло-лиловые, серовато-голубые, розовые, блекло-зеленые тона. Зато шкала оттенков значительно усложнилась. Э. Фукс в «Истории нравов» утверждает, что знатоки различали нюансы цвета «блехи, блошиной головки, блошиной спины, блошиного брюшка, блошиных ног и даже существовал цвет блохи в период родильной горячки. Когда явился спрос на нежно-

телесный цвет, то различия в оттенках отличались настолько же рафинированностью, насколько и пикантностью. Существовали различия между цветом живота монашенки, девицы, женщины и т. д. Подобная терминология была как нельзя более в духе галантного века. Для него не существовало ничего более нежного, как цвет тела только что принявшей постриг монахини, ничего более гладкого, как кожа нимфы, ничего более пикантного, как кожа женщины, хранящая следы нескончаемых праздников любви, жгучих наслаждений». Подобные сравнения были особенно понятны и близки, но и ими шкала оттенков не исчерпывалась: «Особого рода красный цвет распадался на оттенки: девичий, девственный, дамский и даже религиозный! Впрочем, и сама шкала наслаждений имела тогда сотни оттенков, и только знатоки умели измерять расстояния между ними».

Золото лилось рекой. Проиграть сто или двести тысяч ливров за один вечер было для Марии-Антуанетты* сущим пустяком. Екатерина II истратила на своих фаворитов более 90 миллионов рублей. Людовик XIV купил для жены замок Сен-Клу за 18 миллионов ливров, а для себя — замок Рамбуэ за 14 миллионов. Его затеи стоили баснословно дорого: за один год он тратил чуть не сотню миллионов. Французского монарха, как могли, старались перещеголять государи маленьких немецких княжеств. Вюртембергский герцог Карл-Евгений устраивал охоты и «дворцы наслаждений», которые приводили в изумление всю Европу. Не менее пышен был Веймар при жизни Гёте. Нескончаемые балы, помпезные постановки, великолепные фейерверки, для устройства которых выписывались итальянские специалисты, служили одной цели — безудержной погоне за удовольствиями.

Мода изобиловала роскошью: драгоценные камни заменяли пуговицы, чулки и башмаки унизывались жемчугами. Умершая в 1766 г. русская императрица Елизавета оставила после себя не более и не менее как восемь тысяч платьев стоимостью от 5 до 10 тысяч рублей каждое. Парикмахер и портной были героями времени. В повседневной жизни носили парики, сложные прически с перьями, шлейфы, кринолины, высокие каблуки. Дамы соблазнительно полукоткрывались и сверху и снизу. Глубокие декольте и «искусство

Мария-Антуанетта (1755—1793) — французская королева, жена Людовика XVI. Качнена по обвинению в контрреволюционных заговорах.

показывать ногу» (так называемое ретруссе) дразнили воображение на каждом шагу. Кокетки намеренно демонстрировали подвязки, перемещая их все выше и выше, вплоть до середины бедра. Дамы украшали черными мушками лоб, шею, впадинку между грудей, чтобы оттенить бледность кожи. Мушки из тафты или бархата особенно распространялись с середины XVII в.: их называли венерными цветочками или пластырями красоты. Мушки имели свой язык, хорошо понятный тогдашним ловеласам. Желавшая прослыть плутовкой помещала мушку около рта, влюбленная — около глаза, галантная — на щеке, шаловливая — на подбородке, дерзкая — на носу, высокомерная — на лбу... Но чаще всего мушки, конечно же, приклеивались у выреза платья, что гарантировало внимание мужчин. Представители сильного пола и сами не стеснялись прибегать к кусочкам пластыря, красноречиво выражая свои чувства.

Возбуждение стимулировали употреблением большого количества духов, туалетной воды, резких ароматических эссенций. Впрочем, косметические средства служили и более прозаической цели: век элегантности был в то же время и веком отвратительной нечистоплотности. Аристократические дамы, соорудившие прически в виде морских фрегатов, мыли голову едва ли не раз в месяц. Мещане и простолюдины заботились о чистоте тела еще меньше. Уход за зубами был почти неизвестен, естественные надобности люди отправляли прямо на улице. Людовик XIV по утрам слегка обрызгивал руки и лицо духами, исчерпывая тем процесс умывания. Зато благоухал он на редкость отталкивающе: не стесняясь в выражениях, королевская фаворитка госпожа Монтеспан как-то заявила, что ее может стошнить в присутствии высочайшего любовника.

Царственные особы не всегда были снисходительны к женам и любовницам: нередко их заключали в монастыри, сажали в тюрьмы, подвергали унижительным оскорблениям. Елизавету, жену Филиппа II Испанского, трое суток держали перед городскими воротами Байонны, ожидая дозволения супруга на въезд. Король Испании Карл II верил, что причиной его импотенции и бесплодия жены является колдовство. Он обратился за помощью и советом к церкви, и тогда монахи провели соответствующий эксперимент: королевскую чету публично раздели, прочли заклинание и предложили совокупиться, проверяя силу божьего слова.

Положение женщины в обществе оставалось сложным и

неоднозначным. Реформация рассматривала брак как гражданский договор, закреплявший властные права мужа. Мужья могли прибегнуть к любому произволу и даже прогнать жену без достаточных оснований. Развод лишал женщину всяких средств к существованию, наносил непоправимый ущерб репутации. Естественно, что деспотизм мужчин рождал стихийный протест. В Италии, Испании, на благодатном юге Франции вызревали щедрые плоды эмансипации: женщины противились насильственным бракам, все громче заявляли права на свободу чувств, получение образования, занятия наукой.

Христиана, дочь шведского короля Густава-Адольфа, который возглавлял церковную реформацию, отказалась от престола. Она оставила потомкам несколько литературных произведений и романтическую славу «скандинавской Кармен». Женщины все больше начинали играть роль в интеллектуальной жизни. Медицина и естествознание представляли излюбленное поле их деятельности. Анна Мещолини Моранди (1717—1774), член многих ученых обществ, увлекалась скульптурой и живописью, занимала в Болонье кафедру анатомии. Мария Магдалина Петраччини (1759—1791) славилась своими медицинскими познаниями, имела большую практику, оставила сочинение «О физическом воспитании детей». Франция дала множество замечательных женщин — ученых, писательниц, естествоиспытателей. Среди них мадам Дасье, лингвист и историк; Эмилия де Бретейль, переводившая сочинения Лейбница и Ньютона с такими глубокими замечаниями, что Вольтер приходил от них в восторг; писательницы М. Скюдери, М. Севинье, С. Жанлис, А. Сталь, чьи имена вошли во многие хрестоматии.

Россия тоже имела своих героинь. В. И. Немирович-Данченко в очерке «Русские женщины» писал: «С XVII века эмансипация женщины может считать у нас свое начало. Первая крупная носительница его была царевна Софья*, потом Наталья Алексеевна, сыгравшая в домашнем театре, публично, перевод одной мольеровской пьесы. Она сама была писательницей. После нее осталось несколько комедий и трагедий... Последовательница попа Аввакума — боярыня Морозова открыто проповедует его учение и

* Софья Алексеевна (1657—1704) — русская царица, правительница Русского государства в 1682—1689 гг. Свергнута Петром I, заключена в Новодевичий монастырь.

выдерживает неимоверные пытки, ни разу не уступив от своего толка. Она гибнет в тюрьме, не уступив ничего».

Период княжеского абсолютизма во многом прошел под знаком женщины. Братья Гонкур писали: «В эпоху между 1700 и 1789 годами женщина не только единственная в своем роде пружина, которая все приводит в движение. Она кажется силой высшего порядка, королевой в области мысли. Она — идея, поставленная на вершине общества, к которой обращены все взоры и устремления. Она — идол, перед которым люди склоняют колени, икона, на которую молятся. На женщину обращены все иллюзии и молитвы, все мечты и экстазы религии. Женщина производит то, что обыкновенно производит религия: она заполняет умы и сердца. В эпоху, когда царил Людовик XV и Вольтер, в век безверия, она заменяет собой небо. Все спешат выразить ей свое умиление, возвести ее до небес. Творимое в ее честь идолопоклонство поднимает ее высоко над землей. Нет ни одного писателя, которого она не поработила бы, ни одного пера, которое не снабжало бы ее крыльями. Даже в провинции есть поэты, посвящающие себя ее воспеванию, всецело отдающиеся ей. И из фимиама, который ей расточают, образуется то облако, которое служит треном и алтарем для ее апофеоза, облако, прорезанное полетом голубей и усеянное дождем из цветов. Проза и стихи, кисть, резец и лира создают для нее, ей же на радость божество, и женщина становится в конце концов для XVIII века не только богиней счастья, наслаждения и любви, но и истинно поэтическим, истинно священным существом, целью всех душевных порывов, идеалом человечества, воплощенным в человеческой форме».

Оставим этот выпревший и дурной по вкусу панегерик на совести восторженных беллетристов. Надо признать, что чувства в нем куда больше, чем смысла. И все-таки он очень характерен! Воспевание женщины было отнюдь не бескорыстно. Безудержные комплименты служили, в сущности, весьма прозаической цели. Аббат Галиани ее не скрывает: «Человек существует не для того, чтобы постигнуть истину, и не для того, чтобы стать жертвой обмана. Все это безразлично. Он существует исключительно, чтобы радоваться и страдать. Будем же наслаждаться и постараемся поменьше страдать». Женщина оказалась игрушкой в руках виртуозных оболстителей, но, надо сказать, уготованную ей роль исполняла охотно и даже с удовольствием.

Великосветский волокита граф Тилли писал в своих мемуарах: «Во Франции необходимо пустить в ход немало прилежания, ловкости, внешней искренности, игры и искусства, чтобы победить женщину. Приходится соблюдать формальности, из которых каждая одинаково важна и одинаково обязательна. Зато почти всегда есть возможность наслаждаться победой, если только нападающий не болван, а женщина, подвергшаяся нападению, не олицетворение добродетели». Если дама медлит кинуться в водоворот приключения, то лишь потому, что еще не насладились нетерпением поклонника. «Какое очарование связано с преодолением препятствий! — восклицает граф Тилли. — Женщина не желает сразу сдаваться. Она позирует в роли неприступной. Она говорит «нет», а ее поза должна внушать мужчине уверенность в успехе. Все грубое и опасное должно быть исключено из любви. Страстная ревность считается смешной. Если обнаруживается это чувство, оно вызывает только недоверчивое и неодобрительное покачивание головы. Соперники скрещивают шпаги, но они редко прокалывают сердце, обыкновенно оставляя на коже лишь царапину».

Подобно шипам розы, любовь должна наносить лишь моментальную боль, а не подобно кинжалу в бешеной руке — • опасные для жизни раны, еще менее убивать. Кровь только символ, а не удовлетворение мести. Не нужно бойни, достаточно одной капли, чтобы создался этот символ. Желания всегда обнаруживаются элегантно и грациозно, а не бурно и разрушительно. Никто не позволяет себе жеста циклопа, с руки никогда не снимается перчатка. Люди садятся за стол наслаждения, как беззаботные жуиры и им прислуживает радость».

Умонастроение большинства сводилось к поиску все более утонченных и разнообразных удовольствий. Чувства теряли глубину, нравственные устои рушились. «Мораль несет любви зло», — говорит Ретиф де ла Бретонн, французский писатель. Галиани выражается еще определенной: «Если добродетель не делает нас счастливыми, то какого же черта она существует?» И моралью пренебрегали без раздумий, точно так же, как и целомудрием. Порок не только был реабилитирован, но даже приобрел некое очарование в глазах общества. Дорогая проститутка перестала быть отверженной; любовница с каждой новой изменой становилась все более желанной; жена соперничала с подругой за свои супружеские права. Любовь понималась лишь как

утоление страсти. Ж. Бюффон* заявлял: «В любви хороша только физическая сторона», а несколько позднее один из его соотечественников пошел еще дальше: «Любовь — всего лишь контакт двух кожных покровов».

Соответственное воспитание и просвещение начиналось с «младых ногтей». Ретиф де ла Бретонн в автобиографическом романе «Месье Николя», которым восхищались Гёте, Шиллер и Виланд, так описывает первые уроки, полученные в юности от некоей госпожи Парагонн: «В то время, как он читал вслух, взгляд мадам покоился на юноше, ее рука опиралась на спинку кресла, а порой слегка касалась его плеч. Иногда она откидывалась мечтательно назад, заложив ногу на ногу, так что была видна изящная лодыжка. Какие мгновения! Как опасна была та атмосфера доверчивости, эта нежная душевная и телесная близость! Случалось, Николя показывали еще более интимные прелести, когда Тинетта раздевала свою госпожу. Ему даже разрешалось помогать при этом, и он получал возможность наслаждаться всей ее наготой с видом наивным и невинным, тогда как чувства его кипели». В один прекрасный момент опытная искусительница делает якобы неожиданное открытие: «О, боже! Вы, оказывается, мужчина, а я вас считала мальчиком...» После ловко разыгранного изумления юноша вполне вознаграждается: «Так лучше, чем если бы он попал в когти порока!» Между прочим, впоследствии писатель Ретиф оказался первым истолкователем и апологетом своеобразного полового отклонения, которое получило название «ретифизм». Еще 11-летним мальчиком он трепетал от сладострастия при виде женских башмаков и краснел перед ними, как перед девушками. Особенно пленяли его высокие каблуки. Ретиф собирал обувь своих возлюбленных, целовал, нюхал ее, раздражая при этом свои половые органы. Размышляя над причинами такого поведения, он, будучи уже взрослым, писал: «Не связано ли это с пристрастием к легкой походке, грациозным и сладострастным танцам? Страшная притягательность обуви есть только отражение пристрастия к красивым ногам, которые делают грациозными даже животных. Оболочку ценят почти так же высоко, как и самую вещь. Страсть, которую я питаю с детства к красивой обуви, была приобретенным влечением, основанным на естественном пристрастии. Но страсть к малень-

* Бюффон Жорж (1707—1788) — естествоиспытатель, почетный член Петербургской Академии наук.

ким ножкам имеет физическое основание, выражающееся латинской пословицей: «Parvus pes — barathrum grande» (ножка девушки — великая пропасть).

Предусмотрительные матери оплачивали услуги камеристок и горничных с тем, чтобы уберечь сыновей от сомнительных связей, воспитать уверенность в обхождении с женщинами, привить вкус к галантным похождениям. Не удивительно, что подростки вступали во «взрослую жизнь» очень рано. Казанова* начал свою победоносную карьеру в 11 лет, а к 15 годам уже считался весьма искушенным в любви. Герцог Лозен к 14 годам имел на своем счету три связи со взрослыми дамами. Мадам Бранвиллье, известная отравительница, лишилась невинности в 10 лет, балерина Корчелли в таком же возрасте стала любовницей Казановы. Такие случаи не были редкостью: все классические эротоманы того времени отличались от своих современников лишь количеством побед, к тому же получивших более громкую огласку. Ранние и добрачные связи стимулировались, кроме всего прочего, экономическими причинами. На заре абсолютизма Германия представляла собой страну не только бедную, но и безлюдную, опустошенную нескончаемыми войнами. В XVII столетии для нее не существовало более важной проблемы, чем интенсивное увеличение народонаселения. Производить на свет как можно больше детей считалось гражданской обязанностью мужчины и женщины. В конце концов Фридриху II было безразлично, кто рождает ему солдат и налогоплательщиков — венчанные супруги или греховодные любовники.

Институт семьи испытывал кризис. Брак окончательно принял характер сделки. Среди дворянства и буржуазии распространились чисто условные, договорные браки. Граф Бульонский, например, проигравшись в пух и прах, сочетался с двенадцатилетней девицей Кроза. Пока малолетняя жена училась читать и петь в монастырской школе, он благополучно проматывал ее двухмиллионное приданое. Маркиз д'Уаз обручился с двухлетней девочкой, а будущий тесть ежегодно выплачивал ему вплоть до свадьбы по 20 тысяч ливров.

Дворянская жизнь тоже не обходилась без курьезов. Людовика XIII по политическим соображениям женили в четырнадцать лет. Он не проявил никакого интереса к не-

* Казанова Джованни Джакомо (1725—1798), итальянский писатель и авантюрист, всемирно прославившийся любовными похождениями.

сте, а после свадебного ужина преспокойно отправился спать. Целых четыре года после этого весь двор вместе с иностранными посланниками безуспешно пытался пробудить в нем инстинкт. Исчерпав все доступные средства, придворные прибегли к насилию: сопротивляющегося дофина растолкали среди ночи и привели в покои тоскующей супруги, только тогда он впервые познал ее высочество...

Супружество само по себе мало кого прельщало. С первых дней новобрачная слышала из уст более искушенных подруг советы, как скрасить унылые будни: «Только любовник доставит вам истинное блаженство. Муж ценит обед и приличия, а милый друг — ваши ласки. Он сумеет вознаградить вас не по долгу, а по заслугам». Случалось, муж сам давал жене эту превосходную рекомендацию. Адюльтер и супружеская неверность встречались повсеместно. Первой обязанностью мужа в таких случаях была, по мнению света, выдержка. И мужья порой достигали в этом отношении настоящего совершенства. Некий лорд, узнав, что его жена бежала с любовником, велел немедленно послать им вдогонку карету, находя неприличным для миледи путешествовать в наемном экипаже. Французский дворянин, застав жену с любовником, даже не переменялся в лице: «Как вы не осторожны, сударыня! Представьте, что вошел бы кто-нибудь другой!» Почетный кавалер граф де Таванн также проявил хладнокровие, когда увидел жену в объятиях другого почетного кавалера, господина де Монморанси. Граф Тилли занес по этому поводу в свой дневник следующую запись: «Вот это я называю невозмутимостью! Вот настоящие манеры... Если муж ревнует жену, хотя она и соблюдала внешние приличия, то такой поступок считается невоспитанностью». Самым забавным оказалось то, что, вполне терпимо относясь к супружеским изменам, житейская философия того времени не прошла измены любовнику. Герцог Шуазель заметил однажды: «Давайте обсудим вообще, что может опозорить женщину? Если у нее есть любовник, это еще не бесчестье, не правда ли? Но если у нее их несколько, так что можно предполагать, что она не любит ни одного, то это уже бесчестье».

В супружеском катехизисе не осталось места для ревности: если совсем недавно обманутый муж выступал либо как комический персонаж, либо как беспощадный мститель, то теперь мнение света переменялось. Именно поэтому романтическая «История кавалера де Грие и Манон Леско» в годы

Регентства вызвала настоящий скандал. Некий адвокат Маре писал: «Тут один сумасшедший выпустил ужасную книгу... за ней все бежали, как на пожар, в огне которого следовало бы сжечь и книгу, и ее автора». Автор романа, аббат Прево, осмелившийся выступить с обличением великосветских нравов, подвергся жестокой травле, а его книга по постановлению суда от 31 декабря 1734 года была конфискована и сожжена рукою палача. История несчастной любви, презревшей сословные предрассудки, нашла отклик лишь в сердцах далекого от света читателя. Придворные, которые предавались безудержному разгулу, купались в роскоши, следуя заповеди, выраженной позднее Людовиком XVI, «После нас хоть потоп», не поняли и не простили бесхитростной непосредственности. Слишком далеко продвинулись они сами по пути циничного низкопоклонства: верноподданные дворяне считали за честь, если монарх или господин отмечал особой милостью их жену. В семьях итальянских аристократов постоянное место занял чичисбей (поклонник, воздыхатель жены), а кроме него, еще и несколько приближенных, которых называли терпимыми. В Венеции, пишет Шатовье, «жена, у которой нет чичисбея, презирается, муж в роли чичисбея собственной жены высмеивается, а красивый и знатный чичисбей доставляет славу и вызывает зависть». Любовь теряла последние остатки былого романтизма, она превращалась в нескончаемую цепь приключений под девизом «новое всегда новее». «Это не страсть, не любовь, — отмечал впоследствии английский писатель У. Теккерей, — это волокитство, смесь серьезности и притворства, напыщенных комплиментов, низких поклонов, обетов, вздохов, нежных взглядов. Тогда были в ходу церемонии и этикет, установленная форма коленопреклонения и ухаживания».

Литератор и секретарь французской академии Мармонтель (1723—1799) пишет: «Говорят о старом, добром времени... Но ведь в прежнее время неверность, словно пожар, опустошала семью, обманутые мужья запирали, били своих жен. Муж пользовался предоставленной свободой, а его бедная верная половина обязана была проглотить обиду и стенать взаперти мрачной темницы. Если она пыталась подражать своему непостоянному супругу, то подвергала себя ужасным опасностям. Речь шла не более и не менее, как о жизни и смерти для ее любовника и для нее самой. Люди имели глупость связывать честь мужчины с верностью его жены... По чести, я не понимаю, как в эти варвар-

ские времена люди имели смелость жениться. Узы Гименея были тогда каторжной цепью. А в наши дни, взгляните, какая любезность, какая свобода, какой мир царствуют в семейных отношениях. Если супруги любят друг друга — в добрый час! Если они перестают любить, то благородно сознаются в этом и возвращают друг другу обет верности, становятся друзьями. Вот это я называю нравами социальными, нравами мягкими». И далее: «Сударыня, цель брака состоит в том, чтобы делать друг друга счастливыми. Мы же несчастливы вдвоем. Бесполезно гордиться постоянством, которое обоих нас тяготит. Мы настолько счастливы сами по себе, что не нуждаемся один в другом. Мы могли бы поэтому вернуть себе свободу, которой мы так неразумно пожертвовали. Живите, как хотите, а я буду жить, как хочу сам...»

Бесчестье скорее доставлял неудачный выбор любовника. В первой половине XVIII в. честолюбивой мечтой многих красавиц было желание добиться благосклонности всемогущего герцога Ришелье или кого-нибудь из членов королевской фамилии: чем более высокое положение занимал покровитель, тем больше почестей и благ доставалось любовнице. Госпожа Монтеспан, сменившая сентиментальную Лавальер в постели Людовика XIV, имела в Версале двенадцать комнат на первом этаже, тогда как королева занимала лишь одиннадцать на втором. Шлейф госпожи Монтеспан несла гофмейстерина герцогиня де Нуайль, а шлейф королевы — простой паж. Помпезный выезд фаворитки напоминал эпизод сказки Перро: «В запряженной шестью лошадьми колеснице, за которой следовала другая, также запряженная шестью конями, где сидели ее фрейлины, путешествовала она по стране. Потом следовал багаж, семь мулов, сопровождаемых двенадцатью всадниками». Когда госпожа Монтеспан после десятилетней верной службы получила отставку, то в утешение ей назначили пенсию в тысячу луидоров ежегодно. «Эта метресса, — писал один из современников, — стоила Франции втрое больше, чем все ученые Европы».

Даже государи других стран старались засвидетельствовать официальным любовницам свою приязнь. Екатерина II, прусский король Фридрих II, австрийская эрцгерцогиня Мария-Терезия не считали ниже своего достоинства посылать любезные послания фаворитке Людовика XV маркизе Помпадур. Граф Тилли сообщает в своих мемуарах о посещении Иосифом II, императором Священной Римской

империи, стареющей пассии Людовика XV госпожи Дюбарри: «В Люсьенне он навестил графиню Дюбарри. Раньше она имела дерзость выступить публично против его высочества, оскорблять даже королеву. Иосиф сделал вид, что забыл об этом. Он пошел еще дальше и сделал отцветающей красавице приторный комплимент. Когда у нее упала подвязка, то он поднял ее, а когда она рассыпалась в извинениях, заметил: «Разве не подобает императору служить грациям?»»

Со времени всем известных персонажей «Трех мушкетеров» пренебрежение общепринятой моралью становится при дворе почти открытым. Пример подавали первые лица государства: сам Людовик XIII, отличавшийся гомосексуальными наклонностями, фактический правитель Франции кардинал Ришелье и королева Анна Австрийская, до преклонных лет остававшаяся равнодушной ко вниманию придворных. По преданию, один из них, граф Ривьер, и был настоящим отцом Людовика XIV. Король-солнце оказался достойным преемником. Чувственность при его дворе процветала особенно пышно. История сохранила имена знаменитых фавориток монарха — Лавальер, Монтеспан, Фонтанж, Ментенон... Однако за шестьдесят лет в постели его величества перебивало столько женщин, что составить полный реестр просто невозможно. Всякая появлявшаяся в поле зрения хорошенькая дама становилась объектом похотливых притязаний. Посетить Версаль вместе с женой значило передать ее в руки короля. Темперамент венценосца был неистощим. Герцогиня Елизавета-Шарлотта пишет о семидесятилетнем старце: «Он благочестив; если бы он не был таким, то предавался бы разврату, потому что не может жить без женщин. Добрый король не очень-то разборчив, и если кто-то есть у него в постели, то он доволен».

Правление Людовика XV ознаменовалось целой плеядой новых фавориток: герцогиня Шатору, сестры Нель, маркиза Помпадур, графиня Дюбарри. Власть фавориток была безграничной, нередко они вмешивались в государственные дела. Ш. Монтескье (1689—1755) заметил, что «не было ни одного человека, занимавшего какое-нибудь место при дворе, в Париже или в провинциях, который не был бы в руках женщин». Фаворитки были друг с другом в сложных отношениях, постоянно балансировали между открытой враждой и временными, вынужденными союзами, но тем не менее никогда не утрачивали влияния. С их согласия поку-

пались и продавались должности и титулы, устанавливались и рушились репутации, улаживались дипломатические осложнения. Естественно, при этом они не забывали и о собственной выгоде. Герцогиня Орлеанская сообщает о госпоже Ментенон: «Когда она увидела, что хлеб не уродился, то дала приказ скупать его на всех ярмарках. Люди умирали с голода, а она нажила целое состояние».

Русское самодержавие умудрилось создать особый тип фаворитизма, а именно мужской. Наиболее ярко он проявился во время царствования Ангальт-Цербтской принцессы Софьи-Августы, правившей под именем Екатерины II. Устранив своего недалекого супруга Петра III, Семирамида Севера, как лстиво называл ее Вольтер, горевала недолго. Одним из первых ее любовников был камергер Сергей Салтыков. Он, однако, имел обыкновение слишком болтать языком, будучи пьяным, и за эту нескромность был удален посланником в Стокгольм. Его преемником стал граф Станислав-Август Понятовский, возведенный впоследствии на польский престол. Первым же подлинным фаворитом в собственном смысле слова оказался Григорий Орлов, чей брат был причастен к внезапной кончине несчастного Петра III в Ропшинском дворце. Братья вели совершенно разнузданный образ жизни. Если им случалось увидеть из окна приглянувшуюся женщину, то ее участь оказывалась плачевной. Насилие всегда оставалось безнаказанным, ибо Григорий Орлов полностью подчинил себе Екатерину. Правда, добиться своей заветной цели — обвенчаться с императрицей, ему так и не удалось. Но все-таки двери царицыной спальни он, случалось, распахивал ногой. Поскольку всякий очередной фаворит осыпался высокими чинами, щедрыми дарами и высочайшими милостями, то за теплое местечко приходилось буквально сражаться. Следовавшие друг за другом балы, рауты и маскарады регулярно посещались любвеобильной императрицей. Соперничающие группировки старались не упустить момента, выдвинуть своего кандидата, привлечь к нему внимание. Придворные пускали в ход все дозволенные и недозволенные средства, вплоть до клеветы и доносов, чтобы выдвинуть выгодного себе ставленника. Григорию Орлову приходилось быть начеку, едва ли не силой разгоняя конкурентов. Серьезная неудача произошла у него с молодым, неотразимо мужественным гвардейским поручиком Васильчиковым. Неосмотрительно отправившись за границу, Орлов вдруг получил сообщение о покушении на свои привилегии.

Поспешив вернуться в Петербург, он был остановлен на границе монаршим запретом. Опасаясь ссылки в Сибирь или чего-нибудь похуже, князь почел за благо переждать грозу в одном из своих имений. Императрица и вправду потребовала от Григория сложить с себя все должности, но Орлов собрался с духом и возроптал на неблагодарность высочайшей любовницы. Екатерина не устояла перед хорошо разыгранным необузданным гневом и отпустила любезного друга с миром.

Васильчиков продержался около двух лет, а затем, как снег на голову, получил приказ немедленно отправиться в Москву и ожидать дальнейших распоряжений. Опала была внезапной и бесповоротной: Васильчикова даже не допустили для объяснений. Зато в Москве он получил от государыни богатые подарки и ежегодный пансион в 20 тысяч рублей. Орлов же, похитивший из Италии княжну Тараканову*, вновь ненадолго вошел в фавор. Однако двор роптал, всеобщее недовольство принимало угрожающий характер, и Екатерина принуждена была смириться. Как ни интриговали и ни скандалили Орловы, звезда их закатывалась. К тому же инициативой овладел энергичный гвардии поручик Григорий Александрович Потемкин. Братья поняли, какая серьезная опасность угрожает их могуществу. Они были готовы на все, даже на убийство, но предпочли действовать без излишнего риска. Бравого поручика подпоили, затеяли пьяную ссору, и Алексей Орлов выбил Потемкину глаз бильярдным кием. Скандал получил огласку, братья постарались, чтобы он дошел до слуха государыни. Удар поразил сразу двух зайцев: кроме блестящей внешности, Потемкин лишился и расположения императрицы. Екатерина выразила сожаление, что ее любимец позволяет себе нескромные намеки, и удалила его от двора. Потемкину пришлось ретироваться в Смоленск. Но женское сердце отходчиво: спустя некоторое время опальному разрешили вернуться. Императрица примирилась с увечьем любовника и вознаградила другие его отменные качества. Вскоре Потемкин совершенно вытеснил Орлова, сделался генерал-адъютантом и переселился в дворцовые апартаменты.

Своей алчностью и беспринципностью светлейший князь Потемкин-Таврический обнаружил немалое сходство

* Тараканова Елизавета (ок. 1745—1775), выдавала себя за дочь императрицы Елизаветы Петровны, объявила себя претенденткой на русский престол

с маркизой Помпадур. Когда он почувствовал, что его собственные силы убывают, то нашел способ не терять влияния на императрицу. Едва Екатерина приблизила к себе секретарей государственной канцелярии Завадовского и Безбородко, Потемкин тут же взял их под патронаж, сохранив статус первого любовника. Список царских фаворитов, конечно, не ограничивался только этими персонажами. Из оставивших о себе память можно указать еще Ланского, Мамонова, который попал в опалу, будучи застигнут в павильоне с княгиней Щербатовой, потомка татарского рода Зубова, называемого иногда екатерининским Дюбарри... Несмотря на царские щедроты, многие из них кончили не лучшим образом. Григорий Орлов умер душевнобольным, Потемкин едва дотянул до 52 лет, Ланской прожил еще меньше...

Порок не признавал государственных границ и не нуждался в переводчиках: вся Европа пустилась в погоню за удовольствиями. В парижском Пале-Рояль подчинялись единственному призыву: «Будем развлекаться!» Великосветские распутники уже достаточно пресытились, но еще отнюдь не устали. Скушающий король поинтересовался однажды у госпожи д'Эспарбэ: «Вы, что же, спали со всеми моими подданными?» — «Что вы, сир!» — «Но у вас был герцог Шуазель?» — «Он так могуществен...» — «А маршал Ришелье?» — «Он так остроумен...» — «А Монвиль?» — «У него такие красивые ноги...» — «Но, черт возьми, разве герцог Омон обладает хоть какими-нибудь из этих достоинств?» — «О, сир! Он так предан вам!» Скандальную известность приобрел кружок, группировавшийся вокруг племянника короля, будущего регента Франции герцога Филиппа Орлеанского. Насмешники сочинили эпитафию для могилы его матери: «Здесь покоится мать всех пороков».

Из сияющих дворцовых зал веселящаяся публика перебиралась в роскошные загородные виллы и запрятанные подальше от любопытных глаз охотничьи домики. Вот выдержка из частного письма от 24 ноября 1770 г.: «Вчера господин Ришелье устроил большой ужин в своем охотничьем домике вблизи таможни Вожирар. Интерьеры выглядят весьма цинично. На стенах развешаны чрезвычайно скабрзные барельефы. Наибольший интерес они вызвали у старой герцогини Бранкас: она прижала к глазам лорнетку и, сжав губы, хладнокровно разглядывала изображение, а господин Ришелье держал лампу и объяснял их смысл». Вся обстановка загородных домиков зывала к неге

и сладострастию. Войти в них, кроме хозяина, мог только тот, кто знал тайный пароль. Здесь можно было уютно устроиться с любовницей, провести вечерок в компании проституток и беспутных гуляк. Дворянство попроще, буржуа и артистическая богема довольствовались наемными квартирами. Балерина Гимар «каждую неделю дает три ужина. На первом бывают придворные, на втором — писатели, художники, ученые и, наконец, третий носит характер настоящей оргии, на которую она приглашает самых соблазнительных и разнузданных девиц». Немудрено, что многие подобные салоны превращались в заурадные вертепы. Братья Гонкур вспоминают о «праздниках Адама», устраиваемых в частных владениях Сен-Клу. В них участвовали представители знатнейших фамилий, отпрыски пэров Франции, актрисы, натурщицы, богатые буржуа. Право присутствия можно было купить: находилось немало охотников заплатить бешеные деньги и окунуться в водоворот страстей.

Столицы и дворы других европейских государей старались, как могли, следовать версальским нравам. Герцог Рочестерский в произведении с красноречивым названием «Содом» рассказывает об оргиях английской аристократии времен Карла II, описывает развлечения королевских фавориток Нелли Гвин, леди Кастльмен и других. Педантичные немцы не обладали особой фантазией, зато старались поразить масштабами: наибольшим шиком считалось пригласить сразу несколько десятков девиц. Один из современников рассказывает о герцоге Баденском, который развлекался в обществе неких ста шестидесяти «садовниц». Весьма прославился саксонский двор Августа Сильного (1670—1733), которому очаровательные фаворитки Аврора фон Кенигсмарк, графиня Козель, графиня Эстерле и другие составили славу рассадника порока. Тщеславный Август держал пари со своей любовницей Козель, что выпустит монеты с изображением ее детородных органов. Он выиграл этот бесстыдный спор, велел отчеканить гульденны, известные теперь нумизматам как «гульдены Козель».

Высший свет, как и прежде, подавал примеры изощренного сладострастия. Король Людовик XV испытывал болезненную тягу к малолетним девочкам, поэтому знаменитый Олений парк был устроен так, чтобы отвечать вкусам господина. Интендант королевских развлечений Лаферте нес личную ответственность за подбор обитательниц павильонов, следил за порядком, устранил девиц, попавших

в «интересное положение», и т. д. Близкое участие в делах Оленьего парка принимала маркиза Помпадур, чье безграничное влияние на монарха основывалось, кроме всего прочего, на тонком умении потакать его извращенным наклонностям. Дворянство пренебрегало не только моралью, но и законом. Насилие, инцест*, гомосексуализм и лесбиянство отнюдь не являлись редкостью. Едва ли не самым невинным развлечением считался вуайеризм — наблюдение за половым актом. Особенно пикантным считалось зрелище с участием собственной жены или мужа. Граф Казанова приводит в «Мемуарах» эпизод, когда его любовница, монашка из Мурано, отдавалась французскому дипломату в его присутствии. Возможно, великий Рубенс тоже в какой-то степени отдавал должное вуайеризму, выставляя на всеобщее обозрение портреты своей обнаженной жены Елены Фурмент.

Возродился возникший некогда на религиозной почве активный и пассивный флагеллянтизм. В эпоху абсолютизма флагелляция представляла собой одно из наиболее действенных возбуждающих средств. Розги и плетку повсеместно пускали в ход, чтобы пробудить угасающую чувственность. Многие мужчины регулярно посещали заведения, где можно было подвергнуться истязанию или насладиться им в отношении молодых девушек и детей. Почти в любом доме терпимости имелись мастерицы бичевания, а вельможные распутники оборудовали у себя дома «комнаты пыток», оснащенные хитроумными инструментами для возбуждения сладострастия: великошведская сводня Тереза Беркли ввела в обиход специальное устройство, получившее название Берклеевского коня, а герцог Фронсак придумал некий «Зажимающийся стул». В анонимном трактате отмечается: «Многие люди, недостаточно знакомые с человеческой природой, воображают, будто страсть к флагелляции простирается только на стариков или истощенных сексуальным развратом. Но это не так. Существует немало юношей и мужчин, поклоняющихся ей».

Стремление причинять боль при половом акте прочно связано с именем графа де Сада. При всей своей исключительности фигура этого зловещего сладострастника весьма характерна для своего времени. Донасьен-Альфонс-Франсуа де Сад родился в 1740 г. В 1768 г. он был привлечен к суду за насилие над женщиной, но помилован Людовиком XV. В 1772 г. его приговорили к смерти за мужеложество и

* Кровосмешение, половая связь родителей с детьми.

отравление: некоторое время граф скрывался, потом был арестован, бежал, но вновь попал в руки правосудия. В конце концов смертную казнь заменили тюремным заключением. С 1784 г. он содержался в Бастилии, где начал писать под именем «маркиз де Сад». Полупомешанный узник получил свободу в 1790 г. в связи с резким помутнением сознания. В 1791 г. появился самый знаменитый его роман «Жюстина, или Несчастья добродетели», в 1797 г. вышло второе издание с еще более откровенными и леденящими кровь подробностями. В 1798 г. увидел свет роман «Жюльетта», однако в 1801 г. все издания были конфискованы, а де Сад опять оказался за решеткой, на этот раз вплоть до своей кончины в 1814 г.

Граф печально обессмертил свое имя — понятие «садизм» вошло в историю судебной психиатрии*. Но пути Господни неисповедимы! Сомнительный приоритет принадлежит все-таки не ему, а нашей соотечественнице, подмосковной помещице Дарье Салтыковой (1730—1801). Ее имя дети впервые узнают в средней школе, и оно навек остается олицетворением жестокостей крепостничества. И есть за что! Пресловутая Салтычиха засекала насмерть, заморила голодом и холодом более сотни своих крестьян. Мало кто знает, что преимущественно это были молодые девушки, взятые в дом для услужения. Приписывать злодейство одному лишь безнаказанному самодурству было бы слишком примитивно. Архивные материалы свидетельствуют, что личная жизнь Д. Н. Салтыковой сложилась неблагоприятно, ее фанатичная натура была подвержена неуправляемым страстям. Почти нет сомнений, что основным мотивом преступлений Салтыковой было неудовлетворенное сладострастие, стремление причинять физические страдания, т. е. то, что мы теперь называем садизмом. Хронологически судьба русской истязательницы была предрешена лет на пять-шесть ранее того, как де Сад впервые попал в тюрьму. Биографии этих людей вообще перекликаются самым странным образом, хотя они никогда не встречались и наверняка даже не слышали друг о друге. Граф оставил после себя два скандальных романа, а Салтыкова так и умерла неграмотной. Де Сад был утонченный аристократ, а Салтычиха — типичный варвар. Но крайности, как известно, сходятся!

* Обратная форма аллоагнии — стремление испытывать боль при половом акте — получила название «мазохизм». О мазохизме см. в главе VII.

Питательной средой пороков и извращений, как и во времена Ренессанса, продолжала оставаться проституция. По данным Э. Фукса, в Вене число уличных проституток доходило до 10 тысяч. В Париже, по разным сведениям, их количество колебалось от 30 до 40 тысяч, в Лондоне конца XVIII в. — около 50 тысяч. В Берлине имелось более ста домов терпимости, в каждом из которых жило не менее семидесяти проституток. Но, конечно, эти цифры не могут отразить точной картины, поскольку уровень латентной, скрытой, проституции был еще выше. Улицы больших городов кишели незарегистрированными публичными женщинами и просто искательницами легкой наживы. Больше всего их было в местах массовых гуляний и оживленных променадов. Венсенский и Булонский лес в Париже, Сент-Джемский парк в Лондоне, Унтен-дер-Линден и Тиргартен в Берлине приобрели прочную репутацию рынков любви. Один из современников удрученно отмечал: «Никто уже больше не удивляется, если летней порой спотыкается о лежащих в траве «зверей с двумя спинами». Злачные места и кварталы публичных домов были пристанищами воров, бродяг, разбойников. В Париже такой популярностью пользовался знаменитый «Двор чудес», столь выразительно описанный позднее В. Гюго в «Соборе Парижской богородицы». Двор чудес, представлявший из себя лабиринт заваленных нечистотами закоулков, куда редко проникали лучи солнца, служил для отверженных надежным укрытием и манил любителей острых ощущений.

Респектабельные иностранцы считали публичные дома достопримечательностями, которые следует посетить в первую очередь. Международной известностью пользовались парижский дом госпожи Гурден, прозванной «маленькой контессой»; дом «Доброй мамы»; отель Монтины. В Берлине славилось заведение госпожи Шуниц, в Лондоне — дом миссис Пендеркваст, «монастырь» Шарлотты Гейс и др. М. Райан в книге о проституции в Англии пишет: «В витринах скандально знаменитого заведения госпожи Обри голые девицы зазывают гостей, принимая самые неприличные позы. То же самое происходит и в других лондонских домах терпимости. Существует постановление, которое запрещает такие демонстрации и требует занавешивать окна занавесками, но оно обыкновенно не выполняется». В более солидных заведениях открытых безобразий старались избегать: непосвященный гость даже не сразу понимал, где находится. Обитательницы разыгрывали дам из общества, в

буфете подавались превосходные напитки, интерьеры обставлялись дорогой мебелью. Требовательный клиент мог получить развлечение на любой вкус: женщины всех оттенков кожи, девочки-подростки, «комнаты пыток» для возбуждения чувственности и т. д. Один из самых роскошных, по мнению современников, домов терпимости — «Фонтан» в Амстердаме имел ресторан, где прислуживали полуголые подавальщицы, танцзал, кабинеты, кафе на крыше и шикарную бильярдную.

Там, где дело было поставлено на широкую ногу, средств не жалели. Э. Фукс приводит текст приглашения, направленного постоянным посетителям: «Миссис Гейс уведомляет лорда... что завтра ровно в семь вечера двенадцать прекрасных нимф, нетронутых девственниц, исполняют один из тех знаменитых праздников любви, какие устраиваются на Таити в честь царицы Оберен (чью роль взяла на себя сама миссис Гейс)». На приглашение откликнулось добрых два десятка господ-аристократов, среди которых было несколько членов палаты общин. Вечер не обманул их ожиданий, а после представления состоялся непринужденный ужин с участием всех исполнительниц. Вошли в моду различные «афинские вечера», маскарады, эротические балы. Чующая наживу миссис Пендеркваст собирала в них «много прекрасных и знатных дам в масках, полностью обнаженных. Мужчины за вход платили пять гиней. Оркестр наигрывал танцы, подавалась холодная закуска. После танцев зала погружалась в темноту и возбужденные гости устраивались на мягких диванчиках». Когда одна из таких оргий была накрыта полицией, то выяснилось, что дамы-инкогнито принадлежали к известнейшим и знатнейшим фамилиям. Одна из дочерей графа Сассекса, например, изображала из себя Ифигению и по этому случаю была облачена лишь в прозрачный тюль и сандалии.

Любопытное описание нравов публичных домов оставил некий магистр Лаукхарт: «В большинстве девицы глупые нахалки, которым совершенно неизвестно ни чувство приличия, ни чувство деликатности. Речь их уснащена бесстыдными словами, а циничными жестами они стараются возбудить животную похоть. При этом пьют они даже водку, как извозчики. Если приходишь в такой дом, то первая попавшаяся атакует тебя, назовет «миленький», говорит на ты и сейчас же требует, чтобы ее угостили вином, шоколадом, кофе, водкой и пирожным. Все это подается скверно, а стоит дороже, чем где бы то ни было. Дальнейшее зависит

от того, будет ли гость так галантен, что исполнит желание нимфы или нет. В первом случае девица остается с ним, гладит его по щеке, называет милым и желанным. Во втором случае она его бросает и ищет себе более покладистого клиента. Таким образом, можно спокойно сидеть в доме терпимости, покуривать свою трубку, смотреть представление и платить только за то, чего сам потребуешь».

Армия проституток постоянно пополнялась за счет прибывавших в город провинциалок. Торговцы живым товаром зорко следили за деревенскими телегами, на которых восседали молодые крестьянки, ежедневно приезжающие на рынок. Оглушенная уличным шумом, растерявшаяся, а то и ограбленная селяночка легко становилась добычей сводни. Даже если ей удавалось избежать публичного дома, то самое лучшее, что выпадало на долю, — устроиться служанкой, подавальщицей, горничной в гостинице. Все эти занятия так или иначе были связаны с проституцией. Хозяин гостиницы не нуждался в прислуге, отказывающейся принимать ухаживания постояльцев. Галантерейщик считал, что товар лучше продается, если его предлагает смазливая девчонка. Кучера вообще превратили экипажи в передвижные бордели, а рестораторы предпочитали не брать на работу недотрог.

В настоящий рассадник порока превратился театр и другие пластические искусства. Балет, в сущности, был не чем иным, как вотчиной состоятельных меценатов. Для того чтобы попасть в труппу, совсем не нужно было уметь танцевать. Гораздо выше ценились внешние данные и отсутствие «предрассудков». В середине XVIII в. занятия балетом приравнивались к профессиональному проституированию. Д. Казанова сообщает о штутгартском придворном театре: «Все танцовщицы были хорошенькие, и все они гордились, что хоть раз осчастливили герцога». Итальянская опера славилась пением оскопленных с детства юношей. Поговорка гласила: «Голос кастратов подобен голосу херувимов»*. Но несчастным приходилось приносить жертвы не только Аполлону, но и Венере: мальчиков нередко брали на содержание богатые распутники.

Зрители охотно посещали театры ради новых чувственных впечатлений. Содержание многих драматических

* В XVIII в. римские цирюльники давали объявления: «У нас дешево кастрируются мальчики». В церкви Святого Петра в Риме пел знаменитый альт Сикстинской капеллы Алессандро Морекки, для которого лучшие композиторы писали специальные вокальные партии.

произведений представляло мимический парафраз флирта, со всеми его приключениями, разочарованиями и радостями: успех пьесы мог зависеть от количества пикантных эпизодов. Основанный в 1732 г. Королевский оперный театр Ковент Гарден в середине XVIII в. собирал самую разношерстную публику, среди которой не было недостатка в дамах полусвета. Партер полнился развязными молодыми людьми и испытанными «виверами» (прожигателями жизни), которые перекидывались шуточками с расфранченными особами подозрительной репутации. На галерке мясники аплодировали падающим штанам Арлекина не иначе, как оглушительно хлопая своих подружек по мощному заду. Бархатные портьеры наглухо отгораживали меблированные ложи, в которых ни на минуту не прекращалась скрытая от посторонних взглядов суета. Когда в одном из парижских театров случился пожар, то из лож в панике выскакивали голые дамы, «если только приличие не требует называть даму одетой, раз она в чулках и в башмаках».

По Европе кочевало множество аристократов, богатых буржуа, авантюристов, мошенников, разорившихся ремесленников и готовых на все люмпенов. Каждый находил себе развлечения по карману, недостатка в ярмарках и народных гуляньях не было. Один из очевидцев пишет: «Раньше было немало таких местечек, как деревушка Хернальдс недалеко от Вены. Под предлогом посещения святых мест туда и пешком и на лошадях стекались толпы народа. Так как католикам возбраняется есть мясо в постные дни, то все удовольствия сводились к лицезрению женских прелестей. Нравы царили самые свободные. Муж, прогуливаясь с любовницей, мог встретить жену под руку с двумя офицерами: они проходили мимо, раскланивались и смеялись».

В Англии до конца XVIII в. просуществовала традиция, когда первого мая горожане отправлялись на лоно природы наряжать майское дерево. Праздник отмечался под открытым небом, танцы и пение не прекращались всю ночь, а гуляки подкрепляли свои силы выпивкой и хорошей закуской. Не менее шумно отмечался день святого Михаила. Позднее И. Тэн (1828—1893) описал его так: «Толпа молодых парней, преимущественно крестьяне, собирается в этот день утром и отправляется за своим предводителем в поле. Путь их лежит через болота и топи, изгороди, рвы и заборы. Всякий, кто им встретится, невзирая на возраст, пол и положение, подвергается немилосердному качанию.

Поэтому девушки и женщины стараются не попадать им на глаза. Только легкомысленные девицы спешат навстречу приключениям и остаются с веселой бандой до поздней ночи. Если погода благоприятствует, компания устраивается в укромном местечке и затевает шумную пирушку».

Русские баре в провинциальной глуши утешались в патриархальном духе и без излишней помпы. Сельский священник в «Русской старине» припоминает: «Пойдет, бывало, Н. И-ч поздно вечером по селу любоваться благоденством своих крестьян, остановится против какой-нибудь избы, посмотрит в окно и легонько постучит пальцем. Стук этот хорошо был известен всем; постучит, и сию минуту красивейшая из семьи выходит к нему». Другой помещик всякий раз, как приезжал в свое имение, тотчас же спрашивал у управляющего список крестьянских девушек-невест. «Барин брал себе каждую девушку дня на три-четыре в услужение. И как только список кончался, уезжал в другую деревню. И это из года в год».

Как и прежде, общество не могло обойтись без жестоких зрелищ. В частном письме, отправленном в середине XVIII столетия из Англии во Францию, сообщается: «Вы хотите знать, как совершаются наши народные торжества? Наши приходские праздники происходят, сударь, в день казни перед тюрьмой Ньюгетт или другой темницей одного из наших графств. Тут стоит такая толкотня и давка от зари до того момента, когда палач совершит свой ужасный долг, в сравнении с которыми суета ваших ярмарок бледнеет. Окна окрестных домов сдаются за большие деньги, строятся помосты, вблизи появляются лавочки с съестными припасами и напитками; пиво и крепкие настойки идут нарасхват; люди приезжают в колясках или верхом издалека, чтобы насладиться зрелищем, позорящим человечество, а в передних рядах стоят женщины и вовсе не только из низших классов. Это позорно, но это так». Накануне казни палача водили по кабакам, угощали на славу, и он рассказывал собутыльникам о подробностях своего ремесла. Предварительно жертву пытали, подвергали колесованию, отрубали руки и ноги, что для значительной части аудитории, особенно женщин, представляло болезненный интерес. Случалось, что наиболее сенсационные казни сопровождались настоящим разгулом страстей. Когда на плаху вели знаменитую отравительницу маркизу Бранвиллье, вокруг процессии теснилось столько народа, что она с трудом продвигалась вперед. Комнаты с видом на место казни сдавались

приедем парочкам на целые сутки. Французский хронист пишет: «Никогда наши дамы не бывают уступчивее; вид страданий колесованной жертвы возбуждает их так, что они хотят тут же на месте вкусить наслаждение в объятиях спутника». В дни казней, ярмарок и народных праздников население местных городков увеличивалось за счет наплыва проституток, праздных зевак и любителей острых ощущений.

Беспорядочность половых связей и низкая санитарная культура пагубно отражались на здоровье. В XVIII в. Европу захлестнула новая мощная волна сифилиса. Немецкий естествоиспытатель И. Мюллер (1801—1858) утверждал, что тогда «низшие классы были совершенно заражены, две трети больны венерическими заболеваниями». Только в Стобленце выявили более семисот больных. Еще больше страдали такие центры мировой торговли, как Лондон и Париж, куда стекалось множество иностранцев. Сифилисом и другими венерическими заболеваниями были заражены почти все Бурбоны: Людовик XIV, его брат Филипп Орлеанский, Людовик XV и др. Болезнь мгновенно распространялась в среде проституированной богемы. Придворные танцовщицы Камарго и Гимар оставили всем своим любовникам, среди которых были принцы и герцоги, отравленную память. Герцогиня Елизавета-Шарлотта, которая сама была заражена мужем, отмечала: «Балерина Дешан поднесла принцу Фридриху-Карлу Вюртембургскому подарок, от которого он умер».

Осознание опасности происходило медленно, но постепенно стало давать результаты. Придворный врач английского короля Карла II Кондом ввел в обиход предохранитель, известный теперь как презерватив*. Эрцгерцогиня Мария-Терезия в Австрии занялась устройством приютов для кающихся Магдалин, куда добровольно и насильственно помещали заболевших, состарившихся проституток. Она же учредила комиссии целомудренности — так назывались тогда общественные комитеты по охране нравственности. Впрочем, деятельности комиссий недоставало элементарного сочувствия своим подопечным: основными мерами перевоспитания являлось отрезание длинных волос и осуждение проституток на подметание улиц. Реформистская церковь вместо реальной помощи тоже больше уповала на проклятия. «Если бы я был судьей, — говорил М. Лютер, —

* Первые презервативы представляли собой полотняные мешочки, закрывавшие только головку члена. Впоследствии их стали изготавливать из кишок домашних животных и рыбьих пузырей.

то колесовал бы этих каналов, жилы бы стал вытягивать из них». Падших девушек с барабанным боем обводили вокруг городской площади, наказывали публично розгами и с позором изгоняли. Но разорвать порочный круг репрессивными методами оказалось невозможно...

Последним аккордом эпохи абсолютизма оказалась Великая французская революция 1789—1794 гг. Ее значение было не только в свержении монархии. Стихия насилия и разрушения выплеснула наружу слепые и темные силы, развязала самые низменные инстинкты. В ожидании ареста и неминуемой гибели, сторонники различных партий спешили насладиться любовью: приговоренные в тюрьмах заводили мимолетные интрижки, устраивали попойки и развлечения. Опасность забеременеть не пугала женщин, она означала лишь отсрочку казни. Ревностные роялисты и их агенты превратили собственную агонию в «пир во время чумы». Один из них, пишет С. Шашков, забрался под деревянный помост на городской площади, чтобы разглядывать сквозь щели женские ножки. При дворе такая выходка встретила бы сочувственное одобрение, однако разъяренные пролетарии растерзали шутника на месте. Но жестокому времени приносились и истинные героические жертвы. Двадцатипятилетняя Шарлотта Корде проникла к вождю якобинцев Марату и заколола его кинжалом. Озлобленная чернь называла ее не иначе как потаскухой, а после казни помогавший палачу плотник подхватил отрубленную голову и вклеил ей пощечину. Волна ропота и ужаса пробежала по толпе при виде этого кошунства. Между прочим, тело Корде было освидетельствовано, и мстители Марата убедились в ее целомудрии. Тем не менее они яростно поносили ее память: теоретик анархизма Пьер Прудон называл Корде самыми бранными и неприличными словами.

Потрясение от революции было велико, моральные устои расшатались и, казалось, должны были вот-вот рухнуть. Общество предавалось необузданному веселью, победители и побежденные кутили напропалую. В садах и ресторанах гремела музыка, рекой лилось шампанское. Давно позабыты изысканные салонные менюэты, совсем скоро раздалась первые звуки вальса и остановить его кружение было невозможно. Дамы прижимались к мартнерам и взлетали в воздух, смело взметая юбки. Век галантных приключений безвозвратно уходил в прошлое. Оправившись после истерической реакции, третье сословие вступило в свои права. Над Европой стучалась тень буржуазной морали...

Глава

7

*Стрекот аэропланов! Беги
автомобилей!
Ветропросвист экспрессов!
Крылолет буэров!
Кто-то здесь зацелован!
Там кого-то побили!
Ананасы в шампанском —
это пульс вечеров!*

И. Северянин

Электрошок

От паровой
машины
к декадансу

Век пара. Дуализм чувственных и духовных начал. Викторианство. Брак и любовь. Разводы. Внебрачные дети. Семья буржуа. Парижская богема. Развлечения. Полусвет. «Врожденная проститутка» Ч. Ломброзо. Моральная статистика. Бизнес на проституции. Кадры проституции. Мало-летние жертвы. Гомосексуализм. Развращение детей. «Gode-miché» («наслаждайся мной»). Насилие и жестокость. Мазохизм. Брачные объявления. Альтернативы официальному браку. Женщины в борьбе за свои права. Сексуальные реформаторы. Поиски выхода.

Конец XVIII столетия ознаменовался событием, сыгравшим революционную роль в переходе к капиталистическому хозяйствованию: англичанин Джеймс Уатт в 1774—1784 г. создал универсальный тепловой двигатель — паровую машину, которая радикально изменила характер производства. XIX в. стал веком электричества, изобретений и открытий, составивших основу дальнейшей экономической мощи. Научные достижения вызвали бурный рост фабрик и заводов, отразились на всем образе жизни. Новые производства требовали множества рабочих рук, охотно эксплуатировали сравнительно дешевый женский труд. В 1768 г. в Англии была построена первая хлопчатобумажная фабрика, а к 1788 г. в Англии и Шотландии их было уже 142. Только в прядильных цехах рядом с 26 000 мужчин там работало 31 000 женщин, причем в ткацких, набивных и других отделениях фабрик их трудилось почти вдвое больше. В Германии в 1882 г. 24,02% всего женского населения было занято на производстве, в 1895 г. — 24,96%, в 1907 г. — 30,37%. Дешевизна женской рабочей силы, лучшая психологическая приспособляемость к условиям монотонного изнурительного труда, социальная незащищенность женщин способствовали стабильному спросу. Число женщин, работающих у станка, из года в год росло, а в некоторые критические периоды, например во время первой мировой войны, резко возрастало, существенно изменяя соотношение полов на рынке. Разумеется, профессиональная занятость женщины сказывалась на характере межполового общения и самом институте брака. Последствия были весьма противоречивы: с одной стороны, материальная самостоятельность, значительно большая независимость и свобода поведения, а с другой — дезорганизация семейного уклада. Женщина-пролетарка вынуждена была оставить воспитание детей на произвол судьбы, ее времени и сил не хватало на создание домашнего очага, заботу о муже и быте. Работа на производстве и выполнение традиционных функций жены вступили в обостренный конфликт. Отсюда возникло много серьезных социальных проблем: рост разводов, уменьшение деторождаемости, внебрачные связи, увеличение заболеваемости.

В этом контексте особенно проявился вечный дуализм чувственных и духовных начал человека. Отчаянные попытки преодолеть собственную плоть, освободиться от унижительного диктата пола предпринимались неоднократно. Сладострастье, «бес чувственности» болезненно и

неотрывно владели умами выдающихся личностей XIX в. «Я знаю, — отмечал великий писатель и философ Л. Толстой, — как оно заменяет собой, уничтожает на время все, чем живут сердце и разум». Нравственная проповедь толстовства «Только с женщиной может мужчина потерять целомудрие, только с ней может он сохранить его» фактически подтверждала признание недостижимости идеала. О. Вейнингер в работе «Пол и характер» с маниакальной яростью обрушивается на общепринятую мораль, объявляет оплодотворение и деторождение гнусностью, утверждает, что «совокупление противоречит во всяком случае идее человечества». «В области опыта нет ни мужчины, ни женщины... — продолжает он. — Преодоление — вот к чему следует стремиться. Так как всякая женственность есть безнравственность, то женщина должна перестать быть женщиной и сделаться мужчиной». Советскому читателю идеи О. Вейнингера практически неизвестны, а некогда они владели умонастроениями целых поколений*. Недаром его современник, шведский драматург Август Стриндберг, считал, что в книге О. Вейнингера «разрешен самый трудный из всех вопросов».

Пока мыслители тщетно ломали копыя, обыватели выработали удобную «карманную» мораль, которая называлась по имени Виктории — последней королевы Ганноверской династии, правившей в Англии с 1837 по 1901 г. Викторианство стало символом самодовольного, чопорного ханжества, почти на целое столетие определившего моральный облик буржуа. Ограниченный, мещанский взгляд на половую любовь превратился в официальную доктрину. Наиболее ярко он воплотился в так называемом кодексе двойной морали — негласно узаконенных правилах сексуального поведения для мужчин и женщин. Общество, безусловно, осуждало любые чувственные проявления, не связанные с деторождением. Вместе с тем оно сквозь пальцы смотрело на многочисленные нарушения морали мужчиной, жестоко карая за те же самые проступки женщин. Если мужчине прощались супружеские измены и связи на стороне, то женщина не имела права потерять голову даже от ласк собственного мужа. Установка викторианства «Ladies don't move» («благородные дамы не шевелятся») предписы-

* Отто Вейнингер (1880—1903), доктор философии, тонкий знаток и ценитель музыки. В центре его творчества находились проблемы гениальности и человеческой сексуальности. Страдал эпилепсией, ушел из жизни совсем молодым. По преданию, он застрелился именно в том доме, где умер Бетховен.

вала жене отдаваться пассивно, сохраняя полную заторможенность и симулируя отсутствие оргазма. Духом викторианства была проникнута вся общественная жизнь того времени, сохранившая для потомков немало забавных курьезов. Неприличным считалось, например, упоминать в светской беседе отдельные части тела: невинное замечание типа «я ушиб колено» звучало в гостиной как верх непристойности. Посещая врача, дама показывала, где у нее болит, не на собственном теле, а на специальном манекене. В читальных книгах для мужчин и женщин размещались на разных полках. Примеры такого рода часто встречались и до и после викторианства. Когда в 1924 г. в Японии была выставлена скульптура О. Родена «Поцелуй», то зрители могли ею любоваться лишь поодиночке, заходя на несколько минут в отгороженный бамбуковым занавесом уголок экспозиции. Двойная мораль, конечно, не была открытием одной только викторианской эпохи, но именно в этот период она переживала свой расцвет.

Еще памятливы были времена, когда по улицам шотландских деревушек ходил человек и провозглашал: «Не угодно ли повенчаться?» точно так, как зазывают публику в балаган. Но и при свете электричества отношения супругов продолжали отбрасывать самые невероятные тени: в одном из английских журналов от 20 декабря 1884 г. сообщается более чем о двадцати случаях заключения брака «по покупке» жены. Поиздержавшиеся мужья или отцы несчастных женщин продавали их по цене одного пенни и угощения обедом до 25 гиней и полупинты пива. Проданная таким образом невеста становилась затем законной супругой, если покупатель совершал обряд церковного венчания. Брак сплошь и рядом устраивался как коммерческая сделка. Прочность, длительность и эффективность этой сделки не могли зависеть от таких ненадежных факторов, как личные склонности, симпатии, антипатии и т. п. Серьезное дело требовало основательного фундамента в виде соблюдения пожизненного единобрачия. При таком подходе понятия «любовь» и «брак» просто-напросто противоречили друг другу. Д. Байрон в «Дон-Жуане» пронципательно указывает:

*Вот грустный факт, что служит верным знаком
Порочности и слабости людей:
Не в состоянии страсть ужиться с браком,
Хоть он идти бы должен рядом с ней;
Безразличность весь мир одела мраком;
Любовь, как только с нею Гименей,
Теряет вкус, лишаясь аромата:
Так кислый уксус был вином когда-то!*

Не было более верного средства покончить с любовью, чем превратить ее в обязанность. Поэтому в либеральных и демократических кругах зрела все большая оппозиция узаконенному семейному рабству, разворачивалась ожесточенная полемика вокруг проблемы развода. Еще во времена Великой французской революции развод был провозглашен неотъемлемым правом личности. Однако император Наполеон придерживался иных взглядов, что и нашло отражение в его знаменитом кодексе. В странах с сильными клерикальными традициями развод долгое время отвергался вообще. Законодательство Англии и Бельгии формально допускало развод, но столь усложняя процедуру, что практически делало его неосуществимым. В Германии для расторжения брака требовалось установление в суде факта прелюбодеяния одного из супругов. Юриспруденция исходила из принципа: «В брачном праве должна защищаться не индивидуальная свобода, а сам институт брака — независимое от воли супругов нравственное и правовое установление». В ответ все громче звучали голоса протеста. В Париже образовался «Комитет реформы брака», в который входили такие популярные личности, как автор знаменитой «Синей птицы» Морис Метерлинк, литератор Октав Мирбо и др. Реформаторы добивались равных прав и обязанностей супругов, упрощения процедуры развода, признания приоритета индивидуальной свободы над принуждением, «ибо свобода всего лучше гарантирует постоянство любви». Усилия либералов находили поддержку в мелкобуржуазной среде и постепенно вознаграждались: кривая разводов неуклонно росла. За период с 1900 по 1924 г. количество разводов в странах Европы увеличилось на 160%. При этом статистика, естественно, не могла учесть все распавшиеся браки — по обоюдному уговору или по причине «безвестной» отлучки кого-либо из супругов.

Не менее удручающе обстояло дело с внебрачными рождениями. В период 1896—1905 гг. они составили в среднем от общего числа населения около 5—10%. Война еще более усугубила ситуацию и сказалась на заметном увеличении этих показателей. Рост числа внебрачных детей имел серьезные последствия: будучи наиболее уязвимыми и незащищенными в социальном плане, незаконнорожденные граждане чаще всего пополняли собой армию люмпенов, безработных, потенциальных преступников. В декабре 1905 г. в Париже была арестована шайка малолетних воришек, орудовавшая на улицах и в магазинах. Ими командовала 13-

летняя Элиза Кайль, по прозвищу «прекрасная Альета». Очаровательное маленькое создание в длинном платье и громадной шляпе самого модного покроя с беспримерным самодовольством поведало в полиции, что «все славные ребята — ее любовники, а она сама — счастливейшая из женщин».

Судьба тех, кто родился «с серебряной ложкой во рту», — детей обеспеченных буржуа разительно отличалась от судьбы беспризорных «гаврошей». Трибун II Интернационала Жюль Гед, находясь в тюрьме, писал: «Все чаще и чаще обычные функции семьи выполняются за деньги. Наемные няньки и кормилицы баюкают ребенка, одевают, умывают, водят его гулять. Наемный гувернер сопровождает маленького господина повсюду, а преподаватели учат всему, чего чаще всего не знают ни мамаша, ни даже папаша. Буржуазия лишь сохраняет видимость семьи, которая на самом деле уже превратилась в денежную кассу». Но обладателям толстых кошельков было важно не только сохранить свои капиталы, но и приумножить их. Удачная женитьба вполне могла поправить дело. Брачный рынок щепетильностью не отличался: отпрыски разорившихся аристократов с радостью шли в зятя к фабрикантам мясных консервов, а вчерашние гимназистки «вылавливали» скрюченных подагрой миллионеров. Отставные генералы, поступившись прирожденным антисемитизмом, сватали сыновей за дочек еврейских банкиров. Сам Бисмарк по-солдафонски добродушно рекомендовал браки «между христианскими жеребцами и еврейскими кобылами».

На этом фоне образ жизни художественной интеллигенции являлся вопиющим вызовом официальной морали. С конца тридцатых годов XIX в. парижский район Монмартр стал превращаться в прибежище художников, студентов, восторженных романтиков, которые селились со своими очаровательными подругами в нетопленых мансардах и на пыльных чердаках. Отношения молодых людей отличались большой непринужденностью, но вместе с тем не походили на мимолетные связи. Беспечные натурщицы, швеи, модистки, которых парижане называли гризетками, хранили относительную верность своим избранникам. Они не рассчитывали на материальное вознаграждение, а, наоборот, своим личным трудом старались облегчить полуголодное существование романтического союза. Любовную идиллию Монпарнаса и Латинского квартала описывал еще Луи Мерсье в «Картинах Парижа», а ее классическое изо-

бражение дал Анри Мюрже в «Сценах из жизни богемы» (1851), которые послужили основой знаменитой оперы Д. Пуччини.

Однако суровая действительность «Нового Вавилона», как называли столицу Франции, мало подходила для безоблачных идиллий. Гонимые нуждой вольные художники постепенно перебирались на другой берег Сены, на холм Монпарнас. В канун войны Монпарнас еще оставался довольно убогим захолустьем. Один из писателей утверждал, что в тогдашних ночлежках бедняки спали стоя, держась за веревку, чтобы не упасть, а на заре хозяин заведения будил всех сразу, отвязывая опору. Центром притяжения интернациональной богемы стали четыре кафе, расположенных поблизости пересечения бульваров Монпарнас и Распай: «Кафе дю Дом», «Куполь», «Ротонда» и «Клозери де Лиля». Сюда приходили Пикассо, Ривера, Модильяни, Леже, Аполлинер и многие другие, тогда еще непризнанные гении, которые впоследствии составили славу мирового искусства. Именно здесь вызревали ростки бунтарской половой морали.

Параллельно существовал и другой, буржуазный Париж, отражающийся в витринах казино, кафешантанов и дорогих магазинов. Этот город сбивался с ног в поисках удовольствий, он искал их на Елисейских полях и Больших бульварах, в изысканных салонах мадам де Ноай и мадам Мульфельд, ломился на русский балет Дягилева, срывал Гран-при на ипподромах, прогуливался в шикарном экипаже по Булонскому лесу. Возбужденная публика ежевечерне заполняла танцевальные залы Табарин и Булье. Кафешантаны сотрясались от звуков канкана, декольтированные актрисы представляли «живые картины», усатые красавцы-борцы сводили с ума экзальтированных дам, стрекотали первые киноаппараты братьев Люмьер.

Туманный Альбион тоже старался не ударить в грязь лицом: сады «Аполло», «Уоксхолл», «Пантеон» прославились как центры развлечений. Балы начинались после полуночи и продолжались до 4—5 утра. Леди и джентльмены являлись на них в вечерних туалетах, предварительно просмотрев программу в варьете или отужинав в фешенебельном ресторане. Любое приключение не могло обойтись без легкого флирта, участия обольстительной доступной женщины. Оперные примадонны, звезды кордебалета, аристократки сомнительного происхождения образовывали особый, замкнутый мир продажных кокоток, который с легкой

руки А. Дюма-сына назывался «демимонд» («полусвет»). Все дамы полусвета находились на содержании у богатых покровителей, бесконечно интриговали друг против друга, могли иногда для разнообразия искренне влюбиться и обожали оказываться в центре внимания падкой на сенсацию публики. Золотом или собственным телом они расплачивались с влиятельными журналистами, которые создавали им рекламу в столбцах светской хроники. По существу, полусвет и примыкавшие к нему международные авантюристки, разъезжавшие по Европе с большой помпой, представляли собой верхний, элитный слой заурядного «рынка любви».

Уничтожить проституцию оказалось не под силу и в век электричества. Итальянский психиатр и криминалист Ч. Ломброзо (1835—1909) выдвинул гипотезу «врожденной проститутки», согласно которой продажные женщины, так же, как и преступники, обладают особыми антропологическими стигматами, передающимися по наследству и определяющими их судьбу. Разделявший эти взгляды русский венеролог В. Тарновский утверждал: «Уничтожьте пролетариат, распустите армию, сделайте образование доступным в более короткий срок, дайте вступить в брак всем желающим, гарантируйте им спокойствие в семейной жизни и тогда... и тогда все-таки будет существовать проституция». При всей спорности исходных посылок опровергнуть эти утверждения не удалось до сих пор. Вождь немецкой социал-демократии А. Бебель (1840—1913) признавал: «Таким образом, для буржуазного общества проституция становится таким же необходимым инструментом, как и полиция, постоянное войско, церковь, предпринимательство».

Надежную статистику о размахе проституции в Европе привести просто невозможно. Цифры, фигурирующие в различного рода отчетах и исследованиях середины XIX — начала XX в., сильно отличаются и противоречат друг другу. Отчасти это объясняется объективными причинами: латентным, скрытым, характером проституции, сезонностью ее проявлений, текучестью «кадрового» состава. С другой стороны, исследователи, как правило, применяли несовершенные или несопоставимые методики подсчета. По различным оценкам, число проституток в Париже последней четверти XIX в. колебалось от 14 до 120 тысяч. В 1896 г. в Берлине, по утверждению П. Дюфура, их было 50 тысяч. Официальные источники указывают, что в Кельне предвоенных лет было 7 тысяч проституток, в Мюнхене — 8 тысяч. Вместе с тем такой солидный специалист, как А.

Молль, определял общее количество проституток в Германии в 1,5 млн. женщин. Викторианская Англия лицемерно отказывалась признать существование проституции. Однако тот же П. Дюфур насчитал в Лондоне «3335 тайных публичных домов, питейных заведений, павильонов и тому подобных притонов. В Ливерпуле насчитывалось в 1856 г. 770 публичных домов, в Манчестере — 263, в Эдинбурге — 203, в Глазго — 204». Вена, Варшава и Петербург* ничем не уступали другим центрам. При всей противоречивости имеющихся данных общий вывод не вызывает сомнений: проституция при капитализме приобрела массовый организованный характер.

Предприимчивые дельцы вкладывали в проституцию средства точно так же, как в любые другие выгодные предприятия. Посреднические конторы повсюду выискивали новые кадры, устраивали девушек в качестве прислуги в подозрительные заведения, уговаривали или заставляли поехать за границу. Особенно много женщин было вывезено из Венгрии, Польши, Румынии, Галиции в Аргентину, Бразилию, на Ближний Восток. Нелегальная деятельность этих контор была хорошо известна полиции, но, получая огромные взятки, она и не собиралась «резать кирицу, несущую золотые яйца». Перед войной Буэнос-Айрес превратился в крупнейший международный центр торговли живым товаром. Затраты никого не смущали, ибо с лихвой окупались; открытие комфортабельного борделя в Будапеште обошлось более чем в полмиллиона, а одно из заведений Берлина имело основной капитал в миллион марок и выплачивало вкладчикам по 20% дивидендов. Заведения процветали, от посетителей не было отбоя. С них, кроме установленной цены за «услуги», взымали плату за вход, спиртные напитки, чаевые персоналу. В Париже вход в более или менее приличное заведение стоил 20 франков плюс столько же за непременно бутылку вина. Профессор А. Флекснер, в течение ряда лет обследовавший по поручению американского Бюро социальной гигиены ситуацию в Европе, приводит данные одного из своих источников: «Ежегодные расходы по проституции в Германии достигают 300—500 миллионов марок. Этой цифре можно противопоставить бюджет прусского правительства на всю его воспитательную систему: на нужды университетов, школ первой и второй ступени, всех технических и ремесленных институтов истра-

* О проституции в России подробнее рассказывается в главе VIII.

чено было в 1909 году немного меньше 200 миллионов марок».

Обитательницы большинства публичных домов находились чуть ли не в рабской зависимости от своих хозяев. Пропуская через себя до 50 клиентов в сутки, они тем не менее едва сводили концы с концами. Даже туалеты, которые они носили, не являлись их собственностью, а львиная доля заработка уходила на компенсацию проживания, питания и оплату элементарных потребностей. Режим таких заведений обыкновенно был весьма суров. Стены и массивные двери обивались войлоком, чтобы не были слышны звуки разыгравшихся оргий и крики страдающих жертв. Для привлечения клиентуры хозяева стремились регулярно обновлять состав*, привлекали не только экзотических негритянок, но и настоящих монстров с физическими и психическими аномалиями, нимфоманок, подростков и детей.

Малолетние пользовались особенным спросом, цены на них были так велики, что соблазненные материальной выгодой родители иногда сами торговали невинностью собственных детей. В других случаях сводники и содержатели прибежали к подкупу прислуги. В начале века в Бордо состоялся скандальный процесс: домашняя прислуга доктора Дельмона каждый вечер подпаивала хозяев снотворным и впускала растлителей в спальню к их детям — 12-летней девочке и 9-летнему мальчику. По свидетельству А. Бебеля, в 1890 г. в Будапеште была раскрыта компания состоятельных господ, сделавшая своими жертвами несколько тысяч девочек в возрасте от 12 до 15 лет. Детская проституция приобрела значительные масштабы. Юные парижские продавщицы цветов, «испорченные создания» подсаживались в наемные экипажи и на ходу выполняли прихоти седоков. В Лондоне не достигшие совершеннолетия девушки похищались и подвергались насилию массами. Злоупотребления такого рода были обнародованы на страницах «Пэлл-Мэлл газет»: девочки заманивались щедрыми посулами в глухие кварталы, запугивались, избивались, а затем передавались в тайные притоны. Когда невинных жертв не хватало, в ход пускалась откровенная спекуляция так называемыми заштопанными девственницами, т. е. девицами, у которых целостность гимена восстанавливали оперативным путем. Другую разновидность составляли «вечные девствен-

* Нередко подозрительные гостиницы и тому подобные заведения недвусмысленно рекламировали себя: «Еженедельно новая прислуга».

ницы», которые допускали все, кроме единственного освященного римско-католической церковью способа отношений.

Естественные отношения между полами переживали кризис. Еще во времена Второй империи (период правления Наполеона III, с 1852 по 1870 г.) в Париже существовал клуб гомосексуалистов «Алле де Вэвэ», членами которого являлись финансисты, сенаторы, аристократы и военные. Их «интимными друзьями» были драгуны — нижние чины полка имени императрицы Евгении и Гвардейской сотни императора, которые получали за свои услуги вознаграждения и богатые подарки. Следствие по делу «Алле де Вэвэ» быстро прекратили, ибо «процесс этот, кроме позора, ничего бы не принес и никого бы не исправил». Немалой притягательной силой для гомосексуалистов оставался Берлин: предполагалось, что в нем проживает не менее 30 000 лиц отклоняющегося поведения, существует около 40 гомосексуальных домов свиданий, от тысячи до двух тысяч мужчин занимаются гомосексуальной проституцией. А. Флексер отмечал: «Я считаю Берлин главным центром этой формы проституции. На некоторых главных улицах имеются «бары», которые могут быть посещаемы исключительно женщинами и, наоборот, такие, в которые женщинам доступ запрещен; от времени до времени устраиваются большие гомосексуальные балы, посещаемые только лицами одного пола. Я видел такой бал, на котором присутствовало около 150 пар, исключительно мужчин». Гомосексуальные балы по форме ничем не отличались от общепринятых: отражаясь в многочисленных зеркалах, толпа разряженной публики выделяла замысловатые па и прохлаждалась в буфете напитками. Разница была небольшой, но принципиальной: партнершами выступали даже мужики и зеленые юнцы, переодетые в женское платье...

Век электричества вписал в историю однополой любви несколько ярких и драматических страниц. К таким именам гомосексуалистов прошлого, как Микеланджело, Шекспир, Бенвенуто Челлини, Байрон, Шелли прибавились новые и не менее громкие: Оскар Уайльд, П. И. Чайковский, Август Стриндберг, Уолт Уитмен, Марсель Пруст, Андре Жид, Жан Кокто, Сергей Дягилев, Михаил Кузмин... Палитра переживаний этих творчески высокоодаренных людей была сложна и противоречива. В них причудливо сочетались элементы мизогинии, стремления к одухотворенности, освобождения тела из-под власти инстинкта размножения и неодо-

лимых влечений. Каждый по-своему старался приспособиться к окружающей действительности. Одни пытались подавить и скрыть свои страсти, другие — более или менее откровенно шли у них на поводу, для третьих — осознание собственной отверженности тяжким бременем ложилось и на судьбу, и на творчество. Психофизиологические отличия также были существенны. Наряду с классическими гомосексуалистами среди них встречались так называемые урнинги, отношения между которыми предполагали в первую очередь высокую степень духовной близости, а в сексуальном плане ограничивались взаимными манипуляциями с половыми органами. Отмечались случаи искренней влюбленности, сопровождавшиеся всем традиционным ритуалом ухаживания и даже завершавшиеся нелегальным «бракосочетанием». Но такие идилии были сравнительно редки. В условиях жесткого общественного контроля гомосексуальные связи постоянно находились под угрозой разоблачения, неизбежно омрачались шантажом и вымогательством, приводили к крушению репутации и глубокому внутреннему кризису.

Индивидуальное своеобразие проявлений гомосексуальности находит выражение в конкретных исторических примерах. Оскар Уайльд, сын хирурга сэра Уильяма Уайльда, родился в Дублине в 1854 г. Там он окончил училище Святой Троицы, получил золотую медаль за успехи в занятиях греческим языком. Затем с отличием окончил колледж Святой Магдалены в Оксфорде, в 1878 г. получил ученую степень и в дальнейшем посвятил себя литературной деятельности. Признание и популярность пришли к Уайльду рано. Им написан философский роман «Портрет Дориана Грея», несколько блестящих комедий («Веер леди Уиндермир», «Идеальный муж», «Как важно быть серьезным»), драма «Саломея», в которой должна была играть сама Сара Бернар. В 1884 г. Уайльд обвенчался с мисс Ллойд, имел от этого брака двух сыновей. Воинствующий эстет и эпикуреец, редкостный остроумец, чьи ядовитые реплики с восторгом повторялись публикой, Уайльд едва ли не демонстративно чуждался общепринятой морали. Его вызывающий образ жизни — многочисленные похождения, неверность жене, близость к компании некоего Альфреда Тейлора, подозревавшегося в содержании тайного дома свиданий гомосексуалистов, — немало шокировал чопорных лондонцев. Уайльд поддерживал дружеские отношения с молодым лордом Альфредом Дугласом, сыном маркиза

Куинсберри. Маркиз, справедливо полагая, что эта дружба кладет пятно на репутацию сына, жаждал скандала, публичного разоблачения дерзкого совратителя. Не слишком выбирая средства, он написал самые грубые и недвусмысленные оскорбления на визитной карточке и передал ее Уайльду через швейцара привилегированного клуба «Альбомарль». Тайное стало явным: все то, о чем ранее лишь шушукались по темным уголкам, всплыло наружу. Защищая свое имя и положение в обществе, писатель вынужден был обратиться в суд, обвинив маркиза в клевете.

Этот шаг оказался для Уайльда роковым. Судебное разбирательство вылилось в перетряхивание грязного белья и обратилось против него самого. По существу, процесс распался на две части. Первая — «Уайльд против маркиза Куинсберри» (3—5 апреля 1895 г.) и вторая — «Маркиз Куинсберри против Уайльда и Тейлора» (6 апреля — 26 мая 1895 г.). Возбуждая дело о клевете, писатель слишком передоверился эмоциям и не внял голосу рассудка. Его отношения с Альфредом Дугласом, которому в ту пору было около 24 лет, отличались неуравновешенностью и напряженностью. На протяжении всего их знакомства, состоявшегося в 1891 г., Уайльд не раз испытывал на себе истерические выходки молодого друга и во всем потакал ему. Альфред откровенно ненавидел собственного отца, письменно грозил ему тюрьмой и расправой за вмешательство в личную жизнь, всячески подстрекал Уайльда к решительным действиям. С другой стороны, Уайльд надеялся на негласную поддержку и покровительство некоего высокопоставленного лица, которое тоже фигурировало в деле, но так и не было названо. Расчеты эти не оправдались. Судья Керзон хорошо подготовился к процессу, собрал множество неопровержимых улик. В ходе перекрестного допроса обнаруживались все более компрометирующие подробности странного интереса Уайльда к 16—20-летним мальчишкам, которым он делал дорогие подарки, снимал комнаты, возил за свой счет в Париж... Уайльд защищался виртуозно и не раз ставил своих судей в тупик парадоксальными рассуждениями о любви, красоте и зле*. Однако давление оказалось столь сильным, что он постепенно исчерпал все ресурсы красноречия. Тяжелым ударом явилось известие, что таинственное высокопоставленное лицо спешно покинуло Англию и отправилось путешествовать. Вместо обвинений мар-

* В судебном отчете то и дело попадаются ремарки о поведении публики: «Смех», «Аплодисменты».

кизу Куинсберри судья все чаще выдвигал аргументы против Уайльда. Раскрылась пикантная история 1893 г., когда писатель еле выкрутился из щекотливого положения. Взбалмошный Альфред Дуглас подарил как-то платье со своего плеча одному из подростков, отиравшихся вокруг Тейлора. Все бы ничего, но в кармане пиджака обнаружилось подозрительное письмо, адресованное Уайльдом Дугласу. Завладевший письмом парень очень нуждался в деньгах, поэтому он пренебрег хорошими манерами и принялся шантажировать писателя. Хотя записка и не содержала прямых доказательств, Уайльд вынужден был признать, что в свое время выкупил ее за 15 фунтов стерлингов «как собственный автограф». Процесс двигался к трагикомической развязке. Встревоженный адвокат писателя выразил удовлетворение ходом расследования и потребовал прекратить дело. Суд не возражал, однако тут же выдвинул обвинения против бывшего истца. Вечером пятого апреля 1895 г. Уайльда арестовывают. Он был признан безусловно виновным и получил максимальное наказание — два года заключения. Недавний кумир публики отбыл свой срок «от звонка до звонка» в тюрьме ее величества Рэдинг в Беркшире...

Другая драматическая история произошла в России. К сожалению, запутанные обстоятельства смерти П. И. Чайковского гораздо лучше известны за рубежом, чем на его родине. Доморощенные блюстители нравственности тщательно ограждали тайну великого композитора. Однако нет никаких сомнений, что психосексуальные особенности личности никак не могут уронить достоинства человека, а тем более влиять на оценку его вклада в сокровищницу мировой культуры. Согласно официальной версии П. И. Чайковский скончался от холеры в 1893 г. Отпевание состоялось в Казанском соборе Петербурга, огромная толпа сопровождала гроб до Александро-Невской лавры, где он был погребен с необыкновенными почестями. Выражения скорби и признательности были огромны, такого всенародного прощания удостоился ранее лишь Ф. М. Достоевский. Немногие знали горькую правду: Петр Ильич покончил с собой по приговору суда чести выпускников юридического училища, к числу которых он принадлежал.

Еще за несколько лет до этого по столице передавались невнятные слухи, будто Чайковский состоял в связи то ли с сыном какого-то генерала, то ли с наследником престола. Скорее всего это были всего лишь грязные сплетни, хотя друг композитора, великий князь Константин Романов

давал для них основание. Родовитый меценат, автор лирических стихов и романсов, переводчик Шекспира и любитель изящного действительно подозревался в содомии, Петр Ильич — человек необыкновенного душевного склада, подлинный гений, мятущийся, сомневающийся и часто недовольный собой, весьма болезненно переживал глубоко запрятанную тайну. Она отравляла ему жизнь, заставляла упорно и безнадежно насиловать свою природу. Когда-то в молодости он страстно влюбился в певицу Дезире Д'Арто, даже сделал ей предложение, но получил отказ. Позднее Чайковский все же отважился на решительный поступок и женился на Антонине Ивановне Милюковой. Более неудачный выбор вряд ли можно было сделать. Как утверждает Ю. Нагибин, супруга композитора обладала неукротимым темпераментом и «в первую же брачную ночь его постиг нервный припадок, он кричал, трясся, плакал, терял сознание...». С помощью самоотверженного ангела-хранителя Надежды фон Мекк гордые узел супружеских отношений удалось разрубить. Однако Антонина Ивановна еще долго держала бывшего супруга на «коротком поводке»: несколько раз она предлагала ему усыновить появившихся у нее детей, чем немало способствовала развитию черной меланхолии. В конце концов, просвещенная «доброжелателями», фон Мекк отказала композитору в расположении.

Удар был тяжким, к тому же по времени он совпал с мучительными переживаниями и предчувствиями разоблачения. В руки одного из однокашников Чайковского, служившего в канцелярии государя, попало письмо некоего барона, в котором он жаловался, что композитор якобы совращает его сына. Посчитав, что обвинение кладет пятно на все дворянское сословие, канцелярист потребовал суда чести. Приговор был единодушным: либо огласка и публичное расследование, либо добровольный уход из жизни... Говорят, император Александр III, узнав истинную причину смерти любимого композитора, воскликнул со слезами: «Экая беда! Баронов у нас хоть завались, а Чайковский один!...»

Начало XX столетия в Германии ознаменовалось громким процессом графа Куно-Мольтке. Осенью 1906 г. журналист Гарден предал гласности факты странной и подозрительной дружбы, связывающей некоторых аристократов и членов высшего общества. Все они группировались в замке Либенберг вокруг принца Филиппа фон Эйленбурга, образуя союз «Круглого стола». Одним из наиболее приметных

среди них оказался граф Куно-Мольтке. Граф, вынужденный выйти в отставку, заявил протест против разоблачений Гардена. Слушание дела изобиловало массой скандальных подробностей. Журналист отказался от прямых обвинений, но утверждал, что дружба графа Мольтке с принцем носила эротический характер. Бывшая жена графа показала на допросе, что он больше всего на свете любит своих друзей, обнаруживает по отношению к ним необыкновенную нежность и предупредительность, а семейную жизнь называет «свинством». По ее словам, вскоре после венчания граф отказался от супружеских прав, пояснив, что этого желает принц «Фили». Чтобы избежать всяческих соблазнов, граф якобы спал дома не раздеваясь и по первому требованию друга отправлялся к нему в замок. Обвиняемые отрицали эти показания, ссылаясь на личную неприязнь свидетелей. Поскольку прямых доказательств не было, оставалось предположить, что великосветская пара вела образ жизни урнингов. В конце концов суд освободил их под крупный денежный залог.

Скандал получился отменный, однако рядовому обывателю хватало забот и в обыденной жизни. Подрастающее поколение развращалось с самого детства — в семье, школе, закрытых пансионатах. Не только посторонние, но и сами родители иногда вели себя по отношению к детям безнравственно. Примеры тому находятся и в уголовной хронике, и в специальных исследованиях, и в художественной литературе. Эжен Сю в «Парижских тайнах» отмечает, что связь отца с дочерью не была редкостью среди обитателей «дна». И. Блох приводит эксquisite вариант: один молодой человек состоял в связи с мамашей и ее двумя дочерьми, одновременно являясь пассивным партнером для главы этой семейки. В больших городах распространился тип «большой дочери», «полудевы» — развращенного взрослыми подростка, с юных лет познавшего порок. В кадетских корпусах воспитанники по ночам читали рассказы Катюля-Мендеса и устраивали состязания по онанизму: тот, у кого семяизвержение наступало раньше, получал купленный вскладчину приз.

Что можно было ожидать от подростков, если взрослые сами прибегали к изощренным способам полового удовлетворения? Не кто иной, как граф Оноре Мирабо, депутат Национального собрания от третьего сословия, описал в эротическом романе 1786 г. так называемый *godemiche* («наслаждайся мной») — механический искусственный фал-

лос: «Этот инструмент в точности походил на естественный мужской член. Единственная разница заключалась в том, что сверху донизу он имел волнообразную поверхность, с той целью, чтобы трение ощущалось сильнее. Он был сделан, весь из серебра, но благодаря очень прочной лакировке имел натуральный цвет. Он был легкий, с тонкими стенками, а внутри был полый; посередине проходила круглая серебряная трубочка, приблизительно вдвое толще гусиного пера, а в ней поршень; трубочка была плотно привинчена к стержню, просверленному и припаянному к основанию головки. Таким образом, вокруг этого маленького шприца внутри стенок оказывалось пустое пространство. Член плотно закупоривался отлично пригнанной пробкой с отверстием посередине, пропускавшим только начальный конец маленького шприца. Стальная спиральная пружина, раскручиваясь, приводила стержень поршня в движение. Godemiché наполняют горячей водой такой температуры, чтобы она только не обжигала губ, затем закрывают отверстие пробкой, к которой приделано кольцо, чтобы можно было вытаскивать ее, и наполняют маленький шприц, вытягивая поршень, жидким раствором рыбьего клея, окрашенного в белый цвет. Теплота воды передается тотчас же рыбьему клею, очень похожему на человеческую семенную жидкость...» По утверждению А. Розенбаума, помимо столь технически сложных приспособлений, в целях онанизма использовали «карандаши, палочки сургуча, пустые катушки, вязальные спицы, шнуровальные шпильки, тамбурные крючки, игольники, наперстки, стеклянные и другие пробки, свечи, стаканчики, рюмки, зубочистки, зубные щетки, банки от помады, майских жуков (!), куриные яйца и особенно часто головные шпильки». Почтенный доктор добавляет, что «в 1862 г. употребление головных шпилек для онанизма было так распространено, что один хирург придумал даже особый инструмент для их извлечения из половых органов».

Фабричные гудки вспугнули обывательское болото, мораль не выдерживала испытания электрическим шоком. Общество буквально потрясали взрывы насилия и болезненного сладострастия. История «Джека Потрошителя», сексуального маньяка и убийцы из Уайтчепеля навела настоящий ужас на англичан в начале XX в. Не менее зловещее впечатление произвел процесс «сладострастного убийцы» Фрица Хаармана в Германии: сорокалетний тайный агент полиции, с многими судимостями в прошлом, в тече-

ние двух лет с необыкновенной жестокостью убил у себя на квартире 27 юношей. Он выкалывал своим жертвам глаза, перегрызал зубами горло, скальпировал трупы и совершал с ними половые акты. Чувственная жестокость проявлялась и в различных формах флегелляции: сковывании, связывании истязаемых, применении щипцов, узких ботинок на манер «испанского сапога», специальных корсетов и т. д.

В конце XIX в. стремление испытывать боль и физические мучения при половом акте обрело наконец своего пророка. Хотя еще Ж. Ж. Руссо описывал в «Исповеди» сладострастный восторг от сечения по голым ягодицам, им по праву стал Леопольд фон Захер-Мазох (1836—1895). Будущий родоначальник мазохизма родился во Львове, в семье еврейских выходцев из Испании. Его прадед сражался под началом Карла V с князьями-протестантами, а отец женился на славянке и осел на ее родине в Галиции. Мазох получил блестящее образование, преподавал историю в университете города Грац, воевал добровольцем против Пруссии в войне 1866 г., в 80-е годы издавал политический журнал в Лейпциге, затем недолго жил в Париже, а в 1890 г. окончательно переселился в Линдгейм, где и скончался. Мазох был прежде всего писателем, причем весьма плодовитым, незаурядным и разносторонним. Вскоре после того как его роман «Граф Донской» о польском восстании 1846 г. получил признание читателей, он оставил научное поприще ради занятий литературой. Его рассказы из еврейского и галицийского быта пронизаны поэтическим очарованием и романтикой таинственного. Но Мазох писал и острые политические памфлеты, пьесы, обличающие австрийскую и прусскую аристократию, вполне реалистические романы. Оценка художественных достоинств этих произведений — дело специалистов, во всяком случае нелишнее напомнить, что некоторые критики сравнивали его с Гоголем, Тургеневым, Гейне и Брет-Гартом. Однако самый заметный след Захер-Мазох оставил как автор «Венеры в мехах» — страстного гимна добровольному самоунижению. Герой романа Северин видит смысл любви в физических и моральных страданиях, причиняемых сильной и решительной женщиной, современной амазонкой. Своеобразным продолжением этой темы явились мемуары жены писателя Ванды фон Захер-Мазох «История моей жизни», увидевшие свет уже после его смерти.

Конечно, термин «мазохизм» появился значительно позже, чем само описываемое явление. Еще в древней пер-

сидской поэзии утверждалось, что любовь по самой своей природе — боль, поэтому не удивительно, что между сладострастием и мучительством существует неразрывная связь. Примеры мужского и женского мазохизма встречаются в истории постоянно, немало классических образцов дал и XIX в. Полунический поэт-романтик Жерар де Нерваль (1808—1835), увлекшись заурядной эстрадной певицей, влез в непомерные долги, но купил помпезное ложе, принадлежавшее ранее королевской куртизанке. Именно на нем жестокая любовница принимала поклонников, доставляя невыразимые страдания своему обожателю. Тот же Нерваль сошелся с вывезенной из Египта негритянкой и на расспросы друзей кротко отвечал, что семейная жизнь ограничивается для него ежедневными побоями. Мазохисты отличались неистощимой фантазией в придумывании различных способов удовлетворить свою похоть: они заставляли кусать себя, царапать, выдергивать волосы, прижигать огнем, сечь розгами, плетью, ремнем, устраивать допросы «с пристрастием», сажать в подземелье и т. д. Иногда мазохисты прислуживали своим господам в виде домашнего животного, например собаки. В этих случаях они требовали одевать на себя ошейник, подвергать порке и строгой «дрессировке» с применением хлыста. На потребу мазохистам изготовлялись довольно сложные механические приспособления и инструменты. По всей Европе развилась целая отрасль проституции, обслуживающая их нужды; в газетах можно было прочесть объявления типа «Северин ищет свою Ванду» или предложения различного рода «энергичных массажисток» и «строгих воспитателей».

Печатный станок вообще славно потрудился на благо желающих соединить свои сердца и капиталы. Почти все газеты публиковали различного рода объявления, а кроме того, имелись специализированные издания, в которых помещались десятки предложений от лиц обоего пола. Типичный воскресный номер состоял из нескольких разделов: объявления о квартирах, уроках, предложениях услуг. Среди желающих вступить в брак преобладал настолько деловой тон, что для выяснения сердечных склонностей просто не оставалось места: «Способная музыкантша желает вжениться в солидную лесоимпортную фирму», «Коммерсант с большим практическим опытом ищет чувствительную, отзывчивую особу, имеющую галантерейное дело»... Нередко рекламодатели прозрачно намекали на то, что согласны примириться с почтенным возрастом.

физическими недостатками и грешками молодости будущего избранника или избранницы. Встречались откровенные просьбы ссудить денег: соискатели, все как один «молодые» и «миловидные», обращались за поддержкой к «благородному сердцу». Иногда попадались «недавно вышедшие замуж» женщины, которые «без ведома мужа и находясь во временном затруднении» просят материальной помощи. Проститутки под видом экономок, горничных и массажисток оповещали о себе клиентов. Влюбленные спешили отменить или назначить свидание: «Сегодня, к сожалению, задержана. До 21. Вероника». Рассеянные и нерешительные умоляли «прекрасных незнакомок» опять появиться на том же месте... За газетными объявлениями скрывался целый мир страстей, не всегда доступный стороннему наблюдателю. Если Гораций некогда призывал «*capre diem*» («лови день»), то к началу XX столетия люди, судя по всему, жили под девизом «*capre horam*» («лови час»).

Опошление супружеских чувств вызвало к жизни попытки альтернатив официальному браку. Одной из них явился компаньонат, распространившийся в Германии и Соединенных Штатах. Бывший денверский юрист Бен Линдсей пришел к убеждению, что современная семья разложилась и ей на смену должны прийти новые формы брака. Он выступил с идеей компаньоната — союза, основанного на временном, взаимовыгодном соглашении, не регистрируемом законодательством. У Линдсея нашлись сторонники и последователи, но когда он попробовал добиться признания своей идеи перед конгрессменами штата Колорадо, то сразу приобрел репутацию «красного» и сделался объектом преследований «стопроцентных американцев» и куклуксклановцев. Хотя сам Линдсей категорически отвергал обвинения, неоднократно подчеркивал, что он «не революционер, а практик» и что «мнимый радикализм его идей завтра будет выглядеть консервативно», политический ярлык положил конец его деятельности. В Германии в амплу семейного реформатора выступала некая Шарлотта Бухов-Гомейер. В книге «Временный брак» она призывала к добровольному объединению мужчины и женщины на заранее определенный ими самими промежуток времени, если в результате сожителства появляются дети, то срок автоматически продлевается. Нередко жизнь даже опережала теорию. В газетах встречались такие объявления: «Д-р Адольф Редель и Патриция-Рут Редель, урожденная Шредер, вступили в свободный брак». Число таких «протестан-

тов», бросивших вызов морали, постепенно увеличивалось.

Сами женщины, каждая по-своему, тоже пытались искать пути к раскрепощению. Еще в 20—30-х годах прошлого века писательница М. Вильсон пробовала создавать особые публичные дома на абонементной основе для читательниц своих фривольных романов. Абонентки могли выбрать себе мужчину по вкусу, оставаясь при этом невидимыми. В эпоху Великой французской революции Мери Уолтонкрафт опубликовала работу «Спасение прав женщины», которая стала своего рода библией эмансипации. Постепенно это движение окрепло, получило широкий размах, приобрело немало сторонниц. Феминизм представлял собой немалую, но плохо организованную силу, выступавшую за социальные, политические и гражданские права женщин. Особенно шумную известность снискали суфражистки — участницы движения за предоставление женщинам избирательного права. Не обходилось и без курьезных попыток бороться не только за равноправие, но и за приоритет перед мужчинами. Так, например, Элиза Фарнгейм, основательница «школы неповиновения женщин» в Америке, провозглашала: «Мы требуем не равенства, а владычества. Мы лучше, умнее, сильнее мужчин; вот евангелие, которое должно спасти мир». Такие мнения высказывались и в России. Некая Л. П. Кочеткова в книге «Вымирание мужского пола в мире растений, животных, людей» утверждает: «Вымирание мужчин у передовых народов приведет сначала к смешению рас всех частей света и к установлению на земле более однородного типа человечества, а затем мужской пол угаснет вовсе и вместе с ним исчезнет последний источник неравенства, раздоров и отчуждения между людьми».

В Европе набирало силу движение за обновленную половую этику, признание моральным всего того, что вытекало из требований природы. Мировая лига сексуальных реформ, возглавляемая Августом Форелем, Хэвлоком Эллисом и др., добивалась пересмотра уголовного законодательства в отношении сексуальных меньшинств (гомосексуалистов и лесбиянок), признания неотъемлемых прав человека на свободу самовыражения в интимной сфере. То там, то тут возникали разного рода анархо-сексуальные секты наподобие той, которую возглавлял в Германии некий Мук-Ламберти. Более двух десятков молодых людей обоего пола колесили во главе с ним по всей стране, демонстрируя «откровения тела». Удовлетворив свое любопыт-

ство, благонамеренные буржуа упрятали в конце концов всю компанию за решетку.

Вообще участь сексуальных реформаторов, как правило, была незавидна. Характерна в этом смысле судьба «левого» журналиста Гуго Бетауэра, который едко обличал традиционные ценности брака. Присяжные блюстители приличий добились суда над ним, а затем искренне радовались, когда молоденький зубной техник разрядил в возмутителя спокойствия свой револьвер.

Настроения декаданса, пронизавшего всю общественную жизнь, вызывали серьезную тревогу. Предпринималось немало попыток объяснить упадок нравственности. Поль Эрнст, известный в свое время драматург, автор книги «Крушение марксизма» считал, что выдвинувшийся на историческую авансцену пролетариат враждебен не только определенной форме брака, но является принципиальным врагом брака как такового. У рабочего класса отсутствует конструктивный подход, он несет разрушительные тенденции, которым буржуазия ничего не может противопоставить. Как всегда, не обошлось без обвинений в адрес евреев: еврейство, мол, породило Маркса, Фрейда, Шницлера, Нордау, осватило их именами крах семьи и сексуальную распущенность. Это оно заставило честную женщину одеть короткую юбку и подстричься под «бубикопф» (мальчишескую головку)...

Но самая страшная угроза исходила, конечно же, из страны, где уже победила пролетарская революция. Страна эта звалась Россией, и растерянная Европа заклинала: «Мы находимся перед лицом серьезной опасности, но победа большевистской морали еще может быть предотвращена. Для этого требуется напряжение всех сил...»

Глава

8

*Довольно жить законом,
Данным Адамом и Евой,
Клячу истории загоним.
Левой!
Левой!
Левой!*

В. Маяковский

Русский синдром

Сексуальность и национальный характер. Русский образ. «Бьет — значит любит». Семья. Пресечение разврата. Крепостные невольницы. Проституция в России. Прикрепление к проституции. Военный кризис. Эксцессы предреволюционных лет. Стихия революции. Творцы «новой морали». Военный коммунизм. Возмещение по-пролетарски. Теория «стакана воды». «Без черемухи». Комсомольские страсти. Вместо заключения.

Древняя мудрость гласит, что судьба — это характер. Пожалуй, никто не станет оспаривать, что каждый народ имеет веками сложившийся национальный характер, обладает в глазах других определенными социально-психологическими чертами. К сожалению, этот национальный образ часто основывается на поверхностном знании, не соответствующем представлениям, нередко вообще мало соответствует действительности. Тем не менее стереотипы массового сознания весьма устойчивы и практически не поддаются корректировке. Так, француз в глазах русского — непременно распутный, легкомысленный малый, прыгающий из одной постели в другую и питающийся лягушками. Немец — педант и фанатичный приверженец порядка, который обязательно заводит часы и надевает колпак, прежде чем заняться любовью. Англичанин — неисправимый консерватор, итальянец — сладострастный лицемер, который не может обойтись без Девы Марии даже в публичном доме, но прикрывает божественный лик простыней, чтобы не оскорбить богохульством. Естественно, что русский народ тоже имеет свой традиционный образ.

В представлении среднего обывателя русский мужик — насуленный тугодум, который охотно пресмыкается перед более сильным и наглым. Рвать на груди рубаху, пьянствовать, бухать земные поклоны и взывать о милосердии — суть основные его занятия. Он невероятно терпелив, но его, как медведя, не следует загонять в угол — гнев и слепая ярость русского мужика страшны и необузданны. Было бы величайшей несправедливостью приписывать эти качества всему народу. Однако историческое прошлое России столь драматично и многострадально, что при желании в нем можно найти некоторые подтверждения утвердившихся стереотипов. Многовековое рабство и унижение, набеги викингов, нашествия тевтонских «псов-рыцарей», почти трехсотлетнее монголо-татарское иго не прошли для России бесследно. Русские женщины тысячами подвергались насилию, их дети и мужья угонялись в неволю, истреблялись с невероятной жестокостью. Говорить сегодня о чистоте славянской расы почти не приходится: с трудом можно найти русского человека, чья кровь в десятом—двадцатом колене не перемешалась с кровью завоевателей. Подавление национального чувства вошло в Россию в традицию, отразилось на всех сторонах жизни общества и каждого отдельного его представителя. Не менее прочего пострадала и психосексуальная конституция народа: со времен великокня-

жеского феодализма в ней возобладали мазохистические тенденции, болезненное преклонение перед мучителем и господином.

Заезжие чужеземцы немало дивились русскому своеобразию. Некий Иоганн Бакларус рассказывает, что немецкий купчина взял в жены русскую женщину, содержал ее в достатке, баловал подарками, не скупился на ласки. Жена же ходила невеселая, хмурая, с опущенными глазами и все только вздыхала. Удивленный муж не переставал допытываться о причинах, не мог понять, о чем она горюет. На настойчивые уверения в любви молодая жена отвечала: «Где уж там любите! Никаких я знаков любви вашей доселе не видывала...» Вконец озадаченный немец обнял супругу, умолял простить, если ненароком, без умысла обидел ее. Заливаясь слезами, безутешная красавица призналась, что ни на что не может пожаловаться, вот только побоев от мужа не видела, а какая уж это любовь, коли руки хозяйской не знает... Пораженный немец испробовал эту моду и даже вошел во вкус, после чего жена стала отвечать ему самым искренним чувством. В этом историческом анекдоте как в капле воды отразилась домостроевская «мудрость»: «Бьет — значит любит».

В патриархальных семьях женщины жили замкнуто. Если в доме присутствовали гости, то они могли показываться за столом только в исключительных случаях. Обычно родители решали за детей вопросы брака, нисколько не считаясь с их волей. С неверностью и распущенностью нравов боролись самым решительным и суровым образом. В допетровские времена предписывалось объезжому голове «по улицам и переулкам в день и в ночь ходить и беречь накрепко, чтоб блядни не было». Петр I прежде всего заботился о своих новых начинаниях и моральном духе армии: «Никакие блудницы при полках терпимы не будут, но ежели оные найдутся, имеют оные без рассмотрения особ через профоса (палача) раздеты и явно выгнаны быть». В 1718 г. петербургскому генерал-полицмейстеру было велено «всех гуляющих и слоняющихся людей... хватать и допрашивать». Дела о «любодействе» были изъяты у церкви и отнесены к юрисдикции светского суда.

Императрица Анна Иоанновна указом 1736 г. велит «непотребных женок и девок, находящих пропитание «от вольнодумцев», «оных допрося, буде не беглые окажутся, тех высечь кошками и из тех домов их выбить вон». Дочь Петра Елизавета ведет дело не менее решительно: указом 1750 г.

предписывается сыскивать «непотребных жен и девок, как иноземок, так и русских, кроющихся около Петербурга по разным островам и местам», отправлять их в полицию, а оттуда в острог. Немало внимания уделялось борьбе с венерическими заболеваниями. Екатерина II в 1763 г. велит допрашивать «одержимых фран-венерией» об источнике заражения и, по вылечиванию, «кои вдовы, солдатские женки и их дочери, для поселения отсылать в Нерчинск, или в какое другое место». Ссылных гнали большими партиями, без учета совершенных преступлений, нередко их сопровождали члены семей. Этапы шли долго, растягивались на месяцы, а то и годы. В пути узники подвергались невероятным лишениям и насилиям. Один из авторов сообщает: «На границе между Европой и Азией есть мост через реку Сакму. С этого моста бросаются в реку многие ссыльные женщины, будучи не в состоянии перенести позора осквернения, которому подвергаются дорогой. Даже попадьи не избегают этой участи, даже мальчики из ссыльных семей подвергаются растлению. Надзиратели часто оказываются заодно».

Арсенал борьбы за нравственность ограничивался репрессиями и административными мерами. По уставу благочиния 1782 г. «частный пристав буде усмотрит непотребного жития мужского или женского пола буде сам укрощать не может, да предложит управе благочиния». Екатерина повелела: «Буде кто непотребством своим или иного делает ремесло, от оного имеет пропитание, то за таковое постыдное ремесло отослать его в смирительный дом на полгода». Но жажда к наживе оказывалась сильнее наказания. «Одна помещица, — рассказывает Н. Игнатович, — выписывала из деревни крепостных девок, воспитывала их у себя и снабжала ими дом терпимости, содержимый ею самой». Крестьянин Саратовской губернии бесхитростно сообщил на исповеди сельскому священнику: «Бывало, наша барыня отберет девок человек тридцать, мы посажаем их на тройку да и повезем их на урюпинскую ярмарку продавать. Я был в кучерах. Сделали там на ярмарке палатку, да и продавали их. Больше всего покупали армяне. Каждый год мы возили. Уж сколько вою было на селе, когда барыня начнет собираться в Урюпино!»

По своим масштабам проституция в России вполне могла потягаться с европейскими странами. В 1858 г. в Петербурге насчитывалось 178 публичных домов, в которых содержалось 770 публичных женщин, зарегистрированных прости-

туток насчитывалось 1123, а число незарегистрированных не поддавалось учету. В соответствии с общей тенденцией количество публичных домов постепенно уменьшалось (в 1870 г. их было 270, а к 1890 г. осталось только 64), зато тайная, неконтролируемая проституция неудержимо увеличивалась.

Кадры проституток пополнялись прислужой, оставшейся без места, фабричными работницами, которым едва хватало жалованья, чтобы прокормить себя, мещанками и крестьянками, не брезговавшими побочными доходами. В отчетах медицинского департамента за 1897 г. сохранились сведения, что в Нижнем Новгороде во время контрактной ярмарки женщины всех близлежащих деревень занимаются проституцией как отхожим промыслом. В зимний период крестьянки в Ардатове успешно подрабатывали своим телом. В Оренбурге традиционно проституировали банщицы, водоноски, истопницы. Как и везде, бани превратились в слегка замаскированные публичные дома, возле которых толпились подозрительный люд. В нищем Дербенте было всего девять проституток, причем все они из-за низкого спроса занимались еще и стиркой белья. Зато Подольская и Бессарабская губернии в разгар полевых работ, особенно в урожайные годы, были наводнены сезонными работницами из Украины и России, которые торговали собой по самым доступным ценам.

Результаты официальной переписи Российской империи в августе 1889 г. показали, что 47,5% проституток были ранее крестьянками, более 30% — мещанками, остальные — дворянки, духовного звания, купеческого сословия и др. Накануне первой мировой войны в Петербурге насчитывалось сорок тысяч проституток. В 1910 г. на I Всероссийском съезде по борьбе с торговлей женщинами говорилось: «Густой сетью тайных притонов и замаскированных домов терпимости покрыт Петербург. И если бы на одну минуту удалось сорвать покров с тайной проституции столицы, то нашим глазам представилась бы изумительная картина и много добродетельных жен и порядочных женщин явились бы перед нами в совершенно другом виде».

Основным способом регламентации была замена паспорта «желтым билетом» — документом, удостоверяющим занятия позорным ремеслом. По разъяснению сената, женщина могла быть зачислена в проститутки лишь по собственному добровольному пожеланию. На деле же за отказ от «добровольного согласия» женщине грозил арест

или штраф до 500 рублей. Доктор Обозненко, профессионально занимавшийся исследованием поднадзорной проституции, выразительно описывает злключения молодой женщины, оказавшейся без средств в большом городе: «Со страхом и любопытством всматривается на другой день арестованная женщина, уже узнавшая от подруг по несчастью, куда и зачем ее привели... Перед ней проходят бесконечные толпы сытых, веселых, нарядных женщин. Как шумно и развязно они ведут себя. С каким почтением относятся к ним городовые и низшие полицейские служащие, получающие от них подачки. Содержательницы домов терпимости, уже заметившие подходящий «товар», обращаются к ней с заманчивыми предложениями. «Подчинись комитету, я сейчас же возьму тебя, одену, дам полное содержание». — «Нет, не желаю!» — отвечает она содержательнице дома терпимости; такой же ответ дает она и полицейскому чиновнику, который после долгих, непонятных ей уговоров и разъяснений предлагает подчиниться комитету. И опять начинается голодная жизнь, бесплодные поиски места, скитания по трущобным углам столицы. Через несколько дней — опять ночной арест и повторение только что описанной истории. «Вот видите, вы не нашли места, вас опять привели сюда, — говорит женщине полицейский чиновник. — Советую вам подчиниться надзору. Поймите, что вы ничего от этого не потеряете, наоборот, только выиграете: вы получите право везде ходить, ночевать, где вам вздумается; вас не будут заирать обходы, вся ваша обязанность будет заключаться в том, чтобы один раз в неделю, когда вам удобно, являться сюда к медицинскому осмотру».

Между тем аресты следуют неуклонно друг за другом; обстановка комитета с его врачебными осмотрами, толпой проституток уже не производит на женщину никакого впечатления — она присмотрелась к ним, привыкла; даже предложения подчиниться комитету более не возмущают ее; нужда достигла крайней степени, ослабила волю, притупила остроту чувств, сделала ее равнодушной к окружающему. Душою все более и более овладевает отчаяние. А места все нет и нет, и шансы на получение его уменьшаются с каждым днем; одежда пришла в ветхость, превратилась в грязные лохмотья, от обуви осталось одно воспоминание, лицо вспухло от холода и голода и приняло синевато-багровый оттенок, как у привычных пьяниц, тело покрылось расчесами и язвами от укусов насекомых. Что делать? Ехать на родину — нет денег, да и там та же нужда, которой она

хотела помочь, голодная семья, от которой она взяла последние крохи, отправляясь сюда. Сколько жалоб, упреков, а может быть, и побоев ожидают ее там. Нет, ни за что! «Подчинитесь надзору, — в 12-й — 15-й раз говорит ей полицейский чиновник. — Неужели вы и теперь еще надеетесь найти место? Посмотрите на себя — в каком вы виде. Кто вас примет такую?» Несчастливая женщина чувствует всю горькую правду этих слов, она уже примирилась с мыслью о надзоре, с неизбежностью его... В душе она считает себя честной женщиной, она еще не торговала собою, не отдавала себя первому встречному за деньги. Какая польза в этом? Ведь все, решительно все считают ее за проститутку — ее приводят сюда наряду с заведомыми развратными женщинами, подвергают вместе с ними медицинскому осмотру и, если бы она оказалась больной, ее пошлют в ту же больницу, куда направляют и проституток. «Я согласна подчиниться...» — и женщина вносится в список, а в графе причин, побудивших ее заниматься проституцией, значится «нужда» или «по собственному желанию».

Примечательно, что в России, где евреи расселялись за чертой оседлости, еврейки-проститутки пользовались правом повсеместного жительствова. В Петербурге был случай, когда молодая девушка, приехавшая для поступления на высшие курсы, смогла добиться разрешения проживать в столице, только выправив себе «желтый билет». Другой случай был в Москве: местечковая еврейка «прикрепилась» к проституции, чтобы иметь возможность ухаживать за больной матерью...

Империалистическая война выявила полную несостоятельность правящих верхов. Николай II лихорадочно тасовал членов министерского кабинета. Его неожиданные решения стали именовать «курбетами», а Совет министров — «кувырк-коллегией». Усилившееся влияние «святого черта» Григория Распутина, упорные слухи об измене генералитета еще больше роняли престиж власти. Ширились антивоенные выступления, призывы вести войну до победного конца мало кого вдохновляли. Петроград и Москва бурлили подлинными и фальшивыми страстями, наполнились фантастическими слухами, погружались в мистику и изощренный разврат. Жуткие подробности судебных хроник шекотали нервы обывателей. Страницы российских газет пестрели сенсационными заголовками: «Убийство на набережной», «Очаги кокаинистов», «Подделки в искусстве», «Спекуляция сахаром», «Мародерство» и т. д. Москва и Петроград

были переполнены очередями, в стране наступал голод, продукты продавали по купонам, неуклонно росли цены. Бытовые условия многолетних семей мещан и мелких производителей были ужасны. Родители и дети ютились в подвалах, душных, маленьких комнатах. Здесь же готовилась пища, разгорались дикие пьяные скандалы. Дети с ранних лет знакомились с изнанкой жизни, присутствовали при нескромных разговорах, спали вместе со взрослыми в одной постели. Один из очевидцев сообщает, что видел в рабочем общежитии пьяную девочку 6—7 лет, которая ругалась самыми скверными и непотребными словами, изгибала худенькое тельце в рискованных и неприличных позах под оглушительный хохот родителей и их собутыльников.

В обстановке хаоса и разрухи господствовали насилие, разгул преступности и чувственных страстей. «Пир во время чумы» — так характеризовали газеты сложившуюся ситуацию. «Наш тыл, — писали они, — остался без хлеба и мяса, но с шампанским и бриллиантами...» Последние предреволюционные годы в России отличались особенно напряженной сексуальной экзальтацией. Во всех слоях общества наблюдались такие эксцессы, которые иначе как патологией не назовешь. Более всего они были распространены в среде бешено обогатившихся спекулянтов, артистической богемы, деклассированных элементов. Характерное наблюдение приводит психиатр Е. Краснушкин. 35-летняя женщина, известная в декадентских кругах поэтесса, с детства испытывала болезненное наслаждение, когда отец, военный фельдшер, порол ее ремнем. Для того чтобы подвергнуться наказанию, она часто проказила нарочно. Первый брак с неким графом оказался неудачным: муж обладал ослабленным влечением и не мог удовлетворить ее ненасытных желаний. Получив «отступное» за развод, она едет в Париж, с головой отдается пороку, посещает притоны, открыто поддерживает гомосексуальные связи с молодыми женщинами, пристращается к наркотикам. Окончательно опустившаяся, промотавшая остатки состояния, кое-как добирается до Петрограда, где зарабатывает на жизнь устройством эротических представлений: приводит с биржи безработных актрис и совершает с ними любовные акты в присутствии зрителей, которые оплачивают вино, стол и зрелище. Талант ее явно оскудел, в последнее время она пишет лишь довольно убогие строфы, посвященные своим подругам:

*Любви священной я не знала,
Не знала я девичьих грез,..
Потомства в браке не искали,
И не плела венки из роз...
Меня все вдалеке манили встречи,
Манил пороочно яркий грех,
Подруг влюбленных страстность, грезы,
И их гнетуще-скрытый смех...
Я в их кругу была вакханкой...
Пила их ласки — лаской тел...
Не раз пленялась я смуглянкой,
Не раз с блондинкой грех был смел.
Я их любила дни и ночи,
В сплетенях тела на пути...
Любила неги полной очи,
Любила сон на их груди...
Но все прошло... Все безвозвратно,
Я поняла, что все обман...
Что не вернуть свой путь обратно,
Что жизнь моя — сплошной дурман.*

Традиционные устои нравственности расшатались до основания. Экономика была подорвана, в стране бушевала анархия, сложилась революционная ситуация. Как известно, плодами ее в конечном итоге воспользовались большевики. Захват власти в октябре 1917 г. сопровождался вспышками сексуального насилия. «Братишки-матросики» при взятии Зимнего дворца изнасиловали несколько защитниц последнего оплота монархии из знаменитого женского батальона. В так называемых зиновьевских письмах (авторство которых, впрочем, не доказано) приводятся и другие аналогичные факты: «Советская власть дала комиссарам чрезвычайные полномочия... Солдаты артиллерийского гарнизона в Мурзилковке расправились с шестьюдесятью женщинами и девушками из семей буржуазии и спекулянтов». Революционная стихия выплеснула наружу отвратительную человеческую накипь, вызвала к жизни целую вакханалию вандализма. Неприкрытый разбой, хулиганство, групповые изнасилования превратились в массовое явление. Нарком здравоохранения РСФСР Н. А. Семашко оправдывался: «Было бы странно ожидать, что среди населения, которое царизм держал веками в тройных цепях, не развяжутся после падения царизма элементарные инстинкты».

Октябрьская революция положила начало трагическому и до сих пор продолжающемуся эксперименту по замене традиционных семейных ценностей бесплодными идеологическими догмами. Выстраданный тысячелетний опыт чело-

вечества перечеркивался одним махом. «Долой вашу любовь», «долой ваше искусство», «долой ваш строй», «долой вашу религию» провозглашал поэт В. Маяковский под восторженным ревом доморошенных ниспровергателей. Упоенные победой «архиреволюционеры» и вправду возомнили себя творцами новой морали, которую попытались навязать потрясенным обывателям. Некоторые самозванные законодатели дошли даже до таких курьезов, как издание «декретов о национализации женщин», организации «бюро свободной любви» и т. п. В 1918 г. во Владимире появился такой, например, документ: «После 18-летнего возраста всякая девица объявляется государственной собственностью. Всякая девица, достигшая 18-летнего возраста и не вышедшая замуж, обязана под страхом строгого взыскания и наказания зарегистрироваться в бюро «свободной любви» при Комиссариате призрения. Зарегистрированной в бюро «свободной любви» предоставляется право выбора мужчины в возрасте от 19 до 50 лет себе в сожители-супруги... Право выбора из числа девиц, достигших 18 лет, предоставляется также и мужчинам. Выбирать мужа или жену предоставляется желающим раз в месяц. Бюро «свободной любви» автономно. Мужчинам в возрасте от 19 до 50 лет предоставляется право выбора женщин, записавшихся в бюро, даже без согласия на то последних, в интересах государства. Дети, произошедшие от такого рода сожителства, поступают в собственность республики».

Декрет саратовского клуба анархистов об «отмене частной собственности на женщин» и «объявлении последних общественным достоянием» получил громкий резонанс и надолго превратил Советы в мировое пугало. Книжка некоего Галина, выпущенная в 1925 г. за рубежом, так живописует нравы Совдепии: «Семейная жизнь разрушается, мужья не узнают своих жен, жены — мужей, все вертится и пляшет, как на вулкане. Карты, вино, женщины и мгновенное наслаждение... Всюду властвует необузданный порок».

Суровые реалии первых послереволюционных лет накладывали неизгладимый отпечаток на характер взаимоотношений полов. Всеобщая трудовая повинность периода военного коммунизма требовала от женщины равного с мужчиной участия в трудовом процессе как основного условия получения продовольственной карточки. Это более чем сомнительное достижение почему-то особенно восхищало высокопоставленных партийцев. По мнению А. М. Коллон-

тай, оно «внесло небывалый переворот в судьбу женщины, явилось величайшим актом революции... По своему влиянию на дальнейшие судьбы женщины и на коренное изменение ее положения в государстве, семье и обществе трудовая повинность сыграла роль, далеко оставляющую позади признание политического и гражданского равноправия женщин, провозглашенного Октябрьской революцией... Трудовая повинность установила взгляд на женский труд, как на труд нужный и полезный с точки зрения государства». К концу 1921 г. число женщин, занятых в промышленности и на транспорте, превышало два миллиона и равнялось одной трети всех рабочих рук, обслуживающих эти отрасли. Массовая постанровка «под ружье», казарменные методы управления, естественно, не способствовали удовлетворению индивидуальных потребностей человека. Но и переход к новой экономической политике оказался чрезвычайно мучительным процессом, породившим бесконечное количество «больных вопросов».

Годы разрухи и гражданской войны остались позади. Победивший на полях классовых боев пролетариат получил временную передышку, непримиримые революционные принципы утратили свою обязательность. Класс-гегемон потребовал «возмещения» за вынужденный аскетизм и лишения. Поэзия, воспевавшая тех, кто и «в годы железа быть железным сумел», настроилась на «лирику женских волос». А значительная часть молодежи обходилась даже и без лирики: она кинулась в водоворот кратковременных, мимолетных связей. Молодняк возводил «необходимое в степень добродетели», объявил любовь буржуазным предрассудком, оправдывал свою распущенность материалистическим мировоззрением. Апелляция к историческому материализму была очень популярна. Вульгарный материалист, отмечал И. И. Бухарин, «привык смотреть на вещи «резво»; он не связан никакими традициями в прошлом, не отягощен фолиантами премудрости и горами старых реликвий — их выбросила за борт революция... Он все хочет понюхать, пощупать, лизнуть. Он доверяет только собственным глазам; он в известном смысле весьма «физичен». Теоретические рассуждения подкреплялись данными моральной статистики: исследование И. Гельмана, проведенное в 1922 г. среди студентов Коммунистического университета им. Свердлова, показало, что 62% студентов параллельно живут брачной и внебрачной половой жизнью.

Проповедь «свободы любви» исходила и от таких ради-

кально настроенных деятельниц коммунистического движения, как И. Арманд и А. Коллонтай. Шокированный В. И. Ленин настойчиво добивался от Инессы Арманд отказаться от лозунгов «мимолетной страсти», заменить их требованиями «пролетарского гражданского брака с любовью». Повидимому, вождь революции вскоре убедился в нежизнеспособности этого загадочного монстра. Во всяком случае, он с нескрываемой тревогой возвращался к «половому вопросу» в беседах с Кларой Цеткин. «Многие называют свою позицию «революционной» и «коммунистической»... Все это не имеет ничего общего со свободой любви, как мы, коммунисты, ее понимаем. Вы, конечно, знаете знаменитую теорию о том, что в коммунистическом обществе удовлетворить половые стремления и любовную потребность также просто и незначительно, как выпить стакан воды. От этой теории «стакана воды» наша молодежь взбесилась, прямо взбесилась. Она стала злым роком многих юношей и девушек. Приверженцы ее утверждают, что эта теория марксистская. Спасибо за такой «марксизм». Ленин, видно, не имевший представления о подлинной силе и обязательности полового влечения, искренне подозревал происки буржуазии: «Мне, старику, это не импонирует. Хотя я меньше всего мрачный аскет, но мне так называемая «новая половая жизнь» молодежи — а часто и взрослых — довольно часто кажется чисто буржуазной, кажется разновидностью доброго буржуазного дома терпимости».

Охваченная революционным энтузиазмом молодежь рассуждала по-иному. Она брала «быка за рога» и решала «проклятый вопрос» с неподражаемой прямоотой: «Слушали: о половых сношениях. Постановили: половых сношений нам избегать нельзя. Если не будет половых сношений, то и не будет мировой революции». Отношения «без черемухи»*, «без всяких этих причиндалов» нашли в студенческой среде немало горячих сторонников. Среди учащихся вузов, проанкетированных Д. Лассом в 1928 г., почти половина ответила, что «любви нет», «не понимаю, что такое любовь», «любви не признаю» и т. д. С насмешкой говорят об этом чувстве и герои литературных произведений: «Мы не признаем никакой любви, — восклицает комсомолец из повести Л. Гумилевского «Собачий переулоч», — все это буржуазные штучки, мешающие делу». Комсомолка Женья, выведенная А. Коллонтай в одном из очерков, заявляет: «Поло-

Одноименный роман П. Романова.

вая жизнь для меня простые физические удовольствия, своих возлюбленных меняю по настроению. Сейчас я беременна, но не знаю, кто отец моего ребенка, да это для меня и безразлично». Героиня того же Л. Гумилевского выражается еще определенной: «Довольно! Требуется тебе парень — бери, удовлетворяйся, но не фокусничай. Смотри на вещи трезво. На то мы и исторический материализм изучаем...»

Нередко случалось, что верность теории подводила неумных «реформаторов», кое-кто из них попадал на страницы уголовной хроники. «Кореньковщина», «петровщина», «романовщина», «хазовщина», «тюковщина» и даже «альтшулеровщина» — теперь эти названия и выговорить-то сложно, а некогда они были нарицательными. Кореньковщина: студент Горной академии, член партии Кореньков довел систематическими издевательствами до самоубийства свою жену студентку Давидсон. Петровщина: ученик московской профшколы комсомолец Петров ранил финским ножом ученицу той же школы за отказ жить с ним «свободной комсомольской любовью». Романовщина: член курсуньской организации ЛКСМУ, секретарь заводской ячейки развращал пионерок и избивал свою жену. Хазовщина: комсомольский работник Хазов утерял портфель, в котором была найдена переписка с друзьями о совместных похождениях. Тюковщина: студент Сельскохозяйственной академии Тюков убил комсомолку за то, что она «оскорбила» его отказом от половой связи. Альтшулеровщина: молодые писатели (Альтшулер, Анохин и др.) изнасиловали во время вечеринки комсомолку Исламову, покончившую после этого с собой... Сексуальные эксцессы, вроде чубаровского дела или харьковского преступления «в зарослях бурьяна», иногда превращались в настоящую оргию, когда жертва попадала в руки группы насильников.

Социалистическая действительность мало соответствовала провозглашенным декларациям. Еще Г. Спенсер сказал: «Нет такой политической алхимии, посредством которой можно было бы получить золотое поведение из свинцовых инстинктов». Законы природы не исчезают по мановению волшебной палочки. Можно сколько угодно отрицать их на словах, но они действовали и продолжают действовать до сих пор. Отменить их не может даже пролетарская революция. Сколько бы не заклинали вульгарные материалисты, что влечение имеет классовую направленность, что семья «будет отправлена в музей древностей — покоиться

рядом с прялкой и бронзовым топором, рядом с экипажем, паровозом и проволочным телефоном», их пророчества, к счастью, не оправдались. Нравится это кому-то или нет, но все мы — малые и не всегда разумные дети природы, наши чувства принципиально не изменились оттого, что мы стали летать в космос.

...Когда я приезжаю в Ленинград, то обязательно прихожу в Летний сад взглянуть на скульптурное изображение куропатки и крокодила — древних символов лузурии, чувственной любви. Они по-прежнему стоят на своем месте, несмотря на то что над городом и всей страной опять бушуют политические бури. Но человеческие чувства исчезнут только тогда, когда кончится род людской. Ибо, как гласит мудрость Соломонова: «Сильна как смерть любовь...»

КРАТКИЙ ТЕРМИНОЛОГИЧЕСКИЙ СЛОВАРЬ

Авлетрúды — танцовщицы и музыкантши в Древней Греции, принимавшие участие в пирах и развлечениях.

Адóнис — бог плодородия в древнефиникийской мифологии. С V в. до н. э. культ А. распространился в Греции, позднее в Риме.

Алгола́гния (алгофилия) — удовлетворение половой потребности, связанное с причинением физической боли. Основные формы А.: *садизм, мазохизм*.

Алме́и (от араб. «alimah» — «ученая») — флейтистки, танцовщицы, поэтессы-импровизаторы Древнего Востока, развлекавшие гостей на пирах.

Ана́т (Аше́ра) — древнефиникийская богиня любви и войны, супруга *Ваала*. Культ А. был распространен со II тыс. до н. э. Известен благодаря раскопкам города-государства Угарит в Рас-Шарме (территория современной Сирии).

Андрогúны — мифологическое племя, якобы населявшее Землю в доисторические времена. А. одновременно обладали мужскими и женскими качествами. Греческий миф сообщает, что А. вызвали зависть и ярость богов гармонией своих отношений. Зевс разрубил каждого представителя племени на две половинки, т. е. разделил мужское и женское естество, и разбросал их по всему миру, чтобы они не могли найти друг друга и соединиться вновь. С тех пор люди мучаются в поисках утраченной, «недостающей половинки».

Анорга́змия — отсутствие *оргазма*.

Аскетúзм — ограничение или подавление чувственных желаний, добровольное перенесение физической боли, одиночества, лишений и т. п., присущие религиозному и философскому (например, у киников) мировоззрению. На практике А. выражается в различных формах сектантства, столпничества, принятия схимы, отказа от половой жизни и т. д.

Аста́рта (Аштар, Ассера, в Армении — Анаитис) — в древнефиникийской мифологии богиня плодородия, мате-

ринства и любви; астральное божество, олицетворение планеты Венера.

А́тгис — во фригийской мифологии бог плодородия, возлюбленный богини *Кибель*. Соответствует финикийскому *Адонису* и шумеро-вавилонскому Таммузу.

Аути́зм — психическое состояние, характеризующееся погружением в мир личных переживаний, утратой интереса к окружающей действительности, бедностью эмоциональных проявлений.

Аутоэро́тизм — направленность чувственного интереса на самого себя, при которой субъект становится объектом собственного сексуального влечения. То же что *Нарциссизм*.

Афроди́зиак — гомеопатическое или лекарственное средство, вызывающее половое возбуждение.

Афроди́та — в греческой мифологии богиня любви и красоты, возникшая из морской пены; у римлян А. соответствовала богиня *Венера*.

Баяде́ра (от португ. «bailadeira» — танцовщица) — древнеиндийская исполнительница танцев, участвовавшая в ритуальных церемониях и празднествах.

Бегина́ж (бегейнхоф) — монастыри, приюты для кающихся «падших» женщин, появившиеся в Европе в конце средних веков.

Ваа́л — древнее общесемитское божество плодородия, вод, войны. Почитался в Финикии, Палестине, Сирии. Через финикийцев и карфагенян культ В. распространился в Египет и на Пиренейский полуостров.

Вампири́зм сексуа́льный — разновидность *садизма*, выражающаяся в достижении полового удовлетворения при виде крови партнера. Вид крови может действовать столь возбуждающе, что иногда заменяет половой акт и приводит к *оргазму*. Нередко В. с. сопровождается убийством жертвы и надругательством над трупом (*некрофилия*). Страдать *перверсией* В. с. могут и женщины и мужчины.

Вау́йери́зм (визионизм, скопофилия) — 1) сексуальная *перверсия*, заключающаяся в достижении полового возбуждения и удовлетворения от подглядывания, созерцания *гениталий*, актов мочеиспускания и дефекации, сексуальной деятельности других лиц; 2) сходная по проявлениям тенденция удовлетворения сексуального любопытства у детей.

Гениталии — половые органы. Различают внутренние Г. (семенники, яичники и др.) и наружные Г. (половой член и мошонка у мужчины; преддверие влагалища, клитор и половые губы у женщины).

Гермафродит — в греческой мифологии сын *Гермеса* и *Афродиты*, юноша необычайной красоты. По просьбе нимфы Салмакиды, страстно и безответно влюбленной в Г., боги слили ее с ним в одно двуполое существо.

Гермафродитизм — наличие у одного организма мужских и женских половых органов. Различают истинный и ложный Г., последний отличается аномалией лишь наружных *гениталий*.

Гермес — в греческой мифологии сын Зевса, вестник олимпийских богов, покровитель пастухов и путников, бог торговли и прибыли. Г. являлся также объектом чувственного поклонения, о чем свидетельствуют остатки «герм» — каменных столбов с изображением головы бога и его половых органов. Г. соответствует римский Меркурий.

Геронтофилия — половое влечение к лицам пожилого возраста; половая связь или развратные действия по отношению к старикам.

Гетеросексуальность — нормальное половое поведение, влечение, направленное на лиц противоположного пола.

Гетера (от греческого «hetaira» — подруга, любовница) — в Древней Греции соответственно воспитанная, образованная, нередко одаренная талантами женщина, ведущая свободный, независимый образ жизни. Позднее понятие Г. приобрело более вульгарный смысл и стало нарицательным именем содержанки, наложницы и даже *проститутки*.

Гимен (девственная плева) — складка слизистой оболочки, закрывающая вход во влагалище. Целостность Г. считается гарантией целомудрия девушки и высоко ценится у разных народов мира. В древности девственность нередко приносилась в жертву богам или их «земным заместителям» — жрецам, царям, высшим сановникам. В повседневной жизни многих народов правом *дефлорации* обладал только законный муж. Вместе с тем в ряде регионов, например у южноамериканских индейцев, новорожденная девочка сразу же подвергалась культовому обряду разрывания Г.

Гименей — в греческой и римской мифологиях бог брака. Изображался нагим юношей, увенчанным гирляндой цветов и с факелом в руке. Выражение «узы Г.» в переносном смысле означает супружеский союз.

Гинекей — в Древней Греции женская половина в задней части дома.

Гинекократия (от греч. *gené* — женщина и *krátos* — власть) — женовластие, стадия развития общества, характеризующаяся господством женщин в хозяйственной, социальной и политической жизни. В советской литературе принят термин *матриархат*.

Гинекомастия — развитие у мужчины молочных желез по женскому типу при некоторых заболеваниях.

Годемисше (от франц. «*godemiche*» — наслаждайся мной) — инструмент для *мастурбации*, искусственного раздражения половых органов. Исторические аналоги Г. — «*tzelem-zakaq*» у древних иудеев и «золотая шпора» греческих гетер (см. главу II).

Гомосексуализм — 1) половое влечение к лицам своего пола; 2) сексуальная *перверсия*, при которой влечение направлено на лиц своего пола; Г. может быть мужской (*педерастия*), женский (*лесбиянство*). Различают Г. активный (мужской тип поведения) и пассивный (женский тип поведения).

Гризетка — в Париже конца XIX — начала XX в. молодая девушка (обычно швея, модистка, продавщица и т. п.), не придерживающаяся строгой морали и являвшаяся подругой молодых художников, студентов и других обитателей кварталов художественной интеллигенции.

Групповой брак — древнейшая форма брака, при которой все мужчины одного рода или определенной внутривидовой группы могли иметь брачные связи со всеми женщинами другой подобной же группы. Г. б. — следующая после *промискуитета* форма брачных отношений первобытности.

Двойной стандарт морали — различие требований и норм сексуального поведения мужчин и женщин, уходящее корнями к религиозным догмам. Нормы Д. с. м. предписывают женщине соблюдение добрачного целомудрия, предусматривают жестокие меры наказания за прелюбодеяние и супружескую измену. В отношении мужчины Д. с. м. допускает значительно большую свободу чувственных проявлений, доходящую иногда до вседозволенности. Д. с. м. существовал на всех этапах исторического развития общества, особенно ярко он проявился во времена правления английской королевы Виктории (1837—1901). поэтому некоторые авторы называют его викторианской моралью.

Деметра — в греческой мифологии богиня плодородия, покровительница земледелия. Дочь Кроноса и Реи, сестра Зевса, мать Персефоны. Ей соответствует римская Церера. См. *Элевсинские мистерии*.

Дефлорация (позднелат. *defloratio*, букв. — «срывание цветов») — лишение девственности; нарушение целостности гимена (девственной плевы) преимущественно при половом сношении. В дохристианские времена Д. часто носила культовый характер и производилась жрецами и другими посвященными лицами.

Диапазон приемлемости — психологическая установка личности, определяющая допустимость тех или иных ласк при половом акте. Д. п. обуславливается особенностями воспитания, представлениями о допустимом и недопустимом в интимном общении, соображениями морали и т. д. Ограниченность Д. п. может проявиться в подавлении таких способов проведения полового акта, как *минет* (фелляцию), *куннилингус* и др.

Диктерион — общественный или частный публичный дом в Древней Греции, учрежденный в соответствии с законодательством афинского Солона. Обитательница Д. — публичная женщина в Древней Греции. Первоначально диктериадами становились только рабыни, впоследствии продажей своего тела стали заниматься и гражданки греческих полисов (в том числе и вне Д. — так называемые свободные диктериады).

Диморфизм половой — морфологические, физиологические и психические различия, обусловленные принадлежностью к мужскому или женскому полу.

Дионис (Вакх) — в греческой мифологии бог виноградарства и виноделия, сын Зевса и фиванской царевны Семелы. В честь Д. справлялись празднества Дионисии и вакханалии.

Дионисии — в Древней Греции празднества в честь бога Диониса. Во время Великих Д. устраивались торжественные процессии, состязания драматургов, поэтов, музыкантов, хоров, отменялись все сословные и родственные ограничения, допускалась значительная свобода проявлений чувственности. Со II в. до н. э. в Древнем Риме эти празднества стали именоваться вакханалиями и приобрели характер настоящих оргий.

Зоофилия (от греч. *zōon* — животное, живое существо и *philéo* — люблю; скотоложество; бестиафилия) — сексуаль-

ная *перверсия*, при которой половое влечение направлено на животных. З. (содомия) известна с глубокой древности, в Библии рассказывается о двух городах, Содоме и Гоморре, жители которых погрязли в распутстве и за это были испепелены огнем, посланным с небес. В переносном смысле содомия — беспорядок, хаос, развратная жизнь.

Зрение — восприятие объектов внешнего мира посредством улавливания отражаемого или излучаемого света. З. играет очень большую роль в возбуждении полового чувства человека, главным образом мужчины. Вид наготы, полуобнаженного тела является мощным пусковым механизмом чувственного восприятия, на котором основано действие визуальных форм *порнографии*.

Импотенция (лат. *impotentia* — слабость) — половое бессилие; ослабление *эрекции*, нарушающее нормальное проведение полового акта. Различают И., вызванную тем или иным функциональным заболеванием, и психическую И., временно возникающую на почве субъективных ощущений, особенностей конкретной ситуации (например, И. первой брачной ночи) и ее психологического восприятия.

Ишест (кровосмещение) — половые связи между кровными родственниками по восходящей или нисходящей линии. И. известен в истории как одна из форм *эндогамии*, а также как сексуальная *перверсия*. И. является моральным *табу* во всем цивилизованном мире, однако отдельные современные народности, оставшиеся на первобытном уровне развития (например, аборигены Австралии), не только не карают И., но даже приветствуют его: считается, что связь с матерью обеспечивает богатство, придает мужество воину и т. д.

Изида (Изида) — в древнеегипетской мифологии супруга и сестра *Осириса*, олицетворение супружеской верности и материнства; богиня плодородия, воды и ветра, волшебства, мореплавания, охранительница умерших. Изображалась в виде женщины с головой или рогами коровы.

Ишгар — в аккадской мифологии богиня плодородия и плотской любви, войны и распри; астральное божество, олицетворение планеты Венера.

Кандуализм — отклоняющаяся форма полового поведения, заключающаяся в демонстрации посторонним лицам собственной обнаженной жены или любовницы.

Кедеши — юноши и молодые мужчины, занимавшиеся

гомосексуальной культовой проституцией при храмах древних иудеев.

Кейра — обобщающее название орогенитальных (от лат. os, oris — рот и *гениталии*) половых контактов вне зависимости от разделения ролей между мужчиной и женщиной.

Кибела — верховная фригийская богиня, почитавшаяся в Малой Азии, Греции, а с 204 г. до н. э. получившая установленный государством культ в Риме. Обрядность культа носила оргастический характер, сопровождалась жертвоприношениями, массовым самоистязанием и оскоплением.

Кинеды — в Древней Греции юноши и мужчины, занимавшиеся проституцией и сводничеством.

Клитемestra (Клитемestra) — в греческой мифологии жена Микенского царя Агамемнона. Во время участия мужа в Троянской войне К. вступила в связь с его двоюродным братом Эгисфом, а когда Агамемнон возвратился на родину, коварно убила его. Изменница погибла от руки собственного сына Ореста, отомстившего за отца. Имя К. стало нарицательным, а ее судьба отразилась в трагедиях Эсхила, Софокла и Еврипида.

Коитус — совокупление, половой акт.

Коитус анальный (coitus per anus, coitus per rectum) — половой акт, производимый через задний проход. К. а. может быть гомосексуальным (*недерастия*), но может производиться и в отношении женщины, в тех случаях, когда это допускается *диапазоном приемлемости* или если анус является выраженной *эрогенной зоной*. Различные приемы К. а. описаны в «Кама-Сутре», древнеиндийском трактате о любви. К. а. применяются также в целях предохранения от нежелательной беременности или сохранения целостности *гимена*.

Коитус между бёдер (coitus intra femora) — древнеиндийские источники различают две основные разновидности К. м. б.: *викхарита* — сношение между сомкнутыми бедрами и *виргхата* — трение членом по промежности, «не входя ни в задние, ни в передние ворота рая». К. м. б. применяется для достижения целей, идентичных случаю использования *коитуса анального*.

Коитус между грудей (coitus intra mammae) — так называемая *нарвасадата*. «Кама-Сутра» рекомендовала К. м. г. для первого совокупления после длительной разлуки.

Компаньонат — экспериментальная форма брачных отношений, возникшая в США в 20-е годы XX в. К. — вре-

менный, не регистрируемый в государственных органах союз мужчины и женщины, основанный на взаимовыгодном соглашении.

Конкубинат (лат. «con» — вместе и «cubo» — лежу, сожительствую) — в римском праве фактическое соительство мужчины и женщины. Дети, рожденные в К., имели ограниченное право наследования.

Копролалия (скатология) — навязчивое стремление к произнесению бранных, нецензурных слов и выражений, в том числе и во время полового акта.

Копулятивный цикл — совокупность взаимосвязанных и последовательно развертывающихся физиологических изменений в организме, обеспечивающих осуществление функции размножения. В норме К. ц. предполагает следующие стадии: *либидо*, *эрекция*, *фрикция*, *эякуляция*, *оргазм* и последующий спад нервного возбуждения (рефрактерная стадия).

Куннилингус (лат. *cunnilingus*, в древнеиндийской литературе — кумбитмака) — орогенитальный контакт в отношении женщины; воздействие губами и языком на женские половые органы, главным образом на клитор.

Куртизанка — молодая, красивая женщина, ведущая свободный, светский образ жизни и отдающаяся по любви или за вознаграждение своим высоким покровителям.

L'amour croisé (л'амур круазе) — перекрестный орогенитальный контакт, известный еще под названием «69» (шестьдесят девять).

Лесбийская любовь (антерос, трибадия, сафизм, лесбиянство) — женский *гомосексуализм*; известен с глубокой древности. Термин происходит от названия острова Лесбос, на котором в VII—VI вв. до н. э. жила поэтесса *Сафо*, предававшаяся этой страсти. Л. л. имеет целую гамму оттенков: от безобидных ласк и поцелуев до взаимного *онанизма* и *куннилингуса*. В специальной литературе различается влечение к девушкам-подросткам (корофилия), к молодым женщинам (партенофилия), к зрелым женщинам (гинекофилия) и к пожилым (граофилия).

Либидо (лат. *libido* — влечение, желание, стремление) — 1) инстинктивное половое влечение, в большей или меньшей степени присущее каждому человеку; 2) одно из основных понятий психоанализа З. Фрейда.

Лингам — древнеиндийское божество, символ мужского полового органа, с помощью которого приносились жерт-

воприношения девственности. Л. соответствует египетскому *Приану* и греческому *Фаллосу*.

Мазохизм — одна из форм *алголагнии*, при которой для достижения *оргазма* необходимо испытывать физическую боль или моральное унижение, причиняемые партнером. Название происходит от имени писателя Л. Захер-Мазоха (1836—1895), оразившего свои переживания в романе «Венера в мехах».

Масляничная пьеса — театральное представление или сценка фривольного содержания, предназначавшаяся для показа во время масленицы и народных гуляний.

Матриархат (от лат. *mater* — мать и греч. *arché* — начало, власть) — одна из форм общественного устройства в период первобытнообщинного строя, характеризующаяся доминирующим положением женщины.

Матрона — почтенная замужняя женщина в Древнем Риме.

Межвидовые сексуальные контакты — как пишет профессор Г. С. Васильченко, М. с. к. «хотя и ограничиваются анатомической видовой специфичностью *гениталий*, все же наблюдаются в животном мире даже среди далеко отстоящих видов, таких, как страус и самка антилопы, кобель и курица и т. п. Один из наиболее экзотических М. с. к. наблюдал Гэмилтон, когда в клетку, где содержалась пара макак, была подброшена змея 4 футов длины и самец, яванский макак Джоко, осторожно приблизившись к ошеломленной змее, предпринял энергичные попытки произвести копуляцию». М. с. к. у человека — *зоофилия*.

Менархе — возраст наступления первой менструации у девушек.

Менопауза — прекращение менструации у женщины, знаменующее окончание детородного периода ее жизни. В норме М. наступает около 50 лет, однако в истории имелись удивительные случаи, о которых сообщает профессор В. И. Здравомыслов с соавторами: «В архиве парижской Академии наук хранится история болезни больной 106 лет, которая продолжала менструировать. Meissner наблюдал женщину, менструировавшую нормально с 20 до 60 лет. В течение 10 лет у нее наступила первая М., а с 70 до 98 лет — нормальные месячные. С 98 до 104 лет у нее была вторая М., а в 104 года вновь начались менструации».

Мессалина — третья жена римского императора Клавдия (10 до н. э. — 54 н. э.), отличавшаяся властолюбием,

жестокостью и откровенным распутством. М. не только сама занималась изощренным развратом, но и устраивала массовые оргии, привлекая к участию в них гладиаторов и придворных дам. Ее имя стало нарицательным для распутной, бесстыдной женщины. См. *нимфомания* (мессалинизм).

Метатропизм — форма половой близости, при которой женщина выполняет в интимных взаимоотношениях активные функции, психологически берет на себя роль мужчины, а ее партнер следует женскому типу поведения.

Метресса (от француз. «*maître*» — хозяин) — общепринятое наименование любовницы.

Мизогиния — женоненавистничество, дискриминация женщины в общественной жизни и в быту.

Милитта (Милидата) — дневноассирийская богиня любви. Культ М. был широко распространен на Ближнем Востоке, соответствует греческой Афродите и римской Венере.

Минет (*fellatio, irrumatio, penislictio, coitus peros*) — оргогенитальный контакт, заключающийся в воздействии ртом и языком на половой орган мужчины. М. может иметь гомосексуальный характер (см. *Педерастия; Урнинг*), но может производиться и женщиной в силу ее психосексуальных особенностей и в пределах *диапазона приемлемости*.

Молох — божество в библейской мифологии, которому приносились человеческие жертвы. В переносном смысле — кровавая, ненасытная сила.

Моногамия (от греч. *mónos* — один, единственный и *gámos* — брак) — единобрачие; историческая форма семьи, возникшая в период распада первобытнообщинного строя и наиболее распространенная в мире в настоящее время.

Мутун — этрусское божество, аналог *Лингама, Приапа* и *Фаллоса*.

Нарциссизм (аутоэротизм) — 1) сексуальная *перверсия*, при которой объектом полового влечения является собственное тело. Термин Н. восходит к греческой мифологии: прекрасный юноша, сын речного бога Кефиса, Нарцисс влюбился в собственное отражение в воде (отсюда выражение «самовлюбленный Нарцисс») и умер от неразделенной страсти. Нарцисс отверг любовь нимфы Эхо, за что был наказан *Афродитой* и превращен после смерти в цветок; 2) любые формы самовлюбленности, самолюбования как качества личности.

Некрофилия (от греч. *nekrós* — мертвый и *philéō* — люблю) — сексуальная *перверсия*, влечение к проведению полового акта с трупом.

Нимфомания (от греч. *númphē* — невеста, молодая женщина и *mania* — безумие, восторженность, страсть) — болезненное усиление полового влечения у женщин, синонимом мессалинизма. Истории известно немало примеров Н.: дочь римского императора Августа Юлия принимала по ночам целые группы любовников, а по утрам вывешивала на стацию Марса лавровые венки по числу своих партнеров; Поппея и ее дочь Фаустина выстраивали рядами голых гладиаторов и матросов, из которых выбирали себе любовников; см. также *Мессалина*.

Обоняние — восприятие запахов. О. может являться сильным сексуальным раздражителем. Самцы некоторых видов бабочек чувствуют запах самки за несколько километров и безошибочно летят ей навстречу. Запахи самок животных, привлекающие самцов, называются эпигонами. Для человека особенно возбуждающей в сексуальном отношении считается каприловая химическая группа (пот, влагалищные выделения, семенная жидкость и т. п.). О., как возбуждающий фактор, присуще больше мужчине, чем женщине. О. некоторых мужчин столь изошрено в этом отношении, что заставляет их прибегать в обязательном порядке к *куннилингу*су. Женщин нередко возбуждает запах посевного каштана, схожий с запахом спермы. К естественным возбуждающим запахам относятся запахи резеды, гелиотропа, жасмина, пачулей, фиалки, розы, мускуса, гвоздики.

Обрезание — хирургическое удаление крайней плоти мужского члена. Обряды О. имели место еще в первобытнообщинном обществе при инициации подростков. О. сохранилось у некоторых народов Австралии, Океании, Африки, в религиозном ритуале иудаизма (над младенцами) и ислама (над мальчиками 7—10 лет).

Одалиска — султанская наложница, обитательница гарема.

Ойгархе — возраст наступления первых *поллюций* или *эякуляции* у мальчика. Термин введен в оборот Агнессой Бреструп (1960) по аналогии с *менархе*.

Онанизм (мастурбация: от лат. *manus* — рука и *stupro* — оскверняю; ипсация; рукоблудие) — искусственное (вне полового акта) раздражение половых органов для достижения *оргазма*. Термин О. происходит от имени библейского

персонажа, юноши Онана, который «пролил свое семя на землю», не пожелав вступить в связь со вдовой своего брата. О. различается по происхождению и имеет разную феноменологию у мужчин и женщин (анальный, взаимный, заместительный, групповой, оральный, периода юношеской гиперсексуальности, подражательный, психический и т. д.). Современная медицина не разделяет традиционную точку зрения о том, что О. — удел умственно и психически неполноценных личностей (по данным отчета А. Кинзи О. практиковали более 96% мужчин и около 60% женщин). Изменились и взгляды на возможные последствия занятия О. и тот вред, который он наносит организму. На наш взгляд, профессор Г. С. Васильченко совершенно справедливо утверждает, что О. «представляет суррогатное средство, позволяющее снять или смягчить проявления физиологического дискомфорта, порождаемые биологической потребностью, не находящей адекватного удовлетворения».

Оргазм (от греч. *orgáo* — пылаю страстью) — высшая степень сладострастного ощущения, возникающая в момент завершения полового акта. В норме О. присущ каждому индивиду. Однако, если для мужчины О. является непременным компонентом *копулятивного цикла*, выпадение которого может привести к сбою и отказу всей системы размножения, то для женщины наличие О. не всегда имеет столь обязательный характер (не столь уж редко женщины обходятся в половой жизни без О., удовлетворяясь чувством психологической разрядки).

Осирис (Озирис) — в древнеегипетской мифологии бог умирающей и воскресающей природы, брат и супруг *Исиды*, отец Гора; покровитель и судья мертвых. Изображался в виде мумии.

Осязание — восприятие прикосновений, давления, растяжения. О. тесно связано с сексуальностью (воздействие на *эрогенные зоны*). Трение, массаж руками и ногами широко применялись еще в Древней Индии, у греков и римлян; индийские руководства о любви содержат целые разделы по технике объятий. О. является существенным компонентом чувственного возбуждения во время танцев, которые некоторые исследователи относят к экстрагенитальной форме полового общения.

Пагизм (сервизм) — сексуальная *перверсия*, разновидность *мазохизма*, заключающаяся в рабском и беспрековом выполнении самых диких желаний партнера, дохо-

дящих иногда до самоунижения и самокалечения. Термин происходит от франц. «page» — мальчик или юноша, прислуживающий членам семьи своего господина, поэтому более правильным было бы употребление «пажизм», а не П. Проявления П. отмечаются и у мужчин и у женщин.

Педерастия (от греч. *país* — мальчик и *εγάο* — люблю) — мужской *гомосексуализм*, сексуальная *перверсия*, заключающаяся в проведении *коитуса анального*. Различают *педофилию* — влечение к мальчикам; *эфебофилию* — влечение к юношам; *андрофилию* — влечение к пожилым мужчинам. В ряде стран, в том числе в СССР, П. является уголовно наказуемым преступлением.

Педофилия — сексуальное влечение к детям. Преимущественно встречается у лиц мужского пола, чаще у пожилых людей с нарушениями половых функций. П. выражается в развратных действиях: демонстрации *порнографии*, обнажении *гениталий*, иногда завершается половым актом.

Перверсия (от лат. *perversus* — перевернутый, извращенный) — нарушение направленности полового влечения по объекту, полу или способу его удовлетворения; то же, что половое извращение.

Пермиссивность — вседозволенность, отсутствие моральных и иных ограничений в половой жизни.

Петтинг (нэкинг) — всевозможные любовные ласки, вызывающие резкое возбуждение, а иногда доводящие обоих партнеров или одного из них до *оргазма*, производимые без прямого контакта их *гениталий*. В зависимости от диапазона ласк различают *поверхностный П.* (поцелуи, объятия, раздражение *эрогенных зон* через одежду и т. д.) и *глубокий П.* (одностороннее или взаимное *онанирование*, *куннилингус*, *минет* и др.). П. обычно пользуется в условиях, исключающих проведение нормального полового акта, а также в целях предохранения от беременности и *дефлорации*.

Пигмалионизм (монументофилия) — сексуальная *перверсия*, заключающаяся в получении удовлетворения от созерцания обнаженной природы и произведений искусства. П. выражается в *онанировании*, имитации полового акта со скульптурой или изображением, иногда проявляется в стремлении разбить, изуродовать предмет своей страсти (садистский П.). Термин произошел от имени пафосского скульптора Пигмалиона, описанного в X книге «Метаморфоз» Овидия. Пигмалион вырезал из слоновой кости скульптуру женщины и влюбился в свое творение. *Афродита*,

вняв его мольбам, оживила статую, превратила ее в прекрасную деву, которая ответила мастеру любовью.

Полигамия (от греч. *polýs* — многий, многочисленный и *gámos* — брак) — в буквальном смысле многобрачие; термин, обозначающий групповой брак, полиандрию (союз одной женщины с несколькими мужчинами) и полигинию (союз одного мужчины с несколькими женщинами).

Поллюция (от лат. *pollutio* — марање, пачканье) — непроизвольное извержение семени у мужчин, преимущественно во сне.

Поллюционизм — сексуальная *перверсия*, заключающаяся в стремлении нюхать, пробовать на вкус, хранить выделения и испражнения лиц другого пола.

Половое... — комплекс репродуктивных, общесоматических, поведенческих и социальных характеристик, определяющих индивида как мальчика или девочку, мужчину или женщину. См. также *сексуальное, эротическое*.

Половой символизм — мысленное замещение реального партнера вымышленным идеальным персонажем, литературным или иным героем, посторонней личностью.

Порнография (от греч. *pornos* — развратник и *gráphō* — пишу) — вульгарно-натуралистическое произведение, направленное на разжигание чувственной страсти.

Поцелуй — контакт губ партнеров, обеспечивающий осязательные и обонятельные чувственные ощущения. История П. прослеживается из глубокой древности: древнеиндийские, греческие и римские источники подробно описывают технику П., различают губной, языковый и др. П. Овидий (43 до н. э. — ок. 18 н. э.) в «Науке любви» пишет:

«Тот языком сладострастным прильнул к твоим влажным губам.

Братьев своих никогда так родная сестра не целует.
Так похотливый мужчина целует развратных подруг.
Так и с Дианою Феб поступать никогда не решался;
Только Венере бог Марс поцелуй такие дарит».

Книга II, элегия V.

«Страстно впился язычком в мои воспаленные губы...»

Книга III, элегия VII.

Пояс Венеры — металлическая или комбинированная конструкция, надевавшаяся женщиной на бедра под верхним платьем и запиравшаяся на ключ. П. В. применялся начиная с раннего средневековья как средство, ограничивающее половую свободу женщины. См. по тексту главы V.

Право первой брачной ночи (*jus primae noctis*) — общепринятая практика эпохи феодализма, в соответствии с

которой господин распоряжался телом принадлежащих ему крепостных: он сам или назначенный им представитель проводил первую ночь с невестой крестьянина или мелкого вассала.

Приап — языческое божество древнеегипетского происхождения, символически изображавшееся в виде фигуры с эрегированным половым членом или самого мужского полового органа.

Приапизм — болезненно напряженное состояние полового органа мужчины, не проходящее даже после повторных сексуальных контактов.

Пробные ночи — средневековая традиция совместного времяпрепровождения юношей и девушек в целях заключения брака, распространенная в крестьянской и мелкобуржуазной среде.

Промискуитет (от лат. *promiscuus* — смешанный, общий) — 1) предполагаемая стадия ничем не ограниченных отношений между полами, предшествовавшая установлению семьи и брака; 2) в широком смысле слова П. — неупорядоченное половое сожительство, хаотичность половых связей.

Проституция (от лат. *prostituo* — позорю, бесчещу) — продажа собственного тела (главным образом женщинами) с целью добыть средства для существования. П. как социальное явление известна с древнейших времен и присуща всем общественным формациям.

Роль половая — специфический набор требований и ожиданий, предъявляемых обществом к индивидам мужского или женского пола.

Садизм — форма *алголагнии*, половое извращение, при котором для достижения удовлетворения необходимо причинение боли партнеру. Происхождение термина связано с именем графа де Сада (1740—1814), описавшего в своих романах эту *перверсию*. В переносном смысле С. — стремление к жестокости, наслаждению чужими страданиями.

Сатириаз (от греч. *sátyros* — сатир) — болезненно повышенное половое влечение у мужчин с постоянным чувством половой неудовлетворенности; аналог женской *нимфомании*.

Сафо (Сапфо) — греческая поэтесса VII—VI вв. до н. э., стояла во главе кружка избранных девушек, которых обучала музыке, стихосложению, танцам. Центральная тема ее творчества — любовь, нежное общение подруг, девичья

красота. С. — легендарная приверженица *лесбийской любви*.

Сексопатология — область медицины, изучающая половые расстройства с целью их диагностики, лечения и профилактики.

Сексуальное... — совокупность реакций, переживаний и действий, связанных с удовлетворением полового влечения. См. также *половое... эротическое...*

Слух — восприятие звуковых колебаний. С. является для женщины таким же мощным чувственным раздражителем, как *зрение* для мужчины. Недаром сексологический афоризм гласит: «Женщина любит ушами, а мужчина — глазами». Кроме признаний в любви и ласковых слов, возбуждающее воздействие может оказывать ритмическая музыка с нарастающим темпом, например, «Болеро» М. Равеля; оперы Р. Вагнера, которого даже называли «эротическим гением»; некоторые произведения И. Стравинского; оперетты Ж. Оффенбаха, рок-музыка...

Стеатопигия (от греч. *stéatos* — жир и *pigē* — огузок, ягодицы) — сильное развитие подкожного жирового слоя на бедрах и ягодицах женщины.

Суфражизм (от англ. *suffrage* — избирательное право) — движение за предоставление женщинам избирательного права, развернувшееся во второй половине XIX — начале XX в. в Великобритании, США и ряде других стран и сопровождавшееся шумными, скандальными выступлениями участниц.

Табу — в доклассовом обществе система запретов на совершение определенных действий, прежде всего в сфере взаимоотношений полов. Принципы Т. сохранились во всех религиях, например, понятие греха в христианстве.

Теория «стакана воды» — попытка радикального пересмотра накопленного опыта сексуальной морали, предпринятая после Октябрьской революции в России. Т. «с. в.» сводила взаимоотношения полов к удовлетворению элементарных инстинктов; разделялась некоторыми деятелями коммунистического движения, например, А. М. Коллонтай (1872—1952).

Техника полового акта — с точки зрения современной сексологии включает четыре основных компонента: а) положение партнеров при половом акте, позиции полового акта; б) интроекция (интроитус) — введение полового члена во влагалище; в) *фрикция*; г) организация и обеспече-

ние *оргазма* женщины. Т. п. а. имеет древнюю и богатую традицию в литературе: книги «Кама-Сутра» (более 2 тыс. лет назад) и «Анамгаранда Калиономата» (конец XV столетия) содержат описания нескольких сотен позиций и их вариантов.

Трансвестизм (эонизм) — *перверсия*, заключающаяся в стремлении носить одежду противоположного пола и соответственно с этим менять свое поведение. Т. связан с *гомосексуализмом* и *транссексуальностью*, встречается у активных лесбиянок и пассивных педерастов.

Транссексуальность — стремление изменить свою половую принадлежность, *ролевое поведение*. В основе Т. лежат нарушения сексуальной идентификации, ощущения принадлежности к другому полу.

Урниги — гомосексуалисты, чьи интимные отношения ограничиваются взаимными манипуляциями с половыми органами, а вне сексуальной сферы отличаются стремлением к духовной близости.

Фаллос (Фаллус) — в древнегреческой мифологии олицетворение мужского полового органа; аналог *Приапа*.

Фетишизм (от франц. *fétiche* — идол, талисман) — сексуальная *перверсия*, при которой объектом влечения являются отдельные части тела (грудь, ягодицы, ноги), волосы, косы, атрибуты туалета (чулки, туфли, перчатки, бюстгальтеры и т. п.), а также неодушевленные предметы, например, статуи (см. *Пигмалионизм*).

Флагелляция (флагеллянтизм) — самобичевание, самоистязание вплоть до нанесения увечий на религиозной или сексуальной почве.

Фригидность (от лат. *frigidus* — холодный) — половая холодность женщины, отсутствие оргазма, обусловленные психосексуальными или иными факторами, а также дисгармонией интимных отношений партнеров.

Фрикция (от лат. *frictio* — трение) — стадия *копулятивного цикла*, в норме следующая за *эрекцией*; равномерные, поступательно-возвратные движения полового члена во влагалище.

Фроттеризм (фроттаж) — сексуальная *перверсия*, заключающаяся в проведении трущихся, коитоподобных движений телом в толпе, в местах массового скопления людей (общественном транспорте, магазинах, очередях и т. д.).

Фрустрация (от лат. *frustratio* — обман, неудача) — угне-

тенное, напряженное состояние, возникающее в ситуации разочарования, недостижимости значимой цели, половой потребности.

Хиеродулы (гиеродулы) — храмовые проститутки, участвовавшие в отправлении культов древних языческих богов; вознаграждение, полученное за продажу своего тела, оставляли храму.

Хирсутизм (гирсутизм) — оволосение лица и тела женщин по мужскому типу.

Цисвестизм — стремление взрослого человека носить детскую одежду (см. *фетишизм; трансвестизм*).

Чичисбей — в Италии XVI—XVII вв. друг семьи, постоянный спутник (любовник) жены главы семейства, открыто появлявшийся вместе с нею в общественных местах.

Эдип — в греческой мифологии сын царя Фив Лаия; по приказу отца, которому была предсказана гибель от руки сына, Э. был брошен младенцем в горах. Спасенный пастухом, он, сам того не подозревая, убил отца и женился на собственной матери. Узнав, что сбылось предсказание оракула, Э. ослепил себя. Миф об Э. разрабатывался в мировой литературе (Софокл), послужил прообразом для создания психологического понятия «комплекс Э.» — совокупность вытесненных в область бессознательного идей и враждебных импульсов по отношению к отцу.

Экзаудоризм — получение удовлетворения от подслушивания звуков совокупления и других сексуальных действий.

Экзогамия (от греч. *éxō* — вне, снаружи и *gámos* — брак) — характерное для первобытнообщинного строя *табу* браков в пределах одной родственной группы.

Экстибиционизм (от лат. *exhibitio* — выставление) — сексуальная *перверсия*, проявляющаяся в публичном обнажении половых органов перед лицами другого пола. См. также *кандаулезизм*.

Эксцесс сексуальный — повторные половые акты, совершаемые в пределах суток, при условии, что каждый акт носит завершенный характер, т. е. заканчивается *оргазмом* или *эякуляцией*.

Элевсинские мистерии — в Древней Греции ежегодные религиозные празднества в городе Элевсин в честь богини *Деметры*, заканчивающиеся массовыми оргиями.

Эмоционально-эрогенная подготовка — процесс предварительных ласк и раздражения *эрогенных зон*, предшествующий половому акту и способствующий созданию соответствующего психологического настроения партнеров.

Эндогамия (от греч. *éndon* — внутри и *gámos* — брак) — брачные связи внутри определенных общественных групп в эпоху первобытнообщинного строя. Э. племени обычно сочеталась с *экзогамией* входивших в него родов.

Эргофилия (от греч. *érgon* — работа и *philéō* — люблю) — сексуальное возбуждение, испытываемое при лицезрении телодвижений артистов, спортсменов и др. Э. может быть присуща заядлым балетоманам.

Эрекция — стадия *копулятивного цикла*, следующая за возникновением *либидо*; сосудисто-рефлекторный акт наполнения пещеристых тел полового члена кровью, достижения им необходимой твердости.

Эрогенные зоны — участки кожи на теле человека, прикосновение и раздражение которых вызывает сексуальное возбуждение. Расположение Э. з. у разных людей строго индивидуально; классическими Э. з. считаются поверхность слизистой оболочки рта, шея, грудь, половые органы.

Эрос — 1) *Эрот*; 2) у Платона и его последователей Э. — любовь, побудительная сила духовного восхождения, эстетический восторг и экстатическая устремленность к созерцанию идей истинно сущего, добра и красоты.

Эрот (Эрос) — в греческой мифологии бог любви; ему соответствует римский Амур (Купидон).

Эротическое... — специфическая психосоциальная «надстройка» *сексуального*, связанная с высшими формами эмоций и мышления (чувствами, переживаниями, представлениями, воображением и др.). Ср. также *половое...*

Эрографомания — стремление писать и изображать непристойности. Э. имеет широкий диапазон: от стихотворчества, например произведения скандально известного поэта И. С. Баркова (ок. 1732—1768) до надписей на заборах и стенах туалетов. Сходно с *копролалией*.

Эструс (от новолат. *oestrus*) — течка, период половой активности у самок млекопитающих.

Эфеб (от греч. *éphēbos* — юноша) — термин, использовавшийся в Древней Греции в переносном смысле: пассивный педераст.

Эякуляция (от новолат. *ejaculatio* — извержение) — стадия *копулятивного цикла*, предшествующая *оргазму*; процесс семяизвержения.

Научно-художественное издание

Александр Васильевич СОСНОВСКИЙ

ЛИКИ ЛЮБВИ

(Очерки истории половой морали)

Главный отраслевой редактор *В. П. Демьянов*

Редактор *С. Н. Попова*

Мл. редактор *Л. В. Дегтярева*

Худож. редактор *И. А. Емельянова*

Художник *А. И. Лисицын*

Техн. редакторы *А. Л. Гулина, Н. В. Клецкая*

Корректоры *Е. И. Алышевская, Е. К. Шарикова*

ИБ № 12020

Сдано в набор 03.09.91. Подписано к печати 17.01.92. Формат бумаги 84x108 1/32. Бумага офсетная. Гарнитура Таймс. Печать Глубокая. Усл. печ. л. 10,92 + 2,52 вкл. Усл. кр.-отт. 21,42. Уч.-изд. л. 11,55+2,52 вкл. Тираж 80 000 экз. Заказ 2537. „С”-1.

Издательство «Знание». 101835, ГСП, Москва, Центр, проезд Серова, д. 4. Индекс заказа 927704.
Ордена Трудового Красного Знамени Гаерской полиграфкомбинат Министерства печати и информации Российской Федерации
170024 г. Тверь, проспект Ленина, 5.